

СКОТТ В.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:

ПЕВЕРИЛ ПИК

Собрание сочинений

Вальтер Скотт

Певерил Пик

«Алгоритм»

1823

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Скотт В.

Певерил Пик / В. Скотт — «Алгоритм», 1823 — (Собрание сочинений)

ISBN 978-5-486-03351-3

Вальтер Скотт (1771–1832) – английский поэт, прозаик, историк. По происхождению шотландец. Создатель и мастер жанра исторического романа, в котором он сумел слить воедино большие исторические события и частную жизнь героев. С необычайной живостью и красочностью Скотт изобразил историческое прошлое от Средневековья до конца XVIII в., воскресив обстановку, быт и нравы прошедших времен. Из-под его пера возникали яркие, живые, многомерные и своеобразные характеры не только реальных исторических, но и вымышленных персонажей. За заслуги перед отечеством в 1820 г. Скотту был дарован титул баронета. События, о которых повествуется в романе «Певерил Пик», публикуемом в данном томе, происходят в Англии в эпоху реставрации Стюартов, начиная со вступления на престол Карла II в 1660 году и кончая так называемым папистским заговором 1678 года.

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-03351-3

© Скотт В., 1823
© Алгоритм, 1823

Содержание

Введение	6
Глава I	10
Глава II	18
Глава III	22
Глава IV	25
Глава V	36
Глава VI	46
Глава VII	54
Глава VIII	59
Глава IX	67
Глава X	73
Глава XI	81
Глава XII	87
Глава XIII	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96
Комментарии	

Вальтер Скотт

Певерил Пик

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», состав, комментарии, 2010

* * *

Введение

[1]

Если бы я ценил свою репутацию, чего, так сказать, требует от меня благоразумие, я мог бы теперь подвести черту и остаться до конца дней своих или (кто знает?), быть может, и на несколько лет после смерти «изобретательным автором» «Уэверли». Однако я так же мечтал о подобного рода бессмертии, которого могло бы хватить лет на двадцать или тридцать, как Фальстаф мечтал быть выпотрошенным, что обещал ему после битвы при Шрусбери его патрон принц Уэльский^[2]: «Выпотрошат! Если меня сегодня выпотрошат, то завтра я тебе разрешаю посолить меня и съесть!»

Если бы меня лишили возможности писать романы, то мне на склоне лет пришлось бы искать себе другое занятие, а между тем я едва ли мог бы выучиться новым фокусам, которые, как гласит пословица, дряхлеющим собакам уже не даются. Кроме того, мне пришлось бы узнать от публики, что моя навязчивость ей неприятна, и пока меня еще терпели, я чувствовал, что достиг той степени славы, которой так усердно домогался. Память моя хранила множество наблюдений, относящихся к истории и местным преданиям, и в глазах публики я стал таким же неизбежным злом, как пресловутый попрошайка арестант, который пользуется расположением людей, быть может, только потому, что они во время своих ежедневных прогулок мимо богадельни привыкли подавать ему милостыню. Общее правило не подлежит никакому сомнению – все люди стареют, все люди должны одряхлеть; но люди заурядного ума, хотя и знают это общее правило, не желают признавать, что и они подвержены каким-то слабостям. Впрочем, едва ли следует ожидать, чтобы они могли сами предусмотреть последствия апоплексического удара, постигшего архиепископа Гранадского, и они не прочь оставить без внимания как случаи простой небрежности или неудачи то, что другие могли бы счесть за признаки смертельного недуга. У меня был только один выход, а именно – совершенно отложить в сторону перо, употребление коего в моем возрасте уже вошло в привычку, или продолжать следовать его прихотям до тех пор, пока публика без обиняков объявит, что больше во мне не нуждается, – намек, который я вполне мог услышать и который решил принять сразу, не ожидая повторения. Поясню свою мысль читателю: за подобный намек я принял бы равнодушные литературного мира к опубликованию нового романа автора «Уэверли».

На выбор сюжета настоящего труда оказало влияние одно случайное обстоятельство. Минуло уже несколько лет с тех пор, как мой младший брат, Томас Скотт, уже упоминавшийся в этих заметках, провел некоторое время на острове Мэн и, имея доступ к хроникам этой любопытной страны, сделал из них множество выписок, которые дал мне просмотреть. Эти бумаги попали ко мне в то время, когда мой брат намеревался употребить их для литературного произведения, не помню уже, для какого именно; но он так и не пришел к окончательному решению на этот счет, а потом ему надоело заниматься переписыванием. При переездах, к которым вынуждает военная служба, бумаги, по-видимому, пропали. Однако общее содержание этих заметок, или, вернее, содержание наиболее примечательных из них, запечатлелось в памяти автора.

Интересная и романтическая история Уильяма Кристиана^[3] особенно поразила мое воображение. Я обнаружил, что этому человеку, а также его отцу уделено чрезвычайно много места в некоторых летописях острова Мэн, хранившихся у графа Дерби и опубликованных в «Desiderata Curiosa»^[4] доктора Пека. Уильям Кристиан, сын Эдуарда, некогда губернатора острова, впоследствии был одним из двух демпстеров^[5], или верховных судей. Отец и сын принадлежали к «партии островитян» и боролись против некоторых феодальных привилегий, на которые претендовал граф Дерби^[6] по праву короля острова Мэн. Когда граф был казнен в Боултон-ле-Муре, капитан Кристиан возглавил круглоголовых^[7] (если можно их так назвать)

и нашел средство войти в сношения с флотом, посланным парламентом. Восставшие жители Мэна сдали остров парламенту. Отважная графиня и ее сын были взяты под арест и заключены в тюрьму, где их держали долгое время и обращались с ними очень скверно. После реставрации монархии графиня, носившая титул вдовствующей королевы острова Мэн^[8], схватила Уильяма Кристиана и велела предать его суду и казнить по законам острова за то, что он сверг с престола свою властительницу и бросил ее в тюрьму вместе с сыном. Сочинители и читатели романов, вероятно, согласятся, что судьба Кристиана, а также противоположность его характера характеру умной, но мстительной графини Дерби, прославившейся в годы гражданских войн доблестной защитой Лейтем-хауса^[9], составляют интересный предмет для повести. Я, однако же, лишь кратко упомянул о смерти Уильяма Кристиана, о точке зрения Карла II^[10] на это превышение феодальных привилегий, а также о значительном штрафе, наложенном им на именина Дерби за нарушение юрисдикции, в котором была виновна графиня. Равным образом я не высказывал своего мнения по поводу справедливости или несправедливости этого деяния, о котором жители острова по сей день судят либо в зависимости от степени своей близости к семейству казненного, либо в зависимости от того обстоятельства, кому они, вспоминая те смутные времена, оказывают предпочтение – кавалерам^[11] или круглоголовым. Я не считаю, что оскорбил память этого джентльмена или задел честь кого-либо из его потомков; в то же время я в настоящем издании романа дал возможность представителю этого рода сказать в защиту своего предка все, что он считает необходимым, и изложение его слов читатель найдет в примечаниях¹, на страницах которых мистер Кристиан просил уделить ему место. Я не мог поступить иначе, принимая во внимание учтивость и благородство, с которыми он говорил о своих чувствах к предкам, в равнодушии к коим нельзя обвинить ни одного шотландца.

С другой стороны, мистер Кристиан справедливо жалуется на то, что Эдуард Кристиан, выведенный в романе в качестве брата джентльмена, казненного по произволу графини, изображен как гнусный негодяй, отвращение и ненависть к которому смягчаются лишь его остроумием и смелостью. Автор не имел в виду никаких личных намеков. Эдуарда Кристиана, фигурирующего в повести, в действительности не было, он создан лишь воображением автора. Комментаторы, вполне естественно, отождествили его с братом Уильяма Кристиана по имени Эдуард, который умер в 1650 году, после семи- или восьмилетнего заключения в темнице замка Пил. Узнать что-либо о нем мне не удалось, а поскольку я не имел ни малейшего понятия о его существовании, вряд ли можно говорить, что я очернил его доброе имя. В мое оправдание достаточно сказать, что в ту пору, когда происходили описанные мною события, жил человек по имени Эдуард Кристиан. О том, «с кем связан он и кем рожден на свет», мне не известно ровно ничего, но он, как мы знаем, был замешан в таких предприятиях, которые дают основание заподозрить его в любых неблагоприятных поступках. Дело в том, что 5 июня 1680 года Томас Блад^[12] (известный похититель короны), Эдуард Кристиан^[13], Артур О'Брайен и другие были признаны виновными в покушении на жизнь и честь знаменитого герцога Бекингема^[14]; однако тот Эдуард никак не мог быть братом Уильяма Кристиана, ибо брат последнего умер в 1650 году. Далее: я бы, разумеется, не нарек одно из действующих лиц своего романа Эдуардом, если бы предположил, что это имя может быть связано с каким-либо ныне здравствующим семейством, носящим родовое имя Кристианов. Все эти генеалогические соображения подробно рассматриваются в примечаниях.

В предыдущих изданиях этого романа мне следовало упомянуть, что Шарлотта де ла Тремуиль^[15], графиня Дерби, которая изображена католичкой, была на самом деле гугеноткой. Представив эту благородную даму в ложном свете, я могу оправдаться только словами Луцио: «Просто я болтал так, в шутку»^[16]. В повесть, большая часть которой заведомо представляет собою вымысел, автор волен вводить такие отклонения от действительности, которых требует

¹ В настоящем издании эти примечания опущены.

сюжет, или такие, которые делают сюжет более выразительным, под какую-то категорию и подпадает вероисповедание графини Дерби во время папистского заговора^[17]. Боюсь, что если я чрезмерно превысил права и вольности сочинителя романов, это был не единственный и отнюдь не самый важный случай, когда я поступал подобным образом. Если позволить себе сравнить великое с малым, у доблестной графини гораздо меньше оснований обвинять меня в клевете, нежели у тех, кому после смерти Вергилия вздумалось бы обвинять его в клевете на Дидону^[18].

Характер Фенеллы, который своим своеобразием произвел благоприятное впечатление на публику, далеко не оригинален. Мысль о подобном существе внушил мне очаровательный силуэт Миньоны^[19] из «*Wilhelm Meisters Lehrjahre*»² Гёте. Однако копия весьма отличается от моего великого оригинала; далее, меня нельзя обвинить и в том, будто я заимствовал что-либо, кроме общего замысла, у писателя, составляющего гордость своего отечества и образец для писателей других стран, которые должны почитать за великую для себя честь, если они хоть чем-нибудь ему обязаны.

Семейное предание снабдило меня двумя эпизодами, до некоторой степени сходными с тем, о котором идет речь. Первый из них содержится в отчете об одной тяжбе, извлеченном из шотландских судебных хроник.

Второй – в истинности которого издатель не имеет оснований сомневаться, ибо часто слышал о нем от очевидцев, – относится к способности женщины хранить тайну (что насмешники считают невозможным), даже в том случае, если тайна заключается в самой способности говорить.

В середине восемнадцатого века к дому мистера Роберта Скотта, прадеда автора этих строк, зажиточного фермера в Роксберишире, подошла неизвестная женщина и знаками объяснила, что просит приюта на ночь, каковой, согласно обычаю тех времен, ей охотно предоставили. Наутро окрестности покрылись снегом, и уйти странница не смогла. Она прожила в доме много дней, ибо расходы на лишнего человека в большой семье были незаметны. К тому времени, когда стало теплее, она научилась при помощи знаков объясняться с членами семьи и дала им понять, что хочет остаться у них и в оплату за свое содержание прясть или выполнять другую работу. В те времена подобное соглашение отнюдь не было в диковинку, и немая работница вскоре сделалась полезным членом патриархального семейства. Она была искусной пряхой, вязальщицей и чесальщицей шерсти, но главное ее мастерство заключалось в умении кормить и выхаживать домашнюю птицу. Особенный свист, которым она сзывала кур, гусей и уток, был таким пронзительным, что все считали, будто его может издавать только фея или волшебница, а никак не человеческое существо.

Так странница прожила в доме три или четыре года, и никто не подозревал, что она вовсе не убогая немая женщина, какой всегда казалась. Но в минуту испуга она сбросила маску, которую так долго носила.

Однажды в воскресенье вся семья отправилась в церковь, за исключением немой Лиззи – считалось, что она из-за своей немощи не может найти отрады в богослужении, и потому ее оставили караулить дом. И вот, когда Лиззи сидела на кухне, озорной пастушок, вместо того чтобы пасти на лугу стадо, как было ему велено, прокрался в дом – то ли посмотреть, нельзя ли там чем-нибудь поживиться, то ли просто из любопытства. Внимание мальчика привлекла какая-то безделушка, и, думая, что никто его не видит, он протянул руку, чтобы ее схватить. Немая кинулась к нему и, от неожиданности забыв свою роль, очень громко и внятно произнесла на шотландском диалекте: «Ах ты, дьяволенок ты этакий!» Мальчик, испуганный скорее неожиданным поведением Лиззи, нежели тем, что был уличен в мелкой краже, в смятении помчался в церковь с невероятной новостью: немая заговорила!

---

² «Годы учения Вильгельма Мейстера» (нем.).

Семейство в изумлении поспешило домой, но убедилось, что их жилища вновь погрузилась в свое обычное молчание, объясняется только знаками и, таким образом, решительно опровергает слова пастушка.

С этого дня у членов семьи пропало всякое доверие к их немой или, вернее, молчаливой гостье. Обманщице ставили всевозможные ловушки, но она искусно их избегала; возле нее то и дело неожиданно стреляли из ружей, но никто ни разу не видел, чтоб она вздрогнула. Однако Лиззи, очевидно, надоело это недоверие, ибо в одно прекрасное утро она исчезла так же неожиданно, как и появилась, не утруждая себя прощальными церемониями.

Говорят, будто Лиззи видели по ту сторону английской границы, причем она в совершенстве владела даром речи. Действительно ли это было так – мои собеседники узнать не пытались, равным образом и я не мог удостоверить истинность этого происшествия. Пастушок стал взрослым мужчиной и продолжал утверждать, что немая с ним разговаривала. По какой причине эта женщина так долго носила столь же ненужную, сколь и тягостную личину, так никто никогда и не узнал. Быть может, это было какое-то помрачение ума. Могу только добавить, что я имею все основания считать приведенный здесь рассказ совершенно достоверным, и он может послужить параллелью к вымышленной истории Фенеллы.

Эбботсфорд, 1 июля 1831 года

Глава I

*Зверел в дни смуты род людской,
Объят бессмысленной враждой;
Всех грызла зависть; страх-злодей
Друг с другом стравливал людей.*

Батлер^{3[20]}

Вильгельм, завоеватель Англии^[21], был (или, по крайней мере, считал себя) отцом некоего Вильгельма Певерила, который сопровождал его в битве при Гастингсе и там отличился. Свободомыслящий монарх, с полным на то основанием именовавший себя в своих хартиях Гвилельмом Бастардом^[22], едва ли счел бы незаконное происхождение своего сына достаточной причиной для того, чтобы лишить одного своих королевских милостей – ведь в те времена завоеватель-норманн диктовал Англии законы и по своему благоусмотрению распоряжался землями саксов. Вильгельм Певерил был наделен обширными поместьями в графстве Дерби и воздвиг ту готическую крепость, которая высится над входом в столь хорошо знакомую путешественникам Чертову пещеру и дает соседней деревне имя Каслтон.

От этого феодального барона, который выбирал место для своего горного убежища, как выбирает место для гнезда орлица, и построил его, как выразился один ирландец по поводу башен Мартелло, с единственной целью удивить потомство, в том же графстве Дерби ведет свою родословную (которая, впрочем, весьма темна) богатый рыцарский род. В бурные времена короля Иоанна^[23] обширное поместье Каслтон с прилегающими к нему лесами, пустошами и всеми достопримечательностями было отобрано у тогдашнего Вильгельма Певерила и пожаловано лорду Феррерсу. Однако потомки этого Вильгельма, лишённые имения, будто бы искони принадлежавшего их роду, еще долгое время носили славное имя Певериллов Пиков, которое должно было указывать на их высокое происхождение и горделивые притязания.

В царствование Карла II представителем этого древнего рода был сэр Джеффри Певерил, человек, у коего можно было найти множество обычных свойств старинного помещика, но очень мало личных особенностей, которые выделяли бы его из этого достойного разряда рода человеческого. Он кичился незначительными преимуществами, сетовал на мелкие невзгоды; не способен был ни на какое решение или мнение, независимое от владевших им предрассудков; гордился своим происхождением; был расточителен в домашнем обиходе; приветлив с теми родичами и знакомыми, которые признавали, что он выше их по рождению; обидчив и нетерпим ко всем, кто не считался с его претензиями; милостив к беднякам – кроме тех случаев, когда они охотились на его дичь; был роялистом по своему политическому образу мыслей и одинаково ненавидел круглоголовых, браконьеров и пресвитериан^[24]. Что до религии, то сэр Джеффри был приверженцем Высокой церкви^[25], и его незаурядное рвение внушило многим мысль, будто он втайне все еще придерживается римско-католических догматов, от которых его семейство отказалось лишь при его отце, и будто он получил позволение только внешне соблюдать обряды протестантской веры. По крайней мере, среди пуритан шла такая молва, а явное влияние, которым сэр Джеффри Певерил пользовался у католиков, владевших поместьями в Дербишире и Чешире, казалось, подтверждало эти слухи.

Таков был сэр Джеффри, и он сошел бы в могилу, не оставив по себе иной памяти, кроме медной таблички в алтаре, если бы время, в которое он жил, не побуждало к действию самые

---

³ Стихотворные переводы, кроме особо оговоренных, выполнены И. Комаровой.

ленивые умы, – подобно тому, как порывы бури волнуют воды самого тихого озера. Когда разразились гражданские войны, Певерил Пик, гордый своим происхождением и храбрый от природы, набрал полк в защиту короля и неоднократно сумел выказать на деле такие способности к командованию, каких прежде никто в нем не подозревал.

В самый разгар междоусобий он влюбился в прекрасную и добродетельную девушку из благородного дома Стэнли, женился, и с той поры соблюдение верноподданнического долга стало для него особенною заслугой, ибо оно разлучало его с молодой женою, лишь на короткое время позволяя ему возвращаться в родной дом. Презрев соблазны домашнего очага, отвлекающие от выполнения воинского долга, Певерил Пик несколько лет доблестно сражался на полях гражданской войны, до тех пор, покуда полк его не был захвачен врасплох и разбит наголову Пойнтсом^[26], предприимчивым и удачливым начальником кавалерии Кромвеля^[27]. Поверженный роялист спасся бегством и, как истый потомок Вильгельма Завоевателя, не желая покоряться, устремился в свой укрепленный замок, который подвергся беспорядочной осаде – одной из тех, что в смутные времена междоусобий разрушили множество феодальных твердынь. Замок Мартиндейл, жестоко пострадавший от осадных орудий, которые выставил против него сам Кромвель, в конце концов вынужден был сдаться. Сэр Джеффри был взят в плен и получил свободу лишь после того, как дал слово хранить верность республике, причем за свои прежние преступления, как назвала его действия правящая партия, был строго наказан штрафом и конфискацией.

Однако ни вынужденное обещание, ни страх перед дальнейшими неприятными последствиями как для него самого, так и для его имущества не помешали Певерилу Пикку присоединиться к доблестному графу Дерби в ночь накануне роковой схватки в Уигганлейне^[28], где войско графа было рассеяно. После поражения сэра Джеффри, которому тоже порядком досталось в этом бою, вместе с остатками роялистских войск спасся от разгрома и бежал под знамена Карла II. В битве при Вустере^[29], закончившейся полным разгромом короля, он вторично попал в плен, а так как в глазах Кромвеля он был одним из тех, кого в ту пору называли законченными врагами республики, ему угрожала опасность разделить участь графа Дерби и после того, как он делил с графом превратности двух сражений, взойти вместе с ним на эшафот в Боултон-ле-Муре. Но жизнь сэра Джеффри была спасена благодаря вмешательству одного друга, который пользовался влиянием у Оливера. Это был некий мистер Бриджнорт, человек незнатного рода; отец его во время мирного царствования Иакова I^[30] преуспел в торговых делах и оставил сыну порядочное состояние, а также небольшое поместье, в свою очередь доставшееся ему по наследству.

Прочный, хотя и небольшой, кирпичный дом, называвшийся Моултрэсси-Холл, был расположен всего в двух милях от замка Мартиндейл, и юный Бриджнорт ходил в одну школу с наследником Певерилом. В школьные годы они сблизились и даже подружились, тем более что Бриджнорт, хоть в глубине души и не признавал притязаний сэра Джеффри на превосходство в такой степени, в какой этого требовало тщеславие последнего, все же, будучи человеком благоразумным, оказывал должное уважение потомку рода, намного более древнего и знатного, чем его собственный, и отнюдь не почитал это для себя унижением.

Однако, как ни велико было почтение мистера Бриджнорта, оно все же не заставило его во время гражданской войны последовать за сэром Джеффри. Напротив, будучи деятельным мировым судьей, он помогал набирать отряды ополчения в помощь парламенту и некоторое время сам стоял во главе одного из таких отрядов. Причиной тому были отчасти его религиозные взгляды (он был рьяным пресвитерианином), отчасти же мнения политические – не будучи совершенным демократом, он в великой государственной распри склонялся на сторону народа. Кроме того, он, как человек состоятельный, не упускал из виду свои мирские интересы. Он умел пользоваться возможностями, которые предоставляла гражданская война, чтобы умножить свое состояние ловким употреблением капитала, и очень скоро понял, что для

этого лучше всего поддержать парламент, ибо принадлежность к королевской партии сулила богатым людям одни лишь высокие налоги и принудительные займы. Вот почему Бриджнорт сделался убежденным круглоголовым, и дружеские связи между ним и его соседом прервались. Это никого особенно не огорчило, ибо во время гражданской войны сэра Джеффри почти беспрерывно находился на поле боя, разделяя переменчивую и несчастливую судьбу своего государя, в то время как майор Бриджнорт, вскоре оставивший военную службу, большею частью жил в Лондоне и лишь изредка наезжал в Моултрэсси-Холл.

В одно из таких посещений он, к большой своей радости, узнал, что леди Певерил была очень добра к его жене и даже предоставила ей с семьею убежище в замке Мартиндейл, когда отряд буйной конницы принца Руперта^[31] угрожал разграблением Моултрэсси-Холлу. Это знакомство постепенно перешло в дружбу, ибо благодаря близкому соседству леди Певерил часто гуляла вместе с миссис Бриджнорт, которая почитала большою честью для себя общество столь знатной дамы. Весть об их дружбе очень обрадовала майора Бриджнорта, и он решил отблагодарить леди Певерил, употребив все свое влияние – по возможности без ущерба для себя – в защиту ее несчастного супруга. Жизнь сэра Джеффри после битвы при Вустере была спасена главным образом благодаря посредничеству майора Бриджнорта. При уплате контрибуции он выхлопотал для него льготные условия, которыми не пользовались многие далеко не столь закоренелые враги республики, а когда наконец для уплаты этой контрибуции сэру Джеффри пришлось продать значительную часть своего родового поместья, майор Бриджнорт сам его приобрел, причем по такой цене, какой при упомянутых обстоятельствах не дал бы кавалеру-роялисту никто из членов комитета по секвестрации^[32]. Правда, в этой сделке расчетливый майор не забывал и о собственной выгоде, ибо цена, в сущности, была весьма умеренной, а земля примыкала к Моултрэсси-Холлу, ценность которого благодаря этой покупке по меньшей мере утроилась. Правда и то, что, пожелай Бриджнорт, подобно другим членам комитета, воспользоваться вполне всеми преимуществами своего положения, злосчастному рыцарю пришлось бы согласиться и на худшие условия, и майор ставил себе в заслугу (основательность чего признавали и другие) то обстоятельство, что он в этом случае принес свою выгоду в жертву великодушию.

Сэр Джеффри Певерил и сам так думал, тем более что мистер Бриджнорт ничуть не кичился своим возвышением и блеск его теперешнего преуспевания не мешал ему выказывать рыцарю прежнюю почтительность. Справедливость требует заметить, что майор Бриджнорт относился с уважением не только к претензиям своего униженного соседа, но и к его несчастьям и что с искренним великодушием простого англичанина он соблюдал светские церемонии, к которым сам был безразличен, лишь потому, что это, как он видел, доставляло удовольствие сэру Джеффри.

Воздавая должное деликатности своего соседа, Певерил Пик о многом забывал. Он забывал о том, что майор Бриджнорт владел уже доброй третью его имения и что, по крайней мере, еще одна треть находилась в денежной зависимости от майора. Он даже старался забыть о еще более неприятном обстоятельстве, а именно о тех знаменательных переменах, которые постигли не только их самих, но и их усадьбы.

До начала гражданской войны гордые стены и башни замка Мартиндейл подавляли своим великолепием красный кирпичный фасад Моултрэсси-Холла, едва видневшийся из-за зеленых зарослей; так выглядел бы могучий мартиндейлский дуб рядом с одним из низкорослых подстриженных вязов, какими Бриджнорт украсил аллею, ведущую в его имение; но после упомянутой нами осады дом майора был перестроен и увеличен, и теперь обгорелые руины замка, сохранившего лишь один жилой флигель, являли в окружающем ландшафте зрелище столь же печальное, сколь мрачным казался бы возле буйно разросшегося молодого деревца тот же старый дуб, если бы молния, расщепив его ствол, разбросала по земле обугленные ветви, а сам он, безлистный и мертвый, уродливым черным обрубок торчал в небе. Сэр Джеффри не

мог не почувствовать, что перемена в его судьбе и судьбе Бриджнорта, равно как и перемена в наружном виде обеих усадеб, была не в его пользу, и хотя на этот раз сосед его употребил свое влияние парламентского чиновника и члена комитета по секвестрации, чтобы защитить кавалера и врага республики, влияние это с таким же успехом могло бы способствовать полному его разорению и он стал теперь лицом покровительствуемым, тогда как сосед его возвысился до положения покровителя.

Два обстоятельства, помимо необходимости покориться судьбе и настойчивых увещаний супруги, помогали Певерилу Пикку довольно терпеливо сносить это унижение. Первое заключалось в том, что политический образ мыслей майора Бриджнорта стал во многом приближаться к его собственному. Как пресвитерианин, Бриджнорт никогда не был непримиримым врагом монархии, и неожиданный суд и расправа над королем сильно его потрясли^[33]; как человек штатский и к тому же состоятельный, он опасался власти военных; и хотя он не желал насильственного восстановления монархии, однако же готов был согласиться, что возведение на престол наследника королевской фамилии^[34] на условиях, гарантирующих защиту тех гражданских прав и привилегий, за которые Долгий парламент^[35] ратовал вначале, было бы самым верным средством положить желанный конец терзавшей Англию государственной смуте. Взгляды майора на этот предмет так мало отличались от взглядов его соседа, что он чуть было не дал сэру Джефри, неизменному участнику почти всех роялистских заговоров, вовлечь себя в неудачное восстание Пенраддока и Гроувза^[36] на западе, в коем были замешаны как многие пресвитериане, так и сторонники партии кавалеров-роялистов. И хотя природное благоразумие майора Бриджнорта в конце концов уберегло его от этой опасности, равно как и от многих других, тем не менее в последние годы господства Кромвеля и последовавшего затем междуцарствия^[37] он считался недоброжелателем республики и приверженцем Карла Стюарта.

Однако, кроме сходства политических мнений, еще одно обстоятельство благоприятствовало сближению обитателей Мартиндейла и Моултрэсси. Майора Бриджнорта, на редкость счастливого в деловых предприятиях, преследовали несчастья в семье, что привлекло к нему сочувствие разоренного и обездоленного соседа. За время от начала гражданской войны до Реставрации он потерял одного за другим шестерых детей, которые по причине слабого здоровья умирали в том раннем возрасте, когда они милее всего сердцу родителей.

К началу 1658 года майор Бриджнорт был бездетным, но в конце этого года у него появилась дочь, рождение которой куплено было, однако, ценою жизни любимой жены, чьи силы подорвало горе, а также неотступная тревожная мысль о том, что именно от нее умершие дети унаследовали слабость здоровья, не позволявшую им переносить тяготы земного бытия. Дружеский голос леди Певерил, поведавший Бриджнорту, что он стал отцом, вслед за тем сообщил ему печальную весть о смерти супруги. Горе майора Бриджнорта было глубоким и сильным, и он погрузился в мрачное оцепенение, из коего несчастного вдовца не могли вывести ни утешения его духовного наставника, ни дружеские заботы сэра Джефри, который не оставил своего соседа в столь печальных обстоятельствах, хотя и знал, что при этом ему не избежать встречи с пресвитерианским пастором.

Наконец леди Певерил с женской изобретательностью, еще более усиленной зрелищем отчаяния и жалостью, решила прибегнуть к одному из тех испытанных средств, которые часто помогают страдальцам дать горю выход в слезах. Она положила на руки Бриджнорту дитя, чье рождение стоило так дорого, горячо убеждая его в том, что его Алиса не умерла, что она продолжает жить в беспомощном младенце, оставленном ею на попечение отца.

– Уберите! Уберите ее прочь! – проговорил несчастный, и это были первые произнесенные им слова. – Я не хочу ее видеть: это еще один цветок, обреченный на увядание, а дерево, которое его породило, не расцветет больше никогда.

Он чуть ли не бросил ребенка на колени леди Певерил, закрыл лицо руками и зарыдал. Леди Певерил не стала его утешать; однако она отважилась возразить, что цветок распухнет и принесет плоды.

– Никогда, никогда! – вскричал Бриджнорт. – Возьмите это несчастное дитя и известите меня, когда придет пора надеть по ней траур... Надеть траур? – прервал он вдруг самого себя. – Разве не осужден я носить его до конца дней своих?

– Я на некоторое время возьму малютку к себе, раз вам так тяжело ее видеть, – сказала леди Певерил, – и маленькая Алиса будет жить в детской вместе с нашим Джулианом до тех пор, пока вы не научитесь смотреть на нее с радостью, а не с печалью.

– Этому не бывать, – ответил несчастный отец, – судьба ее предрешена: она последует за остальными – такова воля Божия. Благодарю вас, миледи, поручаю ее вашим заботам, и будь благословен Господь за то, что мне не придется видеть ее предсмертных мучений.

Не задерживая долгие внимания читателя на сем горестном предмете, скажем сразу, что леди Певерил поистине заменила мать маленькой сиротке, и, быть может, именно ее разумное обращение с ребенком помогло разгореться искорке жизни, едва тлевшей в слабеньком теле, – ведь эта искорка, наверное, угасла бы, если б, подобно остальным детям майора, новорожденная стала предметом чрезмерных забот и попечений беспокойной и нервической матери, напуганной многочисленными предшествующими утратами. Леди Певерил с тем большей готовностью взяла на себя эти заботы, что сама потеряла двоих детей, а сохранение здоровья третьего – прелестного трехлетнего мальчугана – приписывала тому, что Джулиан воспитывался по методу, совершенно отличной от повсеместно в то время принятых. Она решилась применить к маленькой сиротке ту же методику, которая и на этот раз блестяще оправдалась. Умеренное употребление лекарств, свободный доступ свежего воздуха, твердые, хотя и осторожные старания скорее поддержать, нежели подавить стремления природы привели к тому, что малютка, к которой была приставлена превосходная кормилица, постепенно набиралась сил и здоровья.

Сэр Джеффри, подобно большинству людей искренних и великодушных, был от природы чадолюбив. Глубокое сочувствие горю соседа заставило его совершенно забыть, что тот – пресвитерианин, пока дело не дошло до крестин ребенка, каковой обряд должен был совершить пресвитерианский священник.

Это оказалось тяжким испытанием, ибо отец, очевидно, не способен был этим заняться, а мысль о том, что порог Мартиндейла осквернит нечестивая нога вероотступника, приводила в ужас правоверного баронета. При капитуляции замка сэр Джеффри видел, как знаменитый Хью Питерс, держа в одной руке Библию, а в другой пистолет, победоносно въехал в ворота, и горечь этой минуты до сих пор жгла ему сердце. Однако леди Певерил сумела одержать верх над предубеждениями своего супруга и уговорила его согласиться, чтобы обряд совершился в отдаленной беседке, то есть, в сущности говоря, вне стен замка. Леди Певерил осмелилась даже присутствовать при обряде, исполнявшемся его преподобием Солсгрейсом, который однажды целых три часа читал проповедь в палате общин во время благодарственного молебна по случаю снятия осады с Эксетера^[38]. Сэр Джеффри Певерил предусмотрительно уехал на весь день из замка, и лишь по тому интересу, который он выказал к уборке, окуливанию благовониями и, так сказать, очищению беседки, можно было догадаться, что ему известно о произошедшем там событии.

Однако, каково бы ни было предубеждение доброго рыцаря против веры соседа, оно нисколько не умаляло его сочувствия к тяжкому горю, постигшему последнего. Способ, каким он изъяснял свое соболезнование, был весьма своеобразен, но совершенно соответствовал характеру обоих и установившимся между ними отношениям.

Каждое утро добрый баронет, совершая прогулку пешком или на лошади, навещался в Моултрэсси, чтобы сказать там слово утешения. Иногда он заходил в гостиную, где хозяин

предавался мрачному уединению, но чаще всего (сэр Джеффри не претендовал на дар вести светскую беседу), осадив коня под решетчатым окном, обращался к печальному обитателю дома со следующей речью: «Как поживаете, мистер Бриджнорт? (Сэр Джеффри ни за что не желал величать соседа майором.) Я заехал подбодрить вас, дружище, и сказать вам, что Джулиан здоров, маленькая Алиса здорова и все в замке Мартиндейл здоровы».

Тяжкий вздох, изредка сопровождаемый словами: «Благодарю вас, сэр Джеффри, мое нижайшее почтение леди Певерил», – таков был обыкновенно ответ Бриджнорта. Однако эти вести принимались одной из сторон с тем же доброжелательством, с которым они передавались другою; постепенно они вызывали все меньше грусти и все больше интереса; решетчатое окно никогда не закрывалось, а стоявшее возле него кожаное кресло никогда не пустовало в обычный час короткого визита рыцаря. В конце концов ожидание этой встречи сделалось той осью, вокруг которой целый день вращались мысли несчастного Бриджнорта. Многие из нас в ту или иную пору своей жизни испытали на себе влияние этих коротких, но решающих мгновений. Мгновение, когда любовник проходит мимо окна своей возлюбленной; мгновение, когда эпикуреец слышит звон обеденного колокола, – вокруг этого мгновения сосредоточиваются интересы целого дня; предшествующие часы проходят в нетерпеливом ожидании, последующие – в воспоминаниях о происшедшем, и воображение, останавливаясь на каждой мелкой подробности, превращает секунды в минуты, а минуты в часы. Так, одиноко сидя в своем кресле, Бриджнорт еще издали различал твердый шаг сэра Джеффри или тяжелую поступь его коня, Черного Гастингса, верного товарища на полях многих сражений; он слышал, как рыцарь напевал «Король опять свое вернет» или насвистывал «Висельники и круглоголовые», как звуки эти почтительно стихали по мере приближения к жилищу скорби и как затем зычный, бодрый голос охотника и воина произносил свое ежедневное приветствие.

Мало-помалу их встречи становились продолжительнее, ибо горе майора Бриджнорта, подобно всем человеческим чувствам, притупилось и больше не мешало ему интересоваться тем, что происходит вокруг, заниматься неотложными делами, а также размышлять о положении страны, раздираемой враждующими партиями, чьи распри суждено было пресечь лишь Реставрации. Однако майор Бриджнорт, начинавший медленно оправляться от постигшего его удара, все еще никак не мог заставить себя повидать свою дочь; и хотя лишь небольшое расстояние отделяло майора от существа, жизнь которого была ему дороже всего на свете, он знал только окна комнаты, где жила маленькая Алиса, и часто смотрел с террасы, как они блестят в лучах заходящего солнца. По правде говоря, Бриджнорт, будучи во многих отношениях человеком большого ума, никак не мог отрешиться от мрачной уверенности, что и этот последний залог любви должен скоро уйти в могилу, которая уже поглотила все, что было ему дорого, и в страхе и отчаянии ожидал минуты, когда его известят о появлении первых признаков рокового недуга.

Голос Певерила продолжал приносить Бриджнорту утешение вплоть до апреля 1660 года, когда в голосе этом внезапно послышались новые и совершенно иные нотки. В один прекрасный день под окнами Моултрэсси-Холла раздалось громкое пение «Король опять свое вернет», которому вторил торопливый стук подков Черного Гастингса, проскакавшего по мощеному двору, и сэр Джеффри, облаченный в стальной шлем и кольчугу, с дубинкою в руках, соскочил со своего высокого боевого седла, снова украшенного пистолетами в два фута длиною, и, весь раскрасневшись, сверкая глазами, ринулся в комнаты изумленного майора с криком: «Вставайте! Вставайте, сосед! Теперь не время хандрить у камина! Где ваша шпага и кафтан из буйволово́й кожи, дружище? Хоть раз в жизни сделайте правильный выбор и исправьте былые ошибки. Король – само милосердие, дружище, и умеет быть великодушным по-королевски. Я выхлопочу для вас полное прощение».

– Что все это значит? – спросил Бриджнорт. – Здоровы ли вы? Здоровы ли все в замке Мартиндейл, сэр Джеффри?

– Как нельзя лучше! И Алиса, и Джулиан, и все прочие. Но я привез вам новости в двадцать раз важнее. Монк выступил в Лондоне против этого вонючего Охвостья^[39]. Фэрфакс^[40] восстал в Йоркшире – на стороне короля, на стороне короля, дружище! Духовенство, пресвитериане и все прочие перешли на сторону короля Карла. Я получил письмо от Фэрфакса с приказом удерживать Дерби и Честерфилд, собрав всех, кого только можно. Это от него-то я должен теперь получать приказы, будь он проклят! Но нужды нет – теперь все друзья, и мы с вами, дорогой сосед, будем сражаться рядом, как и подобает добрым соседям. Вот! Читайте, читайте, читайте! А потом тотчас натягивайте сапоги и седлайте коня!

Ура – кавалерам! Погибель – врагам!
Дай боже, чтоб мы победили!
Трам-там-там, трам-там-там!
Станет жарко чертям,
А Кромвель подпрыгнет в могиле!

Отважный кавалер громогласно пропел этот изящный патриотический гимн, и тут сердце его переполнилось. Он упал в кресло и, воскликнув: «Думал ли я, что мне суждено дожить до этого счастливого дня!», залился слезами – к своему собственному удивлению и к не меньшему удивлению Бриджнорта.

Поразмыслив о смуте в государстве, майор Бриджнорт, подобно Фэрфаксу и другим вождям пресвитерианской партии, решил, что при сложившихся обстоятельствах, когда все звания и сословия, измученные неуверенностью, искали защиты от притеснений, сопровождавших бесконечные распри между приверженцами Вестминстер-холла и Уоллингфорд-хауса^[41], самым мудрым и патриотическим шагом был бы открытый переход на сторону короля. Поэтому он присоединился к сэру Джеффри и совместно с ним, хотя и не с таким же восторгом, как последний, но с такою же искренностью, сделал все, что мог, для восстановления власти короля в своей округе, – что в конце концов и было достигнуто столь же успешно и мирно, как в остальных частях Англии. Оба соседа находились в Честерфилде, когда разнеслась весть, что король высадился в Англии, и сэр Джеффри тотчас же объявил, что намерен еще до возвращения в Мартиндейл представиться его величеству.

– Кто знает, вернется ли в замок Мартиндейл сэр Джеффри Певерил, – сказал он. – При дворе будут раздавать титулы, а ведь и я кое-что заслужил. Лорд Певерил – приятно звучит, как по-вашему, сосед? Или нет, постойте, лучше – граф Мартиндейл или граф Пик. А что до вас, можете положиться на меня. Уж я о вас позабочусь. Жаль, что вы пресвитерианин, сосед; титул рыцаря, а еще лучше – баронета – вот что бы вам пригодились.

– Заботу о сих предметах я предоставляю лицам вышестоящим, – сказал майор, – и желаю лишь одного: чтобы, когда я вернулся, в замке Мартиндейл все были здоровы.

– Вы непременно найдете их всех в добром здравии, – отвечал баронет, – Джулиана, Алису, леди Певерил и всех прочих. Передайте им мой поклон, поцелуйте их всех, сосед, – и леди Певерил и всех остальных. Быть может, после моего возвращения окажется, что вы целовали графиню. Теперь, когда вы сделались честным слугою отечества, ваши дела пойдут хорошо.

– Я всегда считал себя таковым, сэр Джеффри, – холодно возразил Бриджнорт.

– Ну, ну, я не хотел вас обидеть, – проговорил рыцарь, – теперь все отлично. Итак, вы держите путь в Моултрэсси-Холл, а я в Уайтхолл. Недурно сказано, как по-вашему? Да, прикажите-ка подать кувшин канарского! Надо выпить перед отъездом за здоровье короля! Впрочем, я и забыл, сосед, что вы не пьете ни за чье здоровье.

– Я желаю королю здоровья так же искренне, как если бы я выпил за него целый галлон вина, – отвечал майор, – а вам, сэр Джефри, желаю всяческих успехов в вашем путешествии, а также благополучного возвращения.

Глава II

*Коль пир, так пир! Пускай грохочут бочки,
Стреляют пробки, вертелы сверкают;
Пусть кровь течет рекой – ведь это кровь
Овец, оленей и домашней птицы;
И к той реке кровь доблестного сердца
Добавит Джон Ячменное Зерно!*

Старинная пьеса^[42]

Какими бы наградами ни удостоил Карл Певерила Пика за перенесенные им тяготы, ни одна из них не могла идти в сравнение с тем даром, какой Провидение уготовило майору Бриджнорту, когда последний возвратился в графство Дерби. Как это обыкновенно случается, труды, к которым его призвали, до некоторой степени восстановили природную энергию майора, и он чувствовал, что теперь ему уж не пристало вновь погружаться в прежнюю черную меланхолию. Время, по обыкновению своему, также утишило боль несчастного отца, и, проведя один день дома в сожалениях о том, что он не может получать ежедневных вестей о здоровье дочери, которые прежде приносил ему сэр Джефри, Бриджнорт решил, что было бы во всех отношениях прилично посетить замок Мартиндейл, передать леди Певерил поклон от супруга, уверить ее, что тот совершенно здоров, и осведомиться о здоровье своего ребенка. Он приготовился к худшему – вызвал в памяти впалые щеки, мутные глаза, исхудалые руки и бледные губы, свидетельствовавшие об угасающем здоровье всех остальных его детей.

«Я снова увижу все эти признаки смерти, – сказал он себе, – я снова увижу, как дорогое мне существо, коему я дал жизнь, близится к могиле, которой следовало бы прежде поглотить меня самого. Что ж! Человеку мужественному не подобает столь долго уклоняться от неизбежного. Да свершится воля Божия!»

Итак, на следующее утро майор Бриджнорт отправился в замок Мартиндейл, где передал хозяйке долгожданную весть о том, что супруг ее пребывает в добром здравии и надеется на монаршие милости.

– За первое возношу хвалу Всевышнему! – воскликнула леди Певерил. – Что же касается второго, да будет так, как пожелает наш всемилостивейший государь, ныне восстановленный на престоле. Состояния нашего более чем достаточно, дабы поддержать честь нашего рода, и нам вполне хватит средств, чтобы жить если не в роскоши, то в довольстве. Теперь, мой добрый мистер Бриджнорт, я вижу, как неблагоразумно верить в дурные предчувствия. Бесконечные старания сэра Джефри действовать в пользу Стюартов слишком часто навлекали на него всевозможные бедствия, и поэтому, когда я однажды утром снова увидела на нем роковые воинские доспехи и услышала звуки давно умолкнувшей трубы, мне показалось, будто я вижу его одетым в саван и слышу звон погребального колокола. Я говорю вам это, любезный сосед, ибо опасаюсь, что вас тревожит предчувствие надвигающейся беды, которую, надеюсь, Господь Бог отвратит от вас, как отвратил он ее от меня, и сейчас вы убедитесь в справедливости моих слов.

При этих словах дверь отворилась, и в комнату вошли двое прелестных малюток. Старший, Джулиан Певерил, красивый мальчуган лет четырех или пяти, с серьезным видом заботливо вел за руку крошечную полуторегодовалую девочку, которая, с трудом переступая ножонками, ковыляла за своим старшим, более сильным товарищем.

Бриджнорт с тревогой взглянул в лицо дочери, но даже и мгновенного взгляда было достаточно, чтобы он, к величайшей радости, мог убедиться в полной необоснованности своих опасений. Он взял ребенка на руки, прижал к груди, и девочка, вначале испуганная порыв-

вистыми ласками, вскоре, однако, словно следуя велению природы, улыбнулась ему в ответ. Майор еще раз отодвинул дочь от себя, посмотрел на нее пристально и убедился, что на щеках юного херувима, которого он держал в своих объятиях, играет не лихорадочное пламя недуга, а свежий, здоровый румянец и что, несмотря на хрупкое сложение, девочка растет цветущей и крепкой.

– Я не ожидал увидеть ничего подобного, – сказал он, глядя на леди Певерил, которая с радостью следила за этой сценой, – благодарю Бога, а также и вас, сударыня, которую Он избрал своим орудием.

– Теперь Джулиан должен будет, вероятно, расстаться со своею подругой, – сказала леди Певерил, – но Моултрэсси-Холл недалеко от нас, и я надеюсь часто видеть мою маленькую воспитанницу. Ваша экономка Марта – женщина неглупая и старательная. Я объясню ей, как нужно обращаться с маленькой Алисой, и...

– Не дай бог, чтобы моя дочь когда-либо переступила порог Моултрэсси-Холла, – поспешно возразил майор Бриджнорт, – ведь он стал могилой всех ее близких. Болотный воздух оказался для них убийственным, или, быть может, над этим домом тяготеет рок. Я приищу для нее другое жилье.

– С вашего позволения, майор Бриджнорт, этому не бывать, – отвечала леди Певерил. – Поступи вы так, это значило бы, что вы не оценили моего умения растить детей. Если Алиса не поедет в свой родной дом, она останется у меня. Это будет залогом ее благополучия и испытанием моего искусства; а коль скоро вы опасаетесь болотных испарений, я надеюсь, вы будете часто навещать ее сами.

Предложение леди Певерил пришлось как нельзя более по душе майору Бриджнорту. Он готов был отдать все на свете, чтобы девочка осталась в замке Мартиндейл, хотя никак не смел на это надеяться.

Всем нам известно, что члены семейств, долгое время страдавших от смертельных недугов, подобных тому, который преследовал семью майора, склонны, если можно так выразиться, с суеверным страхом ожидать губительных последствий заболевания и придают месту, обстоятельствам жизни и уходу гораздо более важности, нежели эти последние могут иметь для предотвращения роковой семейной болезни. Леди Певерил понимала, что именно такого мнения придерживался ее сосед и что его уныние, чрезмерная заботливость, лихорадочные опасения, мрачное одиночество, в котором он жил, могли и в самом деле способствовать несчастью, коего он так страшился. Она жалела его, она ему сочувствовала, она была преисполнена благодарности за поддержку, которую он оказал ее мужу, и, кроме того, она привязалась к ребенку. Какая женщина не питает привязанности к незащитному существу, которое она выпестовала? В заключение следует добавить, что жена баронета, отнюдь не чуждая людского тщеславия и, будучи своего рода леди Баунтифул^[43] (в те времена эта роль не была еще уделом одних только глупых старух), гордилась искусством, с которым ей удалось предотвратить возможные приступы наследственного недуга, столь укоренившегося в семействе Бриджнортов. Быть может, в других случаях не потребовалось бы стольких объяснений человеколюбивого поступка соседки по отношению к соседу, но междоусобная война, совсем еще недавно терзавшая страну, разорвала все привычные связи доброго соседства и дружбы, и сохранение их между людьми, придерживающимися противоположных политических мнений, было делом весьма необычным.

Майор Бриджнорт чувствовал это и сам; и хотя слезы радости в глазах его свидетельствовали о том, как охотно он принял бы предложение леди Певерил, он все же считал своим долгом упомянуть о явных неудобствах ее плана. Правда, его возражения были произнесены тоном человека, который с удовольствием услышал бы, как их опровергают.

– Сударыня, – сказал он, – ваша доброта делает меня счастливейшим и благодарнейшим из смертных, но совместима ли она с вашим собственным удобством? Мнения сэра Джеффри

во многом расходились и, вероятно, все еще расходятся с моими. Он человек знатного рода, тогда как я вышел всего лишь из среднего сословия. Он придерживается догматов Высокой церкви, я же признаю лишь учение служителей Божьих, собравшихся в Вестминстере...

– Надеюсь, ни одно из этих вероучений не утверждает, что я не могу заменить мать вашей сиротке, – возразила леди Певерил. – Я уверена, мистер Бриджнорт, что счастливое возвращение его величества, поистине содеянное рукою самого Всевышнего, прекратит и успокоит все разделяющие нас гражданские и религиозные распри, и, вместо того чтобы доказывать превосходство нашей веры гонениями на инакомыслящих, мы постараемся доказать ее истинно христианскую сущность, стремясь превзойти друг друга в добрых делах, каковые служат лучшим доказательством нашей любви к Господу.

– Вы говорите по велению своего доброго сердца, сударыня, – отвечал Бриджнорт, чей образ мыслей не был свободен от ограниченности его времени, – однако я уверен, что если бы все, кто называет себя верными королю кавалерами, разделяли мнения, коих придерживаетесь вы... а также мой друг сэр Джефри, – последние слова он произнес после некоторой заминки и скорее из любезности, нежели искренне, – то мы, кто в прошедшие времена считали своим долгом поднять оружие за свободу совести и против произвола, могли бы теперь наслаждаться миром и довольством. Но как знать, что еще может случиться? Среди вас есть беспокойные и горячие головы; не стану утверждать, что и мы всегда с умеренностью пользовались своей властью, а месть сладка сынам павшего Адама.

– Ах, майор Бриджнорт, – весело возразила леди Певерил, – эти предчувствия могут лишь накликать события, которые без них едва ли произойдут. Вспомните слова Шекспира:

...бежать от вепря – значит прямо
Его за нами гнаться заставлять
И зверя раздражать без всякой нужды^{4[44]}.

Однако я должна просить у вас извинения – мы очень давно не встречались, и я забыла, что вы не жалуете пьес.

– При всем моем уважении к вам, миледи, – промолвил Бриджнорт, – я считал бы постыдным для себя, чтобы праздная болтовня бродячего актера из Уорикшира^[45] напоминала мне о долге и благочестии, коими я вам обязан: они велят мне повиноваться вам во всем, что позволяет мне совесть.

– Если вы приписываете мне такое влияние, – отвечала леди Певерил, – я постараюсь употребить его с умеренностью: пусть, по крайней мере, хоть моя власть внушит вам благоприятное мнение о новом порядке вещей. Итак, любезный сосед, если вы готовы на один день стать моим подданным, я намерена, согласно указаниям моего супруга и повелителя, в будущий четверг пригласить всех соседей на празднество в замок и прошу вас не только быть самому, но и убедить вашего почтенного пастора, а также ваших друзей и соседей высокого и низкого звания, которые разделяют ваши убеждения, встретиться с остальными окрестными жителями, дабы вместе отпраздновать счастливое восстановление монархии и доказать, что отныне мы все едины.

Сторонник парламента, Бриджнорт был немало смущен этим предложением. Он возвел очи горе, опустил их долу, огляделся вокруг, впери свой взор сначала в резной дубовый потолок, затем снова уставился в пол, после чего, окинув взглядом комнату, остановил его на своей дочери, вид которой внушил ему иные, более приятные мысли, нежели те, какие могли вызвать упомянутые части помещения.

---

⁴ Перевод А. Дружинина.

– Сударыня, – сказал он, – я с давних пор чуждаюсь празднеств – отчасти из врожденной меланхолии, отчасти вследствие печали, естественной для одинокого и убитого горем человека, в чьих ушах звуки радости искажаются, подобно веселой мелодии, сыгранной на расстроенном инструменте. Но хотя моя натура и помыслы мои чужды бодрости и веселью, я обязан возблагодарить Всевышнего за ту милость, которую Он ниспослал мне через вас, миледи. Давид, муж, угодный Господу, продолжал совершать омовения и вкушать хлеб свой, даже лишившись своего любимого детища; мое дитя возвращено мне, и разве не обязан я принести благодарение Господу в счастии, коль скоро Давид явил смирение в скорби?^[46] Сударыня, я охотно принимаю ваше любезное приглашение, и те из моих друзей, на которых я имею влияние и чье присутствие может быть желанным для вас, миледи, будут сопровождать меня на торжество, дабы весь наш Израиль соединился в один народ.

Произнеся эти слова скорее с видом мученика, нежели гостя, приглашенного на веселый праздник, облобызав и торжественно благословив свою дочь, майор Бриджнорт отбыл в Моултрэсси-Холл.

Глава III

*Не занимать нам глоток и желудков –
Достало бы веселья да еды!*

Старинная пьеса

Даже в случаях самых заурядных и при полном достатке устройство большого пира в те дни не было таким легким делом, как ныне, когда хозяйке дома достаточно по своему усмотрению назначить прислуге день и час праздника. В те простодушные времена хозяйке полагалось входить во все подробности; и с небольшой галереи, сообщавшейся с ее комнатами и расположенной прямо над кухней, то и дело раздавался ее громкий голос, который, подобно голосу духа, предупреждающего моряков о приближении бури, заглушал звон горшков и кастрюль, скрипенье вертелов, стук костей и сечек, перебранку поваров и все прочие звуки, сопровождающие приготовления к парадному обеду.

Но все эти труды и хлопоты более чем удвоились при устройстве праздника в замке Мартиндейл, где верховный гений торжества был почти совершенно лишен средств, необходимых для достойного приема гостей. Деспотизм мужей в подобных случаях распространен повсеместно, и среди знакомых мне глав семейств едва ли найдется хоть один, который бы вдруг, в самое неподходящее время не объявил своей ни в чем не повинной спутнице жизни, что он пригласил какого-то пренеприятного

майора Гранпети
Зайти часам к пяти, –

к величайшему смятению этой дамы, а быть может, даже и к позору для ее хозяйства. Певерил Пик поступил еще более опрометчиво, ибо он велел своей жене созвать всех честных граждан округа в замок Мартиндейл на пир по случаю счастливого восстановления на престоле священной особы его величества, не объяснив как следует, откуда взять необходимые припасы. Олений заповедник был опустошен еще во время осады; голубятня никак не могла снабдить подобное пиршество; пруды, правда, кишели рыбой (что обитавшие по соседству пресвитериане считали весьма подозрительным обстоятельством), а многочисленные холмы и долины графства Дерби изобиловали дичью, однако все это могло служить лишь дополнением к парадному обеду, и управляющий с дворецким, единственные помощники и советчики леди Певерил, никак не могли придумать, где бы достать мяса на жаркое – наиболее существенную часть, так сказать основу всего пиршества. Дворецкий грозился принести в жертву упряжку добрых молодых волов, чему управляющий, ссылаясь на их важную роль в сельском хозяйстве, оказывал упорное сопротивление; и кроткая, покорная супружескому долгу леди Певерил не могла мысленно не посетовать на беспечность своего отсутствующего супруга, который весьма необдуманно поставил ее в столь затруднительное положение.

Эта досада едва ли была справедливой – ведь человек отвечает лишь за те свои решения, которые он принял вполне свободно. Верноподданнические чувства сэра Джеффри, равно как и многих других лиц, находившихся в том же положении, что и он, благодаря надеждам и страхам, победам и поражениям, борьбе и страданиям, которые вызваны были одною побудительной причиной и, так сказать, определялись одной исходной точкой, приняли характер сильной и всепоглощающей страсти; а поразительный и необычный поворот судьбы, не только удовлетворивший, но и далеко превзошедший самые смелые его надежды, вызвал на некото-

рое время опьянение верноподданническим восторгом, охватившее, казалось, всю страну. Сэр Джефри виделся с Карлом и его братьями и был принят веселым монархом с тою изысканной и искренней любезностью, которою король располагал к себе всех, кто с ним встречался; заслуги и достоинства рыцаря были оценены сполна, и ему намекнули, хоть прямо и не обещали, что он будет вознагражден. Так неужели можно было ожидать, что Певерил Пик, пребывая на верху блаженства, станет заботиться о том, где его жена раздобудет баранину и говядину для угощения соседей?

Однако же, к счастью для озабоченной дамы, нашелся человек, достаточно предусмотрительный, чтобы догадаться об ее затруднении. В ту самую минуту, когда леди Певерил с большою неохотой решила занять у майора Бриджнорта сумму, необходимую для выполнения указаний своего супруга, и горько сожалела об этом отклонении от своей обычной строжайшей экономии, дворецкий (который, заметим кстати, после известия о высадке короля в Дувре еще ни разу не протрезвился) ворвался в комнату, щелкая пальцами и выказывая гораздо больше знаков восторга, нежели приличествовало в гостиную столь достойной леди.

– Что это значит, Уитекер? – с некоторою досадой спросила леди Певерил, ибо из-за этого вторжения ей пришлось прервать начатое письмо к соседу, содержащее неприятную для нее просьбу о займе. – Намерены ли вы отныне всегда вести себя подобным образом? Или вам что-нибудь приснилось?

– Мой сон предвещает удачу, – отвечал дворецкий, торжествуя взмахнув рукой, – и, смею надеяться, почище, чем сон фараона, хотя тоже насчет тучных коров.

– Прошу вас выражаться яснее или позвать кого-нибудь, кто сможет объяснить суть дела, – проговорила леди Певерил.

– Клянусь жизнью, сударыня, мои новости могут говорить сами за себя! – воскликнул дворецкий. – Разве вы не слышите, как они мычат? Разве вы не слышите, как они блеют? Пара жирных волов и десяток отличных баранов! Теперь замок обеспечен провиантом, и мы смело можем ожидать осады, а Гезерилу будет на чем вспахивать свое проклятое поле.

Не расспрашивая далее своего не в меру оживленного слугу, леди Певерил встала, подошла к окну и в самом деле увидела волов и баранов, которые вызвали ликование Уитекера.

– Откуда они взялись? – с удивлением спросила она.

– Пусть кто хочет ломает себе над этим голову, – отвечал Уитекер. – Погонщик был с запада; он сказал, что один друг прислал их, чтоб ваша милость могли приготовить пир; он ни за что не захотел остаться выпить, мне очень жаль, что он не остался выпить; умоляю вас, миледи, простите, что я не притащил его за уши выпить, да только я не виноват.

– В этом я готова присягнуть, – заметила леди Певерил.

– Клянусь богом, сударыня, уверяю вас, что я не виноват, – повторял усердный дворецкий, – я сам выпил за его здоровье кружку двойного эля, чтобы наш замок, не дай бог, не уронил своей репутации, хотя я успел уже с утра приложиться. Истинная правда, сударыня, клянусь богом!

– Полагаю, что это вас не очень затруднило, – сказала хозяйка, – но не думаете ли вы, Уитекер, что было бы гораздо лучше, если б вы в доказательство своей радости не так часто напивались и поменьше божились?

– Прошу прощения, миледи, – почтительно возразил Уитекер, – надеюсь, я свое место знаю. Я всего лишь покорный слуга вашей милости и понимаю, что мне не пристало пить и божиться так, как ваша милость, то есть, я хотел сказать, как его благородие сэр Джефри. Но только, если я не стану пить и божиться, как полагается мне по званию, откуда люди будут знать, что я – управляющий Певерила Пика и, осмелюсь доложить, также его дворецкий – ведь с тех пор как старый Спиготс был убит на северо-западной башне с пивною кружкой в руке, у меня хранятся ключи от винного погреба. Как же, по-вашему, люди смогут отличить старого кавалера-роялиста вроде меня от какого-нибудь мошенника круглоголового, который только

и знает, что поститься да читать молитвы, если мы не будем пить и божиться, как прилично нашему званию?

Леди Певерил промолчала, отлично зная, что слова ни к чему не поведут, а затем объявила дворецкому, что желает пригласить на торжественный обед лиц, поименованных в списке, который она ему вручила.

Вместо того чтобы принять список с молчаливой покорностью, как то свойственно нынешним мажорdomам, Уитекер подошел к окну, надел очки и принялся его читать. Он пробормотал одобрительным тоном значившиеся вначале имена знатных кавалеров-роялистов округа, остановился и фыркнул, дойдя до имени Бриджнорта, однако тут же сказал: «Он добрый сосед, его можно». Но, прочитав имя и фамилию Ниимайи Солсгрейса, пресвитерианского пастора, Уитекер совсем потерял терпение и заявил, что скорее бросится в Элдонский провал, нежели допустит, чтобы этот наглый пуританский филин, захвативший кафедру правоверного священнослужителя, посмел осквернить замок Мартиндейл своим посланием или личным присутствием.

– Этим гнусным лопухим лицемерам и без того довольно помогал попутный ветер! – воскликнул он, сопроводив свои слова крепкою бранью. – Теперь фортуна улыбается нам, и не будь я Ричард Уитекер, если мы не сведем с ними старые счета.

– Вы злоупотребляете своею долгой службой и отсутствием вашего господина, Уитекер. В противном случае вы не осмелились бы так говорить со мною, – сказала леди Певерил.

Хотя строптивый дворецкий был чрезвычайно возбужден, от него не укрылась несвойственная леди Певерил дрожь в голосе, и, как только он заметил, что глаза ее засверкали, а щеки разгорелись, запальчивость его тотчас же остыла.

– Ах, чума меня побери, ведь я и в самом деле прогневил миледи! – вскричал он. – Я этого вовсе не хотел. Покорнейше прошу прощения! Это не Дик Уитекер посмел противиться вашим приказаниям, а всего лишь вторая кружка двойного эля. С тех пор как наш король благополучно водворился на престоле, мы, как известно вашей милости, кладем в пиво двойную порцию солода. Сказать по чести, фанатик противен мне ничуть не меньше, чем дьявол со своим раздвоенным копытом, но ваша милость вольны пригласить в замок Мартиндейл хоть самого дьявола и даже послать меня с приглашением к адским вратам, ежели вашей милости будет угодно.

Итак, приглашения были разосланы по должной форме, после чего велено было зажарить одного из волов на рыночной площади деревушки Мартиндейл-Моултрэсси, расположенной к востоку от обоих имений, которым она была обязана своим двойным именем, – почти на равном расстоянии от обоих, так что если б линия, мысленно проведенная от одного имения к другому, служила основанием треугольника, то деревня находилась бы на вершине острого угла. Вследствие недавнего перемещения части певерилловских владений сэр Джеффри и Бриджнорт почти поровну поделили между собой вышеозначенную деревню, и потому леди Певерил не сочла удобным оспаривать право соседа пожертвовать несколько больших бочек пива на общее торжество.

Между тем она невольно заподозрила, что именно Бриджнорт был тем неизвестным другом, который избавил ее от затруднительного положения, прислав необходимый провиант, и потому очень обрадовалась, когда визит майора накануне предстоящего торжества предоставил ей случай его поблагодарить.

Глава IV

*Я против тостов: доброе вино
Хвалить не нужно – мы без предисловий
Привыкли пить. Не веришь – прикажи
Подать мне кварту: в глотке не застрянет!*

Старинная пьеса

Майор Бриджнорт в чрезвычайно категорических выражениях отклонил благодарность леди Певерил за провиант, который так своевременно появился в замке. Вначале он, казалось, даже не понял, о чем идет речь, а когда она объяснила ему суть дела, привел весьма убедительные доказательства того, что ни в малейшей степени не причастен к присланным дарам, и леди Певерил пришлось ему поверить, ибо майор, человек честный и прямодушный, не привык облекать свои мысли в изящно-витиеватую форму, отличался почти квакерской откровенностью^[47] и потому не стал бы говорить неправду.

– Впрочем, сударыня, мой визит и в самом деле имеет некоторое касательство к завтрашнему торжеству, – сказал он.

Леди Певерил приготовилась слушать, но, видя, что гость ее находится в замешательстве, вынуждена была просить его объясниться.

– Сударыня, – проговорил майор, – как вам, вероятно, известно, те из нас, кто чувствует наиболее тонко, испытывают сомнения по поводу некоторых обычаев, кои распространены на всех ваших праздниках столь широко, что вы, если можно так выразиться, настаиваете на их соблюдении, словно это символ веры, и чрезвычайно обижаетесь, если ими пренебрегают.

– Я полагаю, майор Бриджнорт, – отвечала леди Певерил, которой был не совсем ясен ход рассуждений соседа, – я полагаю, что мы, как гостеприимные хозяева, постараемся избежать всяких напоминаний и намеков на прежние разногласия.

– Ваша искренность и учтивость, миледи, позволяет нам питать такие надежды, – сказал Бриджнорт, – но я вижу, что вы не совсем меня поняли. Я имел в виду обычай произносить тосты и пить за здоровье друг друга крепкие напитки. Обычай этот большинство из нас считает излишним и греховным подстрекательством к распутству и чрезмерному потреблению спиртного. Сверх того, если верить ученым богословам, он заимствован из обихода ослепленных язычников, кои совершали возлияния, заклиная при этом своих идолов, а потому может по справедливости почитаться языческим и бесовским.

Леди Певерил уже успела перебрать все причины, которые могли бы внести разлад в предстоящее торжество; однако последнее, чрезвычайно забавное, хотя и роковое, несоответствие в правилах поведения на пирах совершенно ускользнуло у нее из памяти. Она попыталась успокоить майора, который нахмурил брови с видом человека, решившегося твердо стоять на своем.

– Я готова допустить, уважаемый сосед, что обычай этот по меньшей мере празден и может даже сделаться пагубным, если он ведет к излишествам в употреблении спиртного, что, впрочем, вполне может произойти и без такого обычая, – возразила она. – Однако мне кажется, что, когда привычка эта не имеет подобных последствий, она вполне невинна и представляет собою лишь общепринятый способ выражать добрые пожелания друзьям и верноподданные чувства нашему монарху; и, не пытаясь принудить к чему-либо тех, кто думает иначе, я просто не знаю, как я могла бы лишиться своих гостей и друзей права по старинному английскому обычаю выпить за здоровье короля или за здоровье моего супруга.

– Сударыня, если следовать тому установлению, которое старше других, то самое старинное из всех английских установлений – это папизм; но, к счастью, мы, в отличие от отцов наших, погруженных во мрак, не обречены блуждать во тьме, а, напротив, должны следовать по пути, озаренному светом, воссиявшим внутри нас самих. Я сам имел честь сопровождать лорда – хранителя печати Уайтлока, когда на обеде у обер-камергера Швеции он решительно отказался пить за здоровье королевы Христины^[48], рискуя не только нанести оскорбление присутствующим, но и поставить под угрозу самую цель своего визита. Между тем этого никак нельзя было бы ожидать от столь мудрого человека, если бы он считал подобную угодливость невинной мелочью, а не греховным и заслуживающим осуждения поступком.

– При всем уважении к Уайтлоку, – отвечала леди Певерил, – я остаюсь при своем мнении, хотя, видит бог, отнюдь не одобряю пьянство и разгул. Я охотно пойду навстречу вашим пожеланиям и не стану поощрять все прочие тосты; но неужто нельзя будет провозгласить тост за здоровье короля и Певерила Пика?

– Я не осмелюсь воскурить даже одну девяносто девятую долю грана фимиама на алтаре, воздвигнутом в честь сатаны, – возразил Бриджнорт.

– Как, сэр! – воскликнула леди Певерил. – Вы сравниваете нашего короля Карла и моего благородного супруга и повелителя с сатаной?

– Прошу прощения, сударыня, – отвечал Бриджнорт, – я ничего подобного и в мыслях не имел. Я от всей души желаю доброго здоровья королю и сэру Джефри и буду молиться за них обоих. Однако я не вижу, какая может проистечь польза для их здоровья, если я стану причинять ущерб своему собственному, поглощая содержимое четвертных бутылей.

– Коль скоро мы не можем согласиться на этот счет, – промолвила леди Певерил, – мы должны изыскать способ не нанести обиды ни той ни другой стороне. Постарайтесь пропускать мимо ушей тосты наших сторонников, мы же, в свою очередь, не будем обращать внимания на ваше молчание.

Но даже и такое соглашение никоим образом не могло удовлетворить Бриджнорта, который считал его потворством Вельзевулу. Его природное упрямство еще усилилось после беседы с его преподобием Солсгрейсом, который, несмотря на все свои достоинства, с необычайным упорством цеплялся за мелкие предрассудки своей секты и, опасаясь, что новый переворот укрепит власть папизма, прелатов и Певерила Пика, естественно, стремился предостеречь свою паству, дабы она не угодила в лапы волка. Он был чрезвычайно недоволен тем, что майор Бриджнорт, неоспоримый глава местных пресвитериан, вверил свою единственную дочь, как он выражался, попечениям жены ханаанской^[49], и без обиняков объявил ему, что не одобряет его намерения пировать с вероотступниками и считает все это торжество в капище нечестивых не чем иным, как весельем в доме Арсы^[50].

Упрек пастора заставил майора Бриджнорта усомниться, следовало ли ему с такой готовностью, какую он выказал в первом порыве благодарности, вступать в близкие отношения с обитателями замка Мартиндейл; однако гордость не позволила ему признаться в том Солсгрейсу, и лишь после продолжительного спора они согласились явиться на праздник, но не иначе, как при условии, что в их присутствии не будут предлагать никаких тостов. Поэтому Бриджнорт, как уполномоченный и представитель своей партии, решил никоим образом не поддаваться увещаниям, что весьма смутило леди Певерил. Она уже начала искренне сожалеть о том, что, преисполненная лучшими чувствами, разослала свои приглашения, ибо отказ пресвитериан должен был пробудить все прежние раздоры и, быть может, вызвать новое кровопролитие между людьми, которые уже много лет не воевали друг с другом. Уступить пресвитерианам – значило бы нанести смертельное оскорбление партии кавалеров-роялистов, и в особенности сэру Джефри, ибо они считали делом чести предлагать тосты и понуждать к тому всех прочих, – точно так же, как пуритане почитали своим священным долгом отказываться от того и от другого. В конце концов леди Певерил решила переменить разговор, послала за

дочерью майора Бриджнорта и усадила девочку на колени к отцу. Эта уловка имела успех, ибо, хотя облеченный высокими полномочиями майор твердо стоял на своем, отец, подобно губернатору Тилбери, смягчился^[51] и обещал склонить своих друзей к уступке. Последняя состояла в том, что сам майор, его преподобие Солсгрейс и те их друзья, кто строго придерживался пуританских догматов, составят отдельное общество в большой гостиной, залу же займут веселые кавалеры-роялисты, причем обе стороны будут совершать свои возлияния так, как велит им совесть или обычай.

Когда этот важный вопрос был разрешен, майору Бриджнорту стало гораздо легче. Он считал делом совести упорно настаивать на своем и потому искренне обрадовался, когда отпала, казалось бы, неотвратимая необходимость обидеть леди Певерил отказом от ее приглашения. Бриджнорт оставался в замке долее обыкновенного, разговаривая и улыбаясь больше, чем то было в его обычае. Возвратившись домой, он прежде всего известил священника и его паству о достигнутом соглашении, причем дал понять, что это дело решенное и обсуждению не подлежит. Влияние его на пуритан было настолько велико, что, хотя пастору очень хотелось провозгласить отделение партий и воскликнуть: «По шатрам, о Израиль!»^[52] – он убедился, что не может рассчитывать на достаточную поддержку, и поэтому решил не восставать против единодушного согласия с предложением их посла.

Тем не менее обе партии были взбудоражены исходом посольства майора Бриджнорта, и возникло столько сомнений и щекотливых вопросов, что леди Певерил (быть может, единственный человек, действительно желавший их примирить) в награду за свои добрые намерения навлекла на себя недовольство обеих сторон и имела все основания раскаиваться в том, что хотела сблизить Монтекки и Капулетти^[53] графства Дербши на совместном торжестве.

Поскольку решено было, что гости составят два отдельных общества, начался спор о том, кто должен войти в замок первым. Этот предмет сильно встревожил леди Певерил и майора Бриджнорта, ибо в случае, если и тем и другим пришлось бы двигаться по одной дороге и входить в одни ворота, между ними могла разгореться страшная ссора еще прежде, чем они достигнут помещений, отведенных для пиршества. Хозяйка нашла, как ей казалось, превосходный способ предупредить возможность подобного столкновения: она распорядилась открыть кавалерам-роялистам главные ворота, тогда как круглоголовые должны были войти в замок через большую брешь, пробитую во время осады в крепостной стене, – через нее теперь гоняли на пастбище стадо. С помощью этой уловки леди Певерил надеялась избежать риска, сопряженного со встречами обеих партий, которые непременно принялись бы оспаривать право первенства. Заодно было улажено еще много незначительных пунктов – к великому удовлетворению пресвитерианского пастыря, который в длинной проповеди на тему о брачной одежде всячески старался внушить своим слушателям, что это библейское выражение означает не только одеяние, но также и соответствующее расположение духа, приличествующее мирному торжеству, и потому убеждал прихожан, невзирая на заблуждения несчастных, ослепленных злодеев-роялистов, с которыми им на следующий день предстояло так или иначе вкушать еду и питье, оказывать последним всяческое снисхождение, дабы не нарушить спокойствия Израиля.

Почтенный доктор Даммерер, насильственно лишенный своего прихода, викарий епископальной церкви Мартиндейл-Моултрэсси, прочитал кавалерам-роялистам проповедь на ту же тему. До мятежа он был приходским священником и состоял в большом фаворе у сэра Джеффри не столько по причине своей приверженности догматам и глубокой учености, сколько благодаря непревзойденному искусству играть в шары и вести оживленную беседу за кружкой пива и трубкой в долгие октябрьские вечера. Именно благодаря этим талантам доктор удостоился чести войти в составленный Джоном Уайтом^[54] список бесстыжих, несведущих и распутных служителей англиканской церкви, коих тот поносил на чем свет стоит за тяжкий грех – участие в азартных играх и в мирских забавах своих прихожан. Когда партия короля начала терять почву под ногами, доктор Даммерер покинул свой приход, явился в военный лагерь

и, заняв должность капеллана в полку сэра Джеффри, неоднократно имел случай доказать, что под его грузной физической оболочкой скрывается смелое и мужественное сердце. Когда все рухнуло и доктор Даммерер вместе с большей частью верных королю священников был лишен своего прихода, он перебивался с хлеба на воду, то ютясь на чердаке у старых товарищей по университету, деливших с ним и ему подобными жалкие средства к существованию, которые еще оставались у них в эти тяжелые времена, то скрываясь в усадьбах угнетенных и подвергшихся секвестрации дворян, уважавших его за силу характера и страдания. После восстановления на престоле короля доктор Даммерер вышел из своего последнего убежища и поспешил в замок Мартиндейл, чтобы насладиться торжеством, которое принес ему этот счастливый поворот судьбы.

Он явился в замок в полном священническом облачении и был горячо принят местным дворянством, чем сильно встревожил и без того перепуганную партию, еще недавно стоявшую у власти. Правда, доктор Даммерер (честный и достойный человек) не питал несбыточных надежд относительно своего повышения или продвижения по службе, однако же возможность того, что ему возвратят приход, из коего он был изгнан под весьма неосновательным предлогом, серьезно угрожала пресвитерианскому пастору, которого теперь нельзя было рассматривать иначе, как самозванца. Таким образом, интересы обоих священников были столь же противоположны, сколь и чувства их паствы, — еще одно роковое препятствие задуманному леди Певерил обширному плану всеобщего примирения.

Тем не менее, как мы уже успели заметить, доктор Даммерер вел себя в этом случае не менее благородно, чем завладевший его приходом пресвитерианин. Правда, в проповеди, произнесенной им в зале Мартиндейла в присутствии нескольких наиболее знатных семейств кавалеров, а также стайки деревенских ребятишек, сбежавшихся в замок поглазеть на невиданного дотоле священнослужителя в рясе и стихаре, он пустился в пространные рассуждения о множестве злодейств, совершенных мятежной партией в недавние злополучные времена, и всячески восхвалял миролюбие и милосердие почтенной хозяйки замка, снизошедшей до того, чтобы дружелюбно и гостеприимно открыть двери своего дома людям, чей образ мыслей привел к убийству короля, к лишению жизни и имущества верных ему граждан, а также к разграблению и разрушению церкви Божией. Однако затем доктор Даммерер снова весьма удачно свел все это на нет, заметив, что, коль скоро по велению милостивого, недавно восстановленного на престоле монарха и по желанию уважаемой леди Певерил им надлежит на время примириться с этим строптивым и непокорным племенем, было бы весьма похвально, если бы все верные вассалы избегали предметов, могущих вызвать распри с этими сынами Семея^[55]. Сей последний урок терпимости он подкрепил утешительным уверением, что бывшие мятежники не смогут долго воздерживаться от своих бунтарских происков, в каковом случае приверженцы короля будут оправданы перед Богом и человечеством, если сотрут их с лица земли.

Внимательные наблюдатели необычайной эпохи, из которой мы заимствовали описанные в этой повести события, оставили нам свидетельства того, что обе проповеди, которые, без сомнения, сильно расходились с намерениями произносивших их почтенных священнослужителей, способствовали скорее разжиганию споров между двумя партиями, нежели их примирению. При таких недобрых предзнаменованиях, которые не могли не вызвать мрачных предчувствий у супруги сэра Джеффри, наступил наконец день праздника.

Как бы желая показать свою силу и многочисленность, приверженцы обеих партий, каждая из которых образовала нечто вроде торжественного шествия, приближались к замку Мартиндейл по двум различным дорогам; при этом их платье, наружность и манеры настолько отличались друг от друга, что казалось, будто веселые свадебные гости и печальные плакальщики движутся с разных сторон к одному и тому же месту.

Партия пуритан была гораздо малолюднее, что объяснялось двумя важными причинами. Прежде всего она несколько лет была у кормила правления и, разумеется, утратила любовь

простонародья, которое никогда не испытывает привязанности к тем, кто, обладая непосредственной властью, зачастую вынужден употреблять ее для того, чтобы сдерживать его порывы. К тому же английские поселяне всегда отличались склонностью к забавам на открытом воздухе, а также веселым и общительным нравом, что заставляло их роптать на суровость фанатических проповедников, а кроме того, они были в не меньшей степени недовольны военным деспотизмом генералов Кромвеля. Во-вторых, народ всегда непостоянен, и возвращение короля, сулившее перемены, уже одним тем стало желанно. В это время пуритан покинул также многочисленный класс мыслящих и благоразумных людей, которые были привержены к ним до тех пор, покуда им сопутствовала удача. Эти мудрецы, получившие в ту пору прозвище Прислужников Провидения, почитали смертным грехом поддерживать какое бы то ни было дело, переставшее пользоваться милостями судьбы.

Однако, покинутые непостоянными и себялюбцами, пуритане с их горячим воодушевлением, стойкой приверженностью принципу, уверенностью в чистоте собственных побуждений, с истинно английской гордостью и мужеством, которые заставляли их держаться своих прежних правил тем более твердо, чем сильнее бушевала вокруг них буря, – подобно путешественнику из притчи, зябко кутавшемуся в плащ, – все еще сохранили в своих рядах много людей, которые продолжали внушать уважение и страх уже не числом, а лишь силой своего характера. Это были большей частью мелкопоместные дворяне, а также купцы, возвысившиеся благодаря трудолюбию и удаче в торговле или в разработке рудников, – люди, которых особенно оскорбляет преимущественное положение аристократии и которые обычно с особой запальчивостью отстаивают свои права. Одежда пуритан почти всегда отличалась чрезмерной простотой и скромностью или бросалась в глаза нарочитой непритязательностью и небрежностью. Темный цвет плащей – от тускло-серого до совершенно черного; широкополые шляпы с высокими тульями; длинные шпаги, подвешенные к простому поясному ремню – без бантов, пряжек, темляков или каких-либо иных побрякушек, которыми кавалеры любили украшать свои испытанные рапиры; коротко стриженные волосы, из-под которых торчали казавшиеся непомерно длинными уши, и, наконец, суровая и мрачная сосредоточенность облика – все это свидетельствовало об их принадлежности к тем исполненным решимости и бесстрашия фанатикам, каковые, ниспровергнув прежний порядок, ныне более чем подозрительно созерцали тот, что столь неожиданно явился ему на смену. Лица пуритан были угрюмы, но в них не замечалось ни уныния, ни тем более отчаяния. Они напоминали старых воинов, потерпевших поражение, которое, быть может, остановило их на пути к славе и ранило их гордость, но не в какой мере не лишило их мужества.

Меланхолия, которая теперь постоянно омрачала чело майора Бриджнорта, делала его как нельзя более подходящим предводителем общества, двигавшегося к замку из деревни. Когда пуритане достигли места, откуда им следовало свернуть в окружавший замок лес, они вдруг почувствовали себя униженными, словно им пришлось уступить дорогу своим старым врагам кавалерам, которых они столь часто побеждали. Поднимаясь по извилистой тропе, где ежедневно проходило стадо, они сквозь просеку увидели ров, наполовину заваленный обломками крепостных стен, и пролом в углу большой четырехугольной башни, одна часть которой обвалилась, а другая, в виде причудливых руин, грозящих каждую минуту обрушиться, нависла над огромной пробоиной в стене. При этом зрелище, напомнившее им о победах прежних дней, пуритане молча обменялись суровыми улыбками. Холдфаст Клефт, мельник из Дерби, который сам участвовал в осаде, показал на брешь и с мрачной улыбкой обратился к его преподобию Солсгрейсу:

– Когда я своими руками ставил пушку, которую Оливер навел на эту башню, не думал я, что нам придется, словно лисицам, карабкаться по тем самым стенам, которые мы захватили с помощью наших луков и копий. По мне, так этим злодеям роялистам уже хватит затворять перед нами ворота да задирать свои носы.

– Терпение, брат мой, терпение, и да снизойдет мир на твою душу, – отозвался Солсгрейс. – Не в унижении поднимаемся мы к этому капищу нечестивых – ведь мы проходим через врата, которые Господь открыл праведным.

Речь пастыря была подобна искре, упавшей на порох. Скорбные лица путников тотчас же прояснились, и, усмотрев в словах его знамение Господне, проливающее свет на нынешнее их положение, все они дружным хором затянули один из тех торжественных псалмов, которыми израильтяне прославляли дарованные им Богом победы над язычниками, населявшими обетованную землю:

Наступит час – восстанет Бог,
Злодеям отомстит,
Рассеет полчища врагов
И в бегство обратит.
Как пламя плавит мягкий воск,
Как ветер гонит дым, –
Господь их силы сокрушит
Могуществом Своим.
Сто тысяч ангелов слетят
С сияющих высот,
Им сам Господь с горы Синай
Напутствие пошлет.
О Боже, Ты сметешь врагов
И прекратишь их род
За то, что тщились покорить
Твой избранный народ.

Эти восторженные клики достигли разудалой толпы кавалеров; нарядившись в остатки роскошных одежд, которые им удалось спасти от нищеты и продолжительных бедствий, они направлялись к замку по другой дороге, оглашая главный въезд в него возгласами буйной радости и веселья. Оба шествия являли собой разительную противоположность, ибо во время гражданских междоусобий враждующие партии настолько рознились друг от друга своими нравами и обычаями, что казалось, будто они одеты в разную военную форму. Если одежда пуритан отличалась нарочитою простотой, а манеры – смешной чопорностью, то пристрастие кавалеров к роскошным нарядам часто оборачивалось безвкусицей, отвращение же ко всяческому лицемерию – чрезмерной легкостью нравов. Веселые франтоватые молодцы, направлявшиеся к древнему замку, все, от мала до велика, испытывали ту приподнятость духа, которая поддерживала их в самое мрачное время, как называли они пору владычества Кромвеля, и которая теперь совершенно вывела их из равновесия. Перья развевались, галуны сверкали, копыя звенели, кони гарцевали; то тут то там кто-нибудь, сочтя, что производимый им с помощью природных способностей шум никак не отвечает торжественности минуты, принимался палить из пистолета. Ребятишки – ведь мы уже упоминали выше, что чернь, как всегда, сопровождала победителей, – громко вопили: «Долой охвостье!» и «Позор Оливеру!» Всевозможные музыкальные инструменты, бывшие тогда в ходу, играли все зараз и все невпопад, и ликованию знати, которая, презрев свою гордость, соединилась с толпой простонародья, придавала особый вкус мысль о том, что звуки торжества доносились до их соседей, убитых горем круглоголовых.

Когда громовые раскаты псалма, многократно повторенные эхом, перекатывающимся в утесах и разрушенных залах, достигли слуха кавалеров, как бы предупреждая их, что не следует особенно рассчитывать на унижение противника, они вначале расхохотались во всю силу своих легких, чтобы показать псалмопевцам, сколь глубоко они их презирают, но это было

лишь нарочитым выражением недоброжелательства к политическим противникам. Для людей, находящихся в противоречивых и затруднительных обстоятельствах, печаль натуральнее веселости, и, когда эти два чувства сталкиваются, последняя редко торжествует. Если бы похоронная процессия и свадебный поезд неожиданно встретились друг с другом, мрачное уныние первого, разумеется, легко поглотило бы радостное ликование второго. Более того – кавалеры были заняты еще и другими мыслями. Звуки псалма, которые они теперь слышали, слишком часто доносились до их ушей и в слишком многих случаях предвещали поражение роялистов, чтобы они могли равнодушно внимать им даже в дни своего торжества. Наступившее на минуту неловкое молчание прервал мужественный старый рыцарь, сэр Джаспер Крэнборн, доблесть коего была настолько общепризнанной, что он мог позволить себе, так сказать, открыто признаться в чувствах, которые другие люди, чья отвага могла в какой-то мере подвергнуться сомнению, сочли бы за лучшее скрыть.

– Вот тебе и раз! Я готов никогда больше не пить кларета, – промолвил старый рыцарь, – если это не та же самая песня, с которой лопухие мошенники пошли в атаку при Уигганлейне и опрокинули нас, словно кегли! Клянусь честью, соседи, чертовски не по душе мне этот напев!

– Если б я думал, что круглоголовые шельмы над нами смеются, – сказал Дик Уайлдблад из Дейла, – я бы взял свою дубинку и забил бы эти псалмы в их грязные глотки.

Это предложение, поддержанное старым Роджером Рейном, вечно пьяным хозяином деревенской таверны «Герб Певериллов», могло бы вызвать общую потасовку, если бы не вмешательство сэра Джаспера.

– Ну, не надо буяннить, Дик, – сказал старый рыцарь юному франклину^[56], – не надо, дружище, и вот почему: во-первых, это значило бы нанести обиду леди Певерил; во-вторых, это нарушило бы дарованный королем мир; а в-третьих, Дик, если бы мы напали на этих подлых псалмопевцев, тебе, мой мальчик, могло бы прийти туга, как уже бывало с тобою и раньше.

– Кому?! Мне, сэр Джаспер? – отозвался Дик. – Мне пришлось бы туга? Не сойти мне с места, если мне приходилось туга где-нибудь, кроме как на той растреклятой дороге, где у нас не было ни флангов, ни фронта, ни тыла – все равно что у селедок в бочке.

– Наверно, потому-то ты, чтобы поправить дело, застрял вместе со своим конем в живой изгороди, а когда я выковырял тебя оттуда палкой, ты, вместо того чтобы ринуться в бой, повернул направо кругом и во всю прыть пустился наутек, – отвечал сэр Джаспер.

Этот рассказ вызвал общий смех по адресу Дика, который, как всем было известно, предпочитал сражаться, скорее, своим длинным языком, нежели каким-либо иным оружием. Шутка доблестного рыцаря охладила воинственный пыл приверженцев короля; пение тоже внезапно прекратилось, и это окончательно успокоило кавалькаду, готовую счесть его умышленным оскорблением.

Между тем пуритане умолкли потому, что достигли большой и широкой брешы, некогда пробитой в стене замка их победоносными орудиями. Груды оставшихся от разрушенного сооружения обломков и мусора, по которым вилась узкая крутая тропинка, наподобие тех, что протаптывают редкие посетители древних руин, в сочетании с массивными куртинами, избежавшими разгрома, напомнили круглоголовым о победе над вражеской твердыней и о том, как они заковывали в стальные цепи принцев и лордов.

Однако в груди даже этих суровых фанатиков пробудились чувства, гораздо более соответствующие цели их визита в замок Мартиндейл, когда хозяйка, все еще сияющая молодостью и красотой, появилась над брешью в сопровождении служанок, чтобы встретить гостей с подобающими случаю любезностью и почетом. Леди Певерил сняла черное платье, которое она носила в течение многих лет, и оделась с роскошью, приличествующей ее высокому званию и знатному роду. Правда, драгоценностей на ней не было, но ее длинные черные волосы украшала гирлянда из дубовых листьев и лилий; первые означали спасение короля в дупле Королевского Дуба, вторые – его счастливое восстановление на престоле^[57]. Но особенно обра-

довались присутствующие, увидев, что хозяйка держит за руки мальчика и девочку – последняя, дочь их предводителя майора Бриджнорта, была, как все знали, обязана своей жизнью и здоровьем материнским попечениям леди Певерил.

Если даже люди низкого звания, находившиеся в толпе пуритан, испытали на себе благотворное влияние этого зрелища, то несчастный Бриджнорт был совершенно им ошеломлен. Природная сдержанность и строгие правила его круга не позволили ему преклонить колено и поцеловать руку, в которой лежала ручка его любимой дочери; однако низкий поклон, трепетная дрожь в голосе, произносившем слова благодарности, и блеск глаз свидетельствовали о его признательности и уважении к леди Певерил гораздо искреннее и глубже, нежели он мог бы выразить, даже если бы, подобно персу, в знак почтения распростерся перед нею на земле. Несколько учтивых и приятных слов, выражающих удовольствие, с которым она может вновь принять своих соседей и друзей, несколько вопросов о здоровье родных и близких наиболее именитых из них довершили победу леди Певерил над враждебными мыслями и опасными воспоминаниями и вселили дружеские чувства в сердца гостей.

Даже сам Солсгрейс, почитавший своим служебным и нравственным долгом следить за кознями «жены Амаликовой»^[58] и всячески им препятствовать, не мог устоять против ее чар; он был настолько тронут ласковым и радушным приемом леди Певерил, что тотчас же затянул псалом:

Что может быть на сей земле
Для наших глаз милей,
Чем единенье душ людских
И братство всех людей!

Сочтя это приветствие за ответную любезность, леди Певерил сама проводила эту группу гостей в залу, где для них была приготовлена роскошная трапеза; у нее даже хватило терпения оставаться там до тех пор, покуда его преподобие Ниимайя Солсгрейс в качестве введения к пиршеству читал весьма пространное благословение. Присутствие хозяйки до некоторой степени смутило достопочтенного пастыря, чья велеречивая проповедь длилась тем дольше и была тем более замысловатой и запутанной, что он сам (ввиду явной ее неуместности) почувствовал необходимость отказаться от своей излюбленной концовки, состоящей в молитве об избавлении от папизма, прелатов и Певерила Пика. Он так привык к этой петиции, что после тщетных попыток заключить свою речь какой-либо иной фигурой, в конце концов вынужден был произнести первые слова обычной формулы вслух, пробормотав остальные до того невнятно, что их не смогли разобрать даже те, кто стоял рядом.

Когда священник умолк, в зале послышались нестройные звуки, возвещавшие об атаке проголодавшегося общества на богато накрытый стол, и это позволило леди Певерил выйти из залы, чтобы позаботиться об остальных гостях. По правде говоря, она почувствовала, что с этим не следует мешкать, ибо роялисты могли дурно истолковать внимание, которое она сочла необходимым оказать пуританам, или даже им оскорбиться.

Нельзя сказать, что опасения эти были совершенно необоснованны. Напрасно управляющий поднял на одной из высоких башен, защищающих главный вход в замок, королевский штандарт с гордым девизом «Tandem Triumphans»⁵, в то время как над другой башней реяло знамя Певерила Пика, под которым многие из приближающихся кавалеров испытали все превратности гражданской войны. Напрасно он громко повторял: «Добро пожаловать, доблестные кавалеры! Добро пожаловать, благородные джентльмены!» Среди гостей поднялся ропот – они желали услышать эти приветствия из уст супруги полковника, а не из уст наемного слуги.

⁵ В конце концов торжествуя (лат.).

Сэр Джаспер Крэнборн, столь же мудрый, сколь и неустрашимый, зная, чем руководствовалась его прекрасная кухня, ибо сам давал ей советы касательно приготовлений к церемонии, убедился, что следует не мешкая проводить гостей в банкетную залу, где их можно будет с успехом отвлечь от неудовольствия всевозможными яствами, в избытке заготовленными гостеприимной хозяйкой.

Хитрость старого воина удалась как нельзя лучше. Сэр Джаспер занял большое дубовое кресло, сидя в котором управляющий обыкновенно проверял счета, и, когда доктор Даммерер произнес короткое латинское благословение (каковое слушатели оценили тем более высоко, что никто из них не понял из него ни слова), пригласил общество для возбуждения аппетита выпить за здоровье его величества, сколько позволит глубина их кубков. В ту же минуту все засуетились, и раздался звон бокалов и графинов. В следующую минуту приверженцы короля поднялись на ноги и, окаменев, словно статуи, но сверкай глазами от нетерпения, молча вытянули вперед руки с наполненными до краев бокалами. Голос сэра Джаспера – ясный, звонкий и чистый, как звук его боевой трубы, – провозгласил здравицу возвращенному на престол монарху, и собравшиеся хором повторили долгожданный тост. Ненадолго все опять умолкли, чтобы осушить кубки, а затем, набрав воздуха в легкие, разразились таким оглушительным ревом, что, отзываясь на него громким эхом, задрожали своды старинной залы, а украшавшие их гирлянды из цветов и дубовых листьев закачались и зашелестели, словно от внезапно налетевшего урагана. Совершив этот обряд, общество двинулось на приступ роскошных блюд, под которыми ломился стол, воодушевляемое весельем и музыкой, ибо в зале собрались все менестрели округа, коих, наравне со служителями епископальной церкви, заставили замолчать самозванные республиканские святые в дни своего владычества. Обильная еда и питье, тосты за здоровье старых соседей, которые вместе сражались против врага и вместе страдали в годину унижений и скорби, а теперь соединились на общем торжестве, – все это быстро изгладило из памяти кавалеров ничтожную причину для неудовольствия, омрачившую было их праздник; и когда леди Певерил вошла в залу в сопровождении детей и служанок, ее приветствовали шумными возгласами, как и подобает встречать хозяйку дома, супругу доблестного рыцаря, который вел их на ратные подвиги с достойными лучшей участи бесстрашием и верностью.

Краткая речь леди Певерил была произнесена с таким достоинством и исполнена таких чувств, что тронула всех до глубины души. Она извинилась за свое запоздалое появление, напомнив, что в замке Мартиндейл находятся их прежние враги, коих счастливые события последнего времени превратили в друзей; однако это произошло так недавно, что по отношению к ним она не осмелилась хотя бы в малейшей степени нарушить этикет. Теперь же она обращается к самым близким, дорогим и верным друзьям: им и их доблести Певерил обязан успехами, которые в недавнее смутное время снискали и ему и им самим ратную славу и чьей отваге она, леди Певерил, обязана сохранением жизни своего супруга. Заклучая свою скромную речь, леди Певерил сердечно поздравила собравшихся со счастливым восстановлением власти короля и, грациозно поклонившись во все стороны, поднесла к губам бокал, как бы приветствуя гостей.

В ту эпоху еще сохранялась – особенно среди старых кавалеров-роялистов – искра того духа, который заставил Фруассара^[59] сказать, что рыцарь становится вдвое храбрее, если его воодушевляют слова и взоры прекрасной и добродетельной дамы. Лишь во времена царствования, начавшегося в описываемые нами дни, безудержная вольность нравов, вызвавшая всеобщую распущенность, унизила женщин до положения простых прислужниц похоти и тем истребила в обществе благородные чувства к прекрасному полу, которые, если рассматривать их как побуждение к тому, чтобы «возвыситься духом»^[60], превосходят все прочие чувствования, кроме веры и любви к отечеству. Древние своды Мартиндейла тотчас же огласились громкими кликами; в воздухе замелькали шляпы, и все общество дружно желало счастья и доброго здоровья рыцарю и его супруге.

В разгар возлияний леди Певерил незаметно выскользнула из залы, оставив гостей свободно пировать и веселиться.

Легко можно вообразить веселье кавалеров, ибо оно сопровождалось пением, шутками, тостами и музыкой, которые везде и всюду одушевляют праздничные пиры. Развлечения пуритан отличались несколько иным, менее шумным характером. Они не пели, не шутили, не слушали музыки, не провозглашали тостов, но и они, если употребить их собственное выражение, тоже наслаждались земными благами, которые в силу слабости человеческой природы столь усладительны для внешней оболочки смертных. Старый Уитекер даже с неудовольствием заметил, что, хотя общество круглоголовых было меньше числом, они поглотили столько же канарского и кларета, сколько развеселая компания, с которой пил он сам. Однако люди, знавшие наклонности управляющего, расположены были думать, что для получения такого итога он наверняка отнес на счет пуритан свои собственные возлияния – статью весьма немаловажную.

Не доверяя столь пристрастным и скандальным слухам, скажем лишь, что в этом случае, как и в большей части других, силе удовольствия способствовала его редкость и что пуритане, почитавшие воздержание или хотя бы умеренность одной из священных заповедей, тем более наслаждались праздником, что такие возможности представлялись им не часто. Если они и не пили за здоровье друг друга, то, по крайней мере, поднимая бокалы, взглядами и кивками показывали, что присутствие друзей и соседей увеличивает их наслаждение пиром. Религия, занимавшая главенствующее место в их мыслях, стала также главной темой их бесед, и, разделившись на небольшие кучки, они обсуждали религиозные догматы и метафизические вопросы, сравнивали достоинства различных проповедников и вероучения соперничающих сект, подкрепляя цитатами из Священного Писания те из них, которым оказывали предпочтение. Во время этих споров возникли некоторые разногласия, которые могли бы зайти дальше, чем дозволяли приличия, если бы не предусмотрительное вмешательство майора Бриджнорта. Он подавил в самом зародыше спор между папашей Ходжсоном из Чарнликота и его преподобием Солсгрейсом по деликатному пункту о церковных обрядах и богослужениях, отправляемых мирянами, а также счел неблагоприятным потворствовать желанию некоторых наиболее пылких ревнителей веры, которым хотелось дать возможность остальным гостям насладиться присутствием им даром импровизированной проповеди и толкования библейских текстов. Эти нелепости были характерной чертой эпохи, однако же у майора хватило здравого смысла понять, что, независимо от того, порождены ли они лицемерием или религиозным пылом, они в данных обстоятельствах совершенно неуместны.

Майор Бриджнорт также уговорил пуритан разойтись пораньше, и они покинули замок задолго до того, как веселье их соперников кавалеров достигло высшей точки, – что чрезвычайно обрадовало хозяйку, которая опасалась последствий, могущих произойти, если бы обе партии отправились восвояси одновременно и столкнулись у ворот. Около полуночи большая часть кавалеров, вернее, те, кто был еще в силах передвигаться без посторонней помощи, отправилась в деревню Мартиндейл-Моултрэсси, в чем им благоприятствовал лунный свет, помогавший избежать несчастных случаев. Хозяйка, радуясь, что разгульное пиршество окончилось без всяких неприятных происшествий, не без удовольствия слушала их крики и хор, громогласно исполнявший «Король опять свое вернет!». Однако веселье на этом не кончилось, ибо подвыпившие кавалеры, обнаружив вокруг разведенного на улице костра нескольких поселян, радостно присоединились к ним, послали в «Герб Певерилов» к Роджеру Рейну, преданному трактирщику, о котором мы уже упоминали, за двумя бочонками так называемого стинго^[61] и соединенными усилиями принялись поглощать его за здоровье короля и верного генерала Монка. Их крики еще долго нарушали тишину и пугали маленькую деревушку; однако даже самый пылкий энтузиазм не может вечно противиться естественному действию позднего времени и неумеренных возлияний. Шум, поднятый торжествующими роялистами, в конце концов утих, и луна совместно с совою беспрепятственно завладели старинной деревенской

колокольной – ночная птица заняла ее под жилье, а ночное светило озаряло своими серебристыми лучами белый силуэт здания, возвышающийся на фоне узловатых дубов.

Глава V

*Под клики труб и плеск знамен
Весь осажденный гарнизон
В атаку двинут был;
И – чудо среди жён земных! –
Она в сердца бойцов своих
Вдохнула ратный пыл!*

Уильям С. Роуз^[62]

Наутро после пира леди Певерил, утомленная трудами и заботами предыдущего дня, оставалась в своей комнате на два или три часа дольше, чем это позволяли ее деятельная натура и тогдашнее обыкновение подниматься на заре. Тем временем экономка Элзмил, женщина, облеченная особым доверием семейства и в отсутствие своей хозяйки пользовавшаяся неограниченной властью, приказала гувернантке Деборе тотчас отвести детей на прогулку в парк и не пускать никого в золотую комнату, где они обыкновенно играли. Дебора, которая нередко и не без успеха восставала против власти Элзмил, решила про себя, что собирается дождь, и потому детям лучше остаться в золотой комнате, чем бегать по траве, еще покрытой утренней росой.

Однако ум женщины бывает порою столь же изменчив, сколь и народное собрание; и, подав свой голос за то, что утро обещает быть дождливым и что детям лучше всего играть в золотой комнате, Дебора приняла несколько непоследовательное решение избрать парк местом своей собственной утренней прогулки. Правда, накануне она до полуночи танцевала с лесничим Лансом Утремом, но мы не берем на себя смелость судить, насколько повлияло на противоречивость составленного Деборой мнения о погоде то обстоятельство, что Ланс Утрем прошел мимо окна в охотничьем костюме, с пером на шляпе и с луком в руке. Скажем только, что не успела почтеннейшая Элзмил отвернуться, как Дебора отвела детей в золотую комнату и (надо отдать ей справедливость) строго наказала Джулиану присматривать за своей маленькой подружкой Алисой, после чего, приняв столь разумные меры предосторожности, сама прокрадлась в парк через стеклянную дверь кладовой, которая находилась напротив большого пролома в крепостной стене.

Золотая комната, где, согласно распоряжению Деборы, дети остались одни безо всякой защиты, кроме той, какую могла обеспечить отвага юного Джулиана, представляла собой обширную залу, отделанную испанской кожей с искусным золотым тиснением, на которой в старинном, но не лишенном приятности вкусе были изображены бои и турниры между гранадскими сарацинами и испанцами под командованием короля Фердинанда и королевы Изабеллы во время достопамятной осады, закончившейся ниспровержением последних остатков империи мавров в Испании^[63].

Юный Джулиан то скакал по комнате, чтобы развлечь себя и свою маленькую подружку, и, размахивая тросточкой, подражал воинственным позам Абенсерага и Зегриса, занятых излюбленной на Востоке забавой – метанием джерида, или дротика, то садился возле робкой, застенчивой девочки, чтобы приласкать ее, когда ей надоедало безучастно смотреть на его шумные забавы; как вдруг он заметил, что одна из обшитых кожей панелей зашевелилась и чья-то рука старается отодвинуть ее еще дальше. Это зрелище чрезвычайно удивило и даже немного испугало Джулиана, ибо волшебные сказки внушили ему ужас перед чудесами невидимого мира. Однако, смелый и мужественный от природы, юный воитель встал возле беззащитной девочки, продолжая грозно потрясать оружием и готовый защищать сестренку с решимостью, достойной самого Абенсерага из Гранады^[64].

Панель, от которой Джулиан не отрывал глаз, продолжала скользить все дальше и дальше; наконец в открывшейся за нею темной щели дети увидели одетую в траур женщину средних лет, все еще сохранявшую следы редкой красоты, с осанкой, отличавшейся почти королевским величием. Остановившись на минуту у порога столь неожиданно отворенной ею двери и с некоторым удивлением глядя на детей, которых она, отодвигая панель, очевидно, не заметила, незнакомка вошла в комнату; панель же под действием пружины закрылась так быстро, что Джулиан усомнился, отворялась ли она вообще, и готов был счесть все происшедшее одной лишь игрой воображения.

Однако величавая дама подошла к нему и спросила:

– Ты, наверное, маленький Певерил?

– Да, – краснея, отвечал мальчик: несмотря на свой нежный возраст, он уже усвоил закон рыцарской чести, который запрещает скрывать свое имя, как бы опасно ни было его объявить.

– В таком случае, – продолжала величавая незнакомка, – отправляйся в комнату своей матери и скажи, чтобы она сейчас же явилась сюда поговорить со мною.

– Не пойду, – отвечал юный Джулиан.

– Как! – воскликнула дама. – Так мал и уже так непослушен? Впрочем, таковы нравы нынешнего века. Отчего же ты, милый мальчик, не хочешь исполнить мою просьбу?

– Я бы, пожалуй, пошел, сударыня, если б... – Тут мальчик внезапно умолк и попятился от приближавшейся к нему дамы, все еще держа за руку маленькую Алису, которая не понимала, о чем они говорят, и, дрожа от страха, прижималась к своему товарищу.

Заметив смущение мальчика, незнакомка улыбнулась и, остановившись, еще раз спросила:

– Чего ты боишься, мой храбрый мальчуган? Почему ты не хочешь позвать ко мне свою маму?

– Не хочу оставлять Алису с вами вдвоем, – твердо отвечал Джулиан.

– Ты благородный мальчик, – сказала дама, – ты не опозоришь свой род, никогда не отказывавший в защите слабым.

Мальчик не понял незнакомку и с опаской поглядывал то на нее, то на маленькую Алису, которая переводила по-детски рассеянный взгляд с чужой дамы на своего друга и защитника. Наконец, заразившись страхом, который Джулиан, несмотря на героические усилия, не мог совершенно скрыть, Алиса бросилась на шею мальчику, прижалась к нему и громко заплакала, чем встревожила его пуще прежнего, так что он лишь с большим трудом мог удержаться от слез.

В манерах и осанке нежданной гостьи и в самом деле было нечто, внушающее если не страх, то, по крайней мере, благоговейный трепет, – особенно после ее странного и таинственного появления. Одежда ее, ничем не примечательная, состояла из капюшона и костюма для верховой езды, какой тогда носили женщины, принадлежавшие к низшим слоям дворянства; длинные черные волосы выбились из-под капюшона и в беспорядке рассыпались по плечам. Глаза у нее были темно-карие, с живым и проницательным взглядом, а черты лица говорили о чужеземном происхождении. В речи незнакомки замечен был легкий иностранный выговор, хотя по-английски она говорила очень чисто, а интонации и жесты выдавали в ней женщину, привыкшую повелевать и требовать повиновения. Очевидно, вспомнив все это, Джулиан впоследствии решил оправдать свой испуг тем, что принял незнакомку за сказочную королеву.

Пока незнакомая дама и дети смотрели друг на друга, в комнату почти одновременно, хотя и через разные двери, вошли два человека, чья поспешность свидетельствовала о том, что они встревожены детским плачем.

Первым был майор Бриджнорт: когда он входил в залу, примыкавшую к золотой комнате, его испугали крики девочки. Он хотел дожидаться появления леди Певерил в одной из гостиных, дабы дружески уверить ее, что предыдущий бурный день прошел для его друзей в высшей степени приятно и без всяких удручающих последствий, каких можно было бы опасаться в

случае столкновения обеих сторон. Однако, если принять во внимание беспокойство майора за жизнь и здоровье дочери, более чем оправданное судьбой ее старших братьев и сестер, не приходится удивляться, что плач Алисы заставил ее отца нарушить строгие правила приличия и вторгнуться во внутренние покои замка.

Итак, он вбежал в золотую комнату через боковую дверь и узкий коридор, соединявший ее с залой, и, схватив девочку на руки, пытался ласками унять рыдания, которыми она разразилась пуще прежнего, увидев себя в объятиях совершенно чужого человека, – ведь она видела отца всего лишь один раз в жизни.

Отчаянным воплям Алисы стал вторить и Джулиан; при виде нового незваного гостя он так испугался, что, отказавшись от мужественной роли защитника сестренки, принялся во все горло звать на помощь.

Встревоженная шумом, который за какие-нибудь полминуты стал оглушительным, на сцене появилась леди Певерил, чья комната соединялась с золотой через потайную дверь гардеробной. Увидев ее, маленькая Алиса вырвалась из объятий отца, подбежала к своей покровительнице и, схватив ее за платье, не только успокоилась, но даже обратила к незнакомой даме свои огромные голубые глаза, все еще блестящие от слез, взирая на нее скорее с изумлением, нежели со страхом. Джулиан отважно потрясал своей тросточкой – оружием, с которым он все это время не расставался, – готовый при малейшем признаке опасности ринуться на защиту матери от таинственного незнакомца.

Между тем даже человек более зрелого возраста, без сомнения, удивился бы тому, что при виде неожиданной гостьи леди Певерил вдруг смущенно остановилась, словно никак не могла поверить, что это худое и изможденное лицо, все еще хранившее следы былой красоты, действительно принадлежит женщине, с которой она была знакома при совершенно иных обстоятельствах.

Таинственная дама, казалось, поняла причину ее колебаний и голосом, который всегда отличался свойством проникать в самое сердце собеседника, сказала:

– Время и бедствия сильно изменили меня, Маргарет; об этом говорит мне каждое зеркало; однако я полагаю, что Маргарет Стэнли могла бы узнать Шарлотту де ла Тремуиль.

Леди Певерил не имела обыкновения предаваться внезапным порывам чувств, но теперь, обуреваемая одновременно радостью и скорбью, она упала к ногам незнакомки и, обняв ее колени, прерывающимся голосом воскликнула:

– О моя великодушная благодетельница, благородная графиня Дерби, августейшая королева острова Мэн! Как могла я хоть на минуту усомниться, что слышу ваш голос и вижу ваши черты! О, простите, простите меня!

Графиня подняла склоненную перед нею в мольбе родственницу своего мужа с изяществом знатной дамы, привыкшей с ранних лет принимать почести и оказывать покровительство. Она поцеловала леди Певерил в лоб, ласково потрепала ее по щеке и сказала:

– Вы тоже изменились, моя прекрасная кузина, но это вам к лицу, ибо из прелестной и робкой девушки вы превратились в мудрую и благообразную мать семейства. Однако если этот джентльмен – сэр Джеффри Певерил, то память, на которую я никогда не жаловалась, теперь, как ни странно, мне изменяет.

– Это всего лишь наш добрый сосед, сударыня, – отвечала леди Певерил. – Сэр Джеффри находится при дворе.

– Я слышала об этом вчера вечером, когда приехала сюда, – заметила графиня Дерби.

– Как, сударыня! – вскричала леди Певерил. – Вы приехали в замок Мартиндейл, в дом Маргарет Стэнли, где вы вправе повелевать, и не известили меня о своем прибытии?

– Мне известна ваша преданность, Маргарет, – отвечала графиня, – хоть нынче это свойство встречается редко. Но нам угодно было путешествовать инкогнито, – добавила она с улыб-

кой, – и, узнав, что вы заняты приемом гостей, мы не пожелали беспокоить вас нашим августейшим присутствием.

– Но где же вас поместили, сударыня? – спросила леди Певерил. – И почему вы хранили в тайне свой визит, который мог бы во сто крат увеличить восторг всех верных кавалеров, которые пировали здесь вчера?

– Обо мне позаботилась ваша Элзмир, которая раньше служила у меня; как вам известно, ей и прежде приходилось исполнять обязанности квартирмейстера, и притом в более важных случаях; вы должны простить ее – я велела поместить меня в самой потаенной части вашего замка (при этих словах графиня указала на скользящую панель). Она выполнила мои распоряжения и, как я полагаю, пригласила вас сюда.

– По правде говоря, я ее еще не видела, – заметила леди Певерил, – и потому была весьма удивлена, узнав о столь неожиданном и приятном визите.

– Я тоже чрезвычайно удивилась, когда, думая, что слышу ваши шаги, вместо вас нашла в комнате этих прелестных деток, – сказала графиня. – Наша Элзмир, как видно, поглупела – вы ее избаловали – и забыла мои наставления.

– Я видела, как она бежала по парку; наверно, она хотела сказать женщине, приставленной к детям, чтобы та увела их отсюда, – после минутного размышления проговорила леди Певерил.

– Без сомнения, это ваши малютки, – сказала графиня, глядя на детей. – Провидение благословило вас, Маргарет.

– Вот мой сын, – сказала леди Певерил, указывая на Джулиана, который с жадным любопытством прислушивался к разговору, – а эту маленькую девочку я тоже могу назвать своею.

Майор Бриджнорт, который между тем опять взял на руки свою дочь и принялся ее ласкать, услышав слова графини Дерби, опустил девочку на пол и с тяжелым вздохом отошел к окну. Майор отлично понимал, что обыкновенные правила вежливости требуют, чтобы он удалился или, по крайней мере, сделал вид, что готов удалиться, но он не отличался церемонной учтивостью, а кроме того, разговор начал переходить на предмет, далеко для него не безразличный, и потому он отбросил всякие церемонии. Дамы как будто совершенно забыли о его присутствии. Графиня опустилась в кресло и знаком указала леди Певерил на скамеечку возле себя.

– Совсем как бывало в прежние времена; только теперь ружья мятежников не заставят вас искать убежища в моем доме.

– У меня есть ружье, сударыня, и в будущем году лесничий научит меня стрелять, – объявил юный Джулиан.

– Тогда я возьму тебя к себе в солдаты, – пошутила графиня.

– У дам не бывает солдат, – возразил мальчик, серьезно глядя на нее.

– Я вижу, что он, как настоящий мужчина, презирает наш слабый пол, – сказала графиня. – Это презрение рождается вместе с дерзкими сынами рода человеческого и обнаруживается, как только они вырастают из пеленок. Разве Элзмир не рассказывала тебе о Лейтем-хаусе и о Шарлотте Дерби?

– Сто тысяч раз, – краснея, отвечал мальчик. – И еще она рассказывала, как королева острова Мэн целых шесть недель защищала его от трех тысяч круглоголовых, которыми командовал мясник Гаррисон^[65].

– Лейтем-хаус защищала не я, а твоя мама, мой маленький воин, – возразила графиня. – Жаль, что там не было тебя, дружок, ты бы оказался самым доблестным военачальником из нас троих.

– Что вы, сударыня! Ведь мама ни за что на свете не возьмет в руки ружье, – сказал мальчик.

– Разумеется, нет, Джулиан, – подтвердила леди Певерил. – Я и в самом деле была там, но представляла собою совершенно бесполезную часть гарнизона.

– Вы забыли, что ухаживали за ранеными в нашем лазарете и щипали для них корпию, – сказала графиня.

– Но ведь к вам на помощь приехал папа, – заметил Джулиан.

– Папа наконец приехал, и принц Руперт тоже, однако они заставили себя ждать довольно долго. Помните ли вы то утро, Маргарет, когда круглоголовые мошенники, которые столько времени держали нас в осаде, едва завидев на холме знамена принца, тотчас же бросили все и обратились в бегство? Каждого военачальника с высоким плюмажем вы принимали за Певерила Пика, который за три месяца до того танцевал с вами на маскараде у королевы. Нет, не краснее при этом воспоминании, это было благородное чувство, и хотя только звуки боевых; груб провожали вас в старую часовню, почти до основания разрушенную вражескими ядрами, и хотя принц Руперт, который вел вас к алтарю, был одет в походную форму, а за поясом у него торчали пистолеты, я все же надеюсь, что эти символы войны не предвещали будущих разногласий.

– Провидение было ко мне милостиво, – отвечала леди Певерил, – оно даровало мне любящего мужа.

– И сохранило его для вас, – с глубоким вздохом произнесла графиня, – тогда как мой супруг – увы! – заплатил кровью за преданность своему королю. О, если бы он дожил до нынешнего дня!

– Увы! Это не было ему суждено! – горестно отозвалась леди Певерил. – Как радовался бы доблестный и благородный граф нашему освобождению, на которое мы уже совсем перестали надеяться!

Графиня с удивлением посмотрела на леди Певерил.

– Значит, вы ничего не слышали о нашем теперешнем положении, кузина? Поистине, как удивился бы мой доблестный супруг, если б ему сказали, что тот самый монарх, за которого он отдал свою благородную жизнь на эшафоте в Боултон-ле-Муре⁶, не успев занять трон, первым делом довершит разорение нашего имущества, уже и без того почти утраченного на королевской службе, и подвергнет гонению меня, его вдову!

– Вы изумляете меня, ваша светлость! – воскликнула леди Певерил. – Возможно ли, чтобы вы... чтобы вы, графиня Дерби и королева острова Мэн, мужественно исполнявшая долг воина в ту пору, когда слишком многие мужчины вели себя подобно слабым женщинам, возможно ли, чтобы вы пострадали от события, которое исполнило и даже превзошло надежды всех верных подданных короля... возможно ли это?

– Я вижу, что вы так же мало знаете свет, как и прежде, моя прекрасная кузина, – отвечала графиня Дерби. – Эта реставрация, обеспечившая безопасность другим, подвергла опасности меня; эта перемена, которая принесла избавление другим приверженцам королевской фамилии, смею полагать, едва ли более ревностным, чем я, вынудила меня бежать, скрываться и искать убежища и защиты у вас.

– От женщины, которая провела свои юные годы под вашим великодушным покровительством, от жены Певерила, соратника вашего доблестного супруга, вы вправе требовать всего, что вам будет угодно, – отвечала леди Певерил. – Увы! Возможно ли? Вам, вам приходится прибегать к моей помощи! Простите, по это кажется мне каким-то дурным сном, и я слушаю вас с надеждой, что пробуждение избавит меня от его тягостного гнета.

– Да, это и в самом деле какой-то сон, видение, – сказала графиня, – однако, чтобы его истолковать, не надо быть ясновидящим, ибо смысл его известен с давних пор: не возлагайте

---

⁶ Граф Дерби, король острова Мэн, взятый в плен во время стычки при Уигтанлейне, впоследствии был обезглавлен в Боултон-ле-Муре. (Примеч. авт.)

надежд своих на властителей^[66]. Я могу быстро рассеять ваше удивление. Этот джентльмен, ваш друг, без сомнения – честный слуга отечества?

Леди Певерил хорошо знала, что кавалеры, подобно другим партиям, присвоили себе исключительное право называться честными слугами отечества, и затруднялась объяснить, что в этом смысле слова гость ее не был честным.

– Быть может, нам лучше уйти отсюда, сударыня, – обратилась она к графине и встала, как бы намереваясь ее сопровождать. Но графиня осталась сидеть в своем кресле.

– Я спросила об этом, скорее, по привычке, – возразила она. – Мне нет никакого дела до образа мыслей этого джентльмена, ибо то, что я должна вам сказать, известно везде и всюду, и мне безразлично, кто услышит мои слова. Вы помните, вы, наверное, слышали, – ибо я полагаю, что Маргарет Стэнли не могла оставаться равнодушной к моей судьбе, – что после злодейского убийства моего супруга в Боултоне я приняла знамя, которое только смерть заставила его выпустить из рук, и собственноручно водрузила его в наших владениях на острове Мэн.

– Разумеется, я слышала об этом, сударыня, – отвечала леди Певерил, – равно как и о доблести, с какой вы сопротивлялись мятежному правительству, даже когда вся Англия ему покорилась. Мой супруг, сэр Джеффри, одно время намеревался отправиться к вам на помощь с несколькими друзьями, но мы узнали, что остров сдался партии парламента и что вы, моя возлюбленная повелительница, брошены в тюрьму.

– Но вы не знаете, почему произошло со мною это несчастье, Маргарет, – сказала графиня. – Я защищала бы свой остров от этих негодяев до тех пор, пока волны моря не перестали бы его омыwać; пока отмели, которые его окружают, не превратились бы в надежную гавань; пока солнце не растопило бы его крутые утесы, а от его неприступных крепостей и замков не осталось бы камня на камне, – до этих пор обороняла бы я от лицемерных злодеев мятежников родовые владения моего возлюбленного супруга. Маленькое королевство Мэн досталось бы им лишь тогда, когда в нем не нашлось бы ни одной руки, способной поднять в его защиту меч, ни одного пальца, способного нажать курок. Но измена сделала то, чего никогда не смогла бы добиться сила. Когда мы отразили всевозможные попытки захватить остров силой оружия, измена совершила то, что Блейк и Лоусон со своими плавучими крепостями^[67] сочли чересчур рискованным предприятием, – подлый изменник, взлелеянный на нашей груди, предал нас врагу. Имя этого изверга – Кристиан...

Майор Бриджнорт вздрогнул, бросил взгляд на графиню, но тотчас же опомнился и снова отворотил от нее лицо. Графиня продолжала свою речь, не обратив внимания на это обстоятельство, которое, однако, чрезвычайно удивило леди Певерил, – последняя слишком хорошо знала всегдашнее равнодушие и безучастность своего соседа и потому тем более изумилась неожиданным признакам столь жадного любопытства. Она охотно еще раз повторила бы свое приглашение перейти в другую комнату, но графиня Дерби продолжала говорить с такой горячностью, что остановить ее было невозможно.

– Этот Кристиан, – сказала она, – с юных лет ел хлеб моего супруга, а своего сюзерена, ибо предки его верно служили дому Мэн и Дерби. Сам он храбро сражался вместе с графом и пользовался полным его доверием, а когда мой августейший повелитель оказался в руках мятежников и принял свой мученический венец, то в своем последнем письме, между прочим, советовал мне по-прежнему полагаться на верность Кристиана. Я повиновалась, хотя и не любила этого человека. Холодный и бесстрастный, он был совершенно лишен того священного огня, который побуждает к благородным деяниям; к тому же его подозревали в склонности к холодной метафизике кальвинистских мудрствований. Но он был смел, умен, опытен и, как доказали дальнейшие события, пользовался слишком сильным влиянием среди жителей острова. Когда эти грубые люди убедились, что у них нет никакой надежды на помощь и что блокада острова повлекла за собой голод и болезни, их прежняя верность поколебалась.

– Как! – вскричала леди Певерил. – Неужели они могли забыть свой долг перед супругой своего благодетеля, перед той, которая вместе с самым великодушным Дерби неустанно пеклась об их благополучии?

– Не осуждайте их, – промолвила графиня, – это грубое стадо поступало всего лишь согласно побуждениям своей природы; бедствия настоящего заставили их забыть прежние благодеяния, и, возвращенные в глинобитных нищих лачугах, эти жалкие, слабые духом люди не могли приобщиться благодати, которая сопутствует постоянству в страданиях. Но что мятеж их возглавлял Кристиан, потомок знатного рода, воспитанный злодейски убиенным Дерби в благородных рыцарских правилах, что человек этот мог забыть тысячи благодеяний – да стоит ли уж говорить о благодеяниях! – что он мог забыть дружеское расположение, которое связывает людей гораздо теснее взаимных обязательств, мог принять начальство над разбойниками, которые неожиданно вломились в мои покои, мог заточить меня вместе с моими детьми в одном из моих замков и незаконно захватить власть над островом, – что все это мог совершить Уильям Кристиан, мой вассал, мой слуга, мой друг, – это такая черная неблагодарность и измена, равной которой не знает даже наш коварный век!

– И вас заключили в тюрьму в ваших же собственных суверенных владениях? – спросила леди Певерил.

– Более семи лет томилась я в строгом заключении, – отвечала графиня. – Правда, мне предлагали свободу и даже кое-какие средства к пропитанию, если я соглашусь покинуть остров и дам слово, что не буду стараться восстановить моего сына в его наследственных правах. Но те, кто надеялся заставить Шарлотту де ла Тремуиль принять столь постыдные условия, плохо знали благородный род, кровь которого течет в моих жилах, а также королевский род Стэнли, с которым я породнилась. Я скорее умерла бы голодной смертью в самой мрачной и сырой темнице замка Рашин, чем позволила хотя бы на волосок умалить права моего сына на владения его отца.

– Но неужто ваша твердость в этом безнадежном положении не могла заставить их выказать великодушие и отпустить вас без всяких условий?

– Они знали меня лучше, чем вы, дитя мое, – отвечала графиня. – Получив свободу, я бы тотчас нашла способ сокрушить их владычество, и потому Кристиан, скорее, решился бы выпустить из клетки львицу, чтобы вступить с нею в единоборство, нежели дать мне хоть малейшую возможность вооружиться для схватки с ним. Но время готовило мне свободу и отмщение – у меня все еще оставались на острове друзья и сторонники, хотя и вынужденные смириться перед бурей. Перемена власти обманула ожидания большей части жителей острова. Под предлогом уравнивания в правах со всеми остальными подданными мнимой республики новые властители обложили их тяжелыми поборами, урезали их привилегии, отменили свободы. Когда появились вести о переменах, происходящих в Британии, я узнала о чувствах островитян. Кэлкот и другие действовали с большим рвением и преданностью, и восстание, своею неожиданностью и успехом подобное тому, которое превратило меня в пленницу, вернуло мне свободу и власть над островом Мэн в качестве регентши при моем сыне, малолетнем графе Дерби. Разумеется, я тотчас же воспользовалась этой властью, дабы воздать по справедливости изменнику Кристиану.

– Значит ли это, сударыня, – сказала леди Певерил, которая, зная о гордом нраве и честолюбии графини, едва ли подозревала, однако, до каких крайностей они могли ее довести, – значит ли это, что вы заключили Кристиана в темницу?

– Да, дитя мое, в надежную темницу, из которой разбойник никогда не вырвется.

Бриджнорт, который незаметно для себя подошел к ним и с жадным любопытством, коего уже не мог более скрыть, прислушивался к разговору, внезапно воскликнул:

– Надеюсь, сударыня, вы не осмелились...

Графиня, в свою очередь, прервала его словами:

– Не знаю, кто вы такой, что беретесь задавать мне вопросы, но вы, наверное, не знаете меня, если указываете, что я смею и чего не смею делать. Но вас, как видно, интересует судьба этого Кристиана. Сейчас вы о ней услышите. Как только я вступила в свои законные права, я приказала демпстеру предать изменника верховному суду согласно законам, предписанным древнейшими уложениями острова. Заседание суда состоялось в присутствии демпстера и всех двадцати четырех членов законодательного собрания, под сводом небес на склонах холма Зонвальд, где в древние времена вершили свой справедливый суд друиды^[68] и скальды^[69]. Преступнику дозволено было выступить в свою защиту с пространною речью, которая свелась к пустым ссылкам на заботу об общественном благе, – они извечно украшают уродливый фасад измены. Преступление Кристиана было доказано, и его постигла участь изменника.

– Надеюсь, этот приговор еще не исполнен? – невольно содрогнувшись, произнесла леди Певерил.

– Какая глупость, Маргарет, – резко возразила ей графиня, – неужели вы думаете, что я стала бы ждать, покуда какие-нибудь жалкие интриги нового английского двора могли бы помешать осуществлению этого акта справедливости? Нет, дитя мое, с суда он отправился прямо к месту казни, задержавшись лишь на столько времени, сколько было необходимо для спасения его души. Он был расстрелян шеренгой мушкетеров на обычном месте казни, называемом Хэнго-хилл.

Бриджнорт испустил тяжкий стон и принялся ломать руки.

– Коль скоро вы принимаете такое участие в этом преступнике, – продолжала графиня, обращаясь к Бриджнорту, – то я могу воздать ему должное, сказав вам, что он принял смерть с твердостью и мужеством, достойными его прежней жизни, которая, не считая этого чудовищного акта неблагодарности и измены, была честной и благородной. Но что из того? Лицемер будет слыть святым, а подлый изменник – человеком чести до тех пор, пока благоприятный случай, этот вернейший пробный камень, не отличит обманчивую позолоту от золота.

– Это ложь, женщина, это ложь! – воскликнул Бриджнорт, не в силах более скрыть свое негодование.

– Что это значит, мистер Бриджнорт? – изумленно спросила леди Певерил. – Неужели этот Кристиан так вам дорог, что ради него вы готовы оскорбить графиню Дерби в моем доме?

– Не говорите мне о графских титулах и светских приличиях, – отвечал Бриджнорт, – горе и гнев не оставляют мне времени для пустых церемоний, питающих тщеславие взрослых детей. О Кристиан, ты был достоин, вполне достоин своего имени! Друг мой, брат мой, брат моей незабвенной Алисы, единственный спутник моего горестного одиночества! Неужели тебя безжалостно лишила жизни фурия, которая, если бы не ты, заслуженно заплатила бы свою кровью за потоки крови святых праведников, пролитые ею вместе с ее тираном мужем! Да, жестокая убийца, – продолжал он, обращаясь к графине, – человек, которого ты умертвила, одержимая слепой местью, в течение многих лет приносил веления своей совести в жертву интересам твоего дома и не оставлял его до тех пор, пока твоя безумная жажда власти не привела на край гибели маленькую общину, в которой он родился. Даже заточив тебя в тюрьму, он действовал подобно друзьям безумца, которые заковывают его в цепи ради его же собственного спасения; я могу засвидетельствовать, что только он один ограждал тебя от гнева английской палаты общин, и, если бы не его старания, ты, подобно грешной жене Ахава^[70], понесла бы кару за свои злодеяния.

– Мистер Бриджнорт, – промолвила леди Певерил, – я могу извинить волнение, которое возбудили в вас эти печальные вести, но говорить об этом предмете дольше столь же бесполезно, сколь и неприлично. Если вы в своем горе позабыли о всякой сдержанности, я прошу вас вспомнить, что графиня – моя гостя и родственница и может рассчитывать на мое заступничество. Я умоляю вас хотя бы из простой учтивости удалиться, что при этих горестных обстоятельствах было бы, мне кажется, наиболее благоразумно.

– Нет, пусть он остается, – спокойно возразила графиня, не без некоторого торжества глядя на Бриджнорта, – я не желаю, чтобы он уходил, я не желаю ограничить свою месть ничтожным удовлетворением, которое доставила мне гибель Кристиана. Грубые и шумные восклицания этого человека лишней раз доказывают, что казнь, которой я предала подлого злодея, поразила не только его одного. Я желала бы, чтобы она отозвалась жгучей болью в сердцах стольких же мятежников, сколько верных друзей были потрясены смертью моего благородного Дерби!

– В таком случае, ваша светлость, – сказала леди Певерил, – если мистер Бриджнорт настолько неучтив, что не желает удалиться, когда я его об этом прошу, мы, с вашего позволения, оставим его здесь и перейдем в мои комнаты. Прощайте, мистер Бриджнорт, надеюсь, мы встретимся при более благоприятных обстоятельствах.

– Простите, сударыня, – возразил майор, который в волнении шагал по комнате, но теперь остановился с твердостью человека, решившегося не отступать, – вам я могу лишь засвидетельствовать свое почтение, но с этой женщиной я должен говорить как мировой судья. Она в моем присутствии призналась в убийстве, и к тому же в убийстве моего шурина. Мой долг человека и судьи не позволяет мне выпустить ее отсюда иначе, как в сопровождении надежной стражи, которая воспрепятствует ее побегу. Она уже призналась, что ускользнула из-под ареста и ищет укрытия перед тем, как бежать за границу. Шарлотта, графиня Дерби, я беру тебя под арест за преступление, которым ты сейчас похвалялась.

– Я не позволю вам арестовать меня, – хладнокровно проговорила графиня. – Я рождена отдавать подобные приказы, а не повиноваться им. Что общего имеют ваши английские законы с властью и правосудием, которые я вершу в наследственном королевстве моего сына? Разве я не королева острова Мэн, равно как и графиня Дерби? Без сомнения, я властительница вассальная; однако же я пользуюсь независимостью до тех пор, куда храню верность своей феодальной присяге. По какому праву вы отдаете мне приказания?

– По праву, основанному на заповедях Священного Писания, – отвечал Бриджнорт. – «Да прольется кровь того, кто пролил кровь ближнего»^[71]. Не думай, что варварские привилегии древних феодальных обычаев могут избавить тебя от казни, которой ты подлежишь за убийство англичанина, совершенное из побуждений, несовместимых с актом об амнистии^[72].

– Мистер Бриджнорт, – вмешалась леди Певерил, – лучше добровольно откажитесь от своего намерения, ибо – объявляю это вам – я не позволю причинить никакого насилия этой почтенной даме в замке моего супруга.

– Вы не сможете помешать мне исполнить мой долг, сударыня, – сказал майор Бриджнорт, чье врожденное упрямство теперь усиливало его гнев и жажду мести, – я мировой судья и действую по праву своей должности.

– Я этого не знаю, – возразила леди Певерил. – Что вы были мировым судьей при прежней, незаконной власти, мне слишком хорошо известно, но до тех пор, пока мне не объявят, что вы отправляете эту должность именем короля, я не обязана признавать вас судьей.

– Мне не до пустых церемоний, – отвечал Бриджнорт. – Если б я даже не был судьей, все равно каждый человек имеет право арестовать виновника убийства, совершенного в нарушение условий амнистии, объявленной в воззваниях короля, и ничто не мешает мне это сделать.

– Какая амнистия? Какие воззвания? – возмущенно воскликнула графиня Дерби. – Карл Стюарт волен, если ему угодно (а ему это, по-видимому, угодно), приблизить к себе убийц и грабителей, чьи руки обагрены кровью его отца и его вернейших подданных. Он может, если пожелает, даровать им прощение и счесть их злодеяния заслугой. Но что общего между его делами и преступлением Кристиана против меня и моих близких? Рожденный, вскормленный и воспитанный на острове Мэн, Кристиан нарушил законы своей страны и за это был казнен по приговору справедливого суда, установленного согласно тем же самым законам. Мне кажется,

Маргарет, что с нас уже довольно общества этого дерзкого и безумного судьи. Я готова следовать за вами в ваши покои.

Майор Бриджнорт с весьма решительным видом загородил им дорогу к дверям, и тогда леди Певерил, сочтя, что она оказала ему гораздо более снисхождения, чем мог бы одобрить ее супруг, громко кликнула своего управляющего Уитекера. Сей бдительный слуга, услышав ожесточенный спор и незнакомый женский голос, уже несколько минут стоял в прихожей, сгорая от любопытства, и, разумеется, тотчас же вошел в комнату.

– Сию минуту вооружите троих людей, – сказала леди Певерил, – пришлите их в прихожую и ожидайте моих распоряжений.

Глава VI

*Тебе тюрьму моя заменит спальня,
Тюремщиком твоим я буду сам.*

«Капитан»^[73]

Приказание леди Певерил вооружить слуг было так несообразно с ее обыкновенной кротостью, что Бриджнорт изумился.

– Что это значит, сударыня? – спросил он. – Я полагал, что нахожусь под дружеским кровом.

– Да, это так, мистер Бриджнорт, – отвечала леди Певерил, не теряя спокойствия и сдержанности, – но под этим кровом один из друзей не должен чинить насилия над другим.

– Отлично, сударыня, – сказал майор Бриджнорт, поворачиваясь к дверям. – Его преподобие Солсгрейс уже предсказывал, что возвращаются времена, когда жилища знатных и их гордое имя вновь станут оправданием их преступлений. Я ему не поверил, но теперь вижу, что он прозорливее меня. Однако не думайте, что я намерен терпеливо все сносить. Кровь моего брата, моего сердечного друга, обagrившая священный жертвенник, недолго будет вызывать: «Доколе, о Господи, доколе!» Если в нашей несчастной Англии осталась хоть искра справедливости, мы встретимся с этой надменной женщиной там, где пристрастные друзья не смогут ее защитить!

С этими словами он хотел было выйти из комнаты, но леди Певерил сказала:

– Мистер Бриджнорт, вы уйдете отсюда лишь в том случае, если обещаете мне на некоторое время отказаться от всяких покушений на свободу благородной графини.

– Я скорее распишусь в собственном бесчестье, нежели дам согласие на подобное условие, – отвечал он. – Если кто-нибудь осмелится мне помешать, пусть кровь его падет на его же голову!

В эту минуту в дверях показался Уитекер. С проворством старого солдата, который не без радости убедился, что дело снова идет к стычкам и раздорам, он привел с собою четверых молодцов, одетых в ливреи Певерила Пика и куртки из буйволового кожи, вооруженных саблями и карабинами, с пистолетами за поясом.

– Посмотрим, отважится ли кто-либо из этих людей остановить меня, свободнорожденного англичанина, мирового судью, исполняющего свой служебный долг, – заявил Бриджнорт. С этими словами он, держась за рукоять своей шпаги, двинулся прямо на Уитекера и его вооруженных спутников.

– Не поступайте столь безрассудно, мистер Бриджнорт! – воскликнула леди Певерил и тотчас же добавила: – Остановите его, Уитекерт, и отберите у него оружие, но не причиняйте ему вреда.

Приказ ее тут же исполнили. Бриджнорт, человек суровый и решительный, был, однако ж, не из тех, кто способен один на один принять столь неравный бой. Он обнажил шпагу и сопротивлялся лишь до тех пор, пока не вынудил неприятелей задержать его, а затем отдал свое оружие, объявив, что подчиняется превосходящей силе и возлагает ответственность за покушение на его свободу без законного предписания на тех, по чьему приказу его задержали, равно как и на тех, кто этот приказ выполнил.

– Какое может быть предписание в случае такой нужды, мистер Бриджнорт? – сказал Уитекер. – Уж кто – кто, а вы-то наверняка не раз поступали еще и похуже. Слово миледи – такое же законное предписание, как патент старого Нола^[74], а ведь вы, мистер Бриджнорт, им

не один день пользовались, да еще посадили меня в колодки, потому что я пил за здоровье короля, и вообще плевали на все английские законы.

– Придержите свой дерзкий язык, Уитекер, – вмешалась леди Певерил, – а вы, мистер Бриджнорт, не прогневайтесь, если вам придется пробить в плену несколько часов, пока графиня Дерби не будет в безопасности. Я могла бы дать ей такую охрану, которая не побоится любого отряда, который вам удастся собрать, но, видит бог, я хочу истребить память о былых расправах, а не возбуждать новые. Еще раз повторяю – откажитесь по доброй воле от своего намерения, возьмите назад свою шпагу и забудьте, кого вы сегодня встретили в замке Мартиндейл.

– Ни за что! – отвечал Бриджнорт. – Преступление этой жестокосердой женщины – последнее из всех человеческих злодеяний, какое я могу забыть. Последней мыслью, с которой прекратится мое земное бытие, будет надежда, что над нею свершится правосудие.

– Если вы питаете чувства, которые ближе к мести, чем к справедливости, я должна ради безопасности моей покровительницы взять вас под арест. В эту комнату вам доставят все необходимое, а вашим домашним я пошлю сказать, чтобы они не беспокоились. Через два дня – самое большее, а быть может, даже через несколько часов я сама освобожу вас и буду просить у вас извинения за те крайности, к которым вынуждает меня ваше упрямство.

Майор отвечал только, что он в ее власти и должен покориться ее воле, после чего с угрюмым видом отвернулся к окну, как бы желая избавиться от присутствия обеих дам.

Графиня и леди Певерил рука об руку вышли из комнаты, и хозяйка дома объявила Уитекеру свои распоряжения касательно того, как охранять Бриджнорта и как с ним обращаться, добавив, что для безопасности графини Дерби майор должен находиться под неусыпным наблюдением.

Со всеми мерами, необходимыми для охраны пленника, как, например, регулярная смена караула и тому подобное, Уитекер охотно согласился и обещал ни за что не выпускать его из-под ареста, пока не истечет срок. Но когда дело дошло до стола и постели для майора, старый дворецкий отнюдь не выказал такого же послушания своей госпоже, сочтя, что леди Певерил слишком беспокоится об удобствах пленника.

– Ручаюсь, что круглоголовый мошенник вчера сожрал у нас столько жирной говядины, что ему хватит на целый месяц, и небольшой пост будет только полезен для его здоровья. А для утоления жажды он получит достаточно чистой воды, чтобы охладить свою разгоряченную печень, которая наверняка еще шипит от вчерашних крепких напитков. Ну а вместо постели у нас тут имеются славные сухие доски – они, осмелюсь доложить, намного удобнее, чем сырая солома, на которой я спал, когда он посадил меня в колодки.

– Уитекер, – произнесла леди Певерил повелительным тоном, – прошу вас снабдить мистера Бриджнорта постелью и пищей, как я вам приказала, и обращаться с ним поучтивее.

– Слушаюсь, миледи, – со вздохом отвечал Уитекер, – я в точности выполняю все ваши приказания, но я старый слуга и не могу утаить от вас того, что думаю.

После совещания с дворецким дамы вышли в прихожую и вскоре уже сидели в комнате хозяйки, из которой одна дверь вела в спальню, а другая – в кладовую, откуда виднелся выход в сад. Кроме того, здесь была небольшая дверь, за которой находился коридор и несколько ступенек, ведущих на уже упомянутую нами галерею над кухней, а через другую дверь в этом же коридоре можно было пройти на хоры часовни, и, таким образом, глаз хозяйки мог в одно и то же время следить за всеми духовными и светскими делами в замке⁷.

---

⁷ Такое своеобразное расположение комнат можно увидеть в Хэддон-Холле (графство Дерби), бывшем имении Вернонов. Здесь в часовне возле скамьи хозяйки имелось нечто вроде люка, ведущего на кухню, так что почтенная матрона, не отрываясь от молитвы, могла присматривать за тем, чтобы не пригорало жаркое и чтобы повар не забывал поворачивать вертел. (Это старинное баронское поместье, ныне принадлежащее семейству Рэтленд, расположено на живописном берегу реки Уай и неизменно вызывает восторг художников.) (Примеч. авт.)

Графиня и леди Певерил тотчас же уселись в этой украшенной гобеленами комнате, которая имела столько различных ворот для военных вылазок, и гостя, взяв хозяйку за руку, с улыбкою проговорила:

– Сегодня я была свидетельницей двух явлений, которым удивилась бы, если бы в нынешние времена могла еще чему-либо удивляться. Прежде всего, дерзость, которую этот круглоголовый осмелился выказать в доме Певерила Пика. Если ваш муж все тот же благородный и прямодушный кавалер, каким я знала его прежде, то, будь он дома, он, разумеется, выбросил бы негодя в окно. Но ваше военное искусство, Маргарет, изумило меня еще более. Я не ожидала, что у вас хватит смелости принять такие решительные меры после столь длительных переговоров с этим человеком. Его рассуждения о судьях и предписаниях на арест повергли вас в такой трепет, что мне уже стало казаться, будто судебные приставы вцепились в меня и тащат в тюрьму, словно бродягу.

– Мистер Бриджнорт пользуется у нас некоторым уважением, ваша светлость, – отвечала леди Певерил, – в последнее время он оказал нам немало добрых услуг; но ни он, ни кто другой не посмеет оскорбить графиню Дерби в доме Маргарет Стэнли.

– Вы сделали настоящей героиней, Маргарет, – сказала гостя.

– Две осады и бесчисленные тревоги закалили мой дух. Но храбрости во мне не более прежнего, – отвечала леди Певерил.

– Присутствие духа и есть не что иное, как храбрость, – возразила графиня. – Истинная доблесть заключается не в равнодушии к опасности, а в умении смело ее встретить и быстро отразить; однако сдаюсь мне, что наше мужество скоро подвергнется испытанию, ибо я слышу во дворе топот копыт, – добавила она не без некоторого волнения.

В ту же минуту маленький Джулиан, задыхаясь от радости, вбежал в комнату и объявил, что приехал папа с Лэмингтоном и Сэмом Брюэром и позволил ему самому отвести Черного Гастингса на конюшню. Вслед за тем послышался стук тяжелых ботфортгов и благородного рыцаря: спеша увидеться с женою, он, позабыв об усталости и о беспорядке в своей одежде, шагнул через две ступеньки и вихрем ворвался в комнату. Не обращая ни на кого внимания, сэр Джеффри схватил в объятия жену и запечатлел на ее лице добрый десяток поцелуев. Леди Певерил покраснела и, с трудом вырвавшись из объятий супруга, со смущением и упреком в голосе обратила его внимание на присутствие гостей.

– Я очень рада видеть, что сэр Джеффри Певерил, сделавшись придворным фаворитом, все еще ценит сокровище, которое было даровано ему отчасти при моем содействии, – проговорила графиня, направляясь к сэру Джеффри. – Надеюсь, вы не забыли снятие осады с Лейтем-хауса?

– Благородная графиня Дерби! – вскричал сэр Джеффри, почтительно снимая украшенную пером шляпу и с благоговением целуя протянутую ему руку. – Я столь же счастлив видеть вашу светлость в своем бедном доме, сколь радовался бы вести об открытии новой свинцовой жилы в Браун-Торе. Я скакал во весь опор, желая быть вашим провожатым, ибо, узнав, что какой-то негодяй гонится за вами с предписанием Тайного совета^[75] вас задержать, опасался, как бы вы не попали в руки злодеев.

– Когда вы это слышали? И от кого?

– Я слышал это от Чамли из Вейл-Ройяла, – отвечал сэр Джеффри, – он приехал, чтобы проводить вас через Чешир, а я взялся благополучно доставить вас туда. Принц Руперт, Ормонд^[76] и прочие наши друзья уверены, что дело ограничится штрафом, но говорят, будто канцлер^[77], Гарри Беннет^[78] и другие заморские советники пришли в ярость от ваших действий и считают их нарушением королевской амнистии. А по мне, так черт их всех побери! Они предоставили нам получать все колотушки, а теперь еще злятся, что мы хотим свести счеты с людьми, которые ездили на нас верхом, словно ведьмы на помеле!

– Какое же наказание мне грозит? – спросила графиня.

– Этого я не знаю, – отвечал сэр Джеффри. – Как я уже докладывал, некоторые друзья из нашего славного Чешира и еще кое-кто стараются свести все дело к штрафу, но другие в один голос говорят, что вам грозит продолжительное заключение в Тауэре.

– Я достаточно долго сидела в тюрьме за короля Карла и вовсе не намерена возвращаться туда по его повелению, – сказала графиня. – Кроме того, если меня отстранят от управления владениями моего сына на острове, еще кто-нибудь может сделать попытку захватить там власть. Я буду очень благодарна вам, кузен, если вы найдете средство благополучно доставить меня в Вейл-Ройял, а оттуда, надеюсь, меня проводят до Ливерпуля.

– Вы можете рассчитывать на мое покровительство и защиту, миледи, – отвечал хозяин, – хотя вы явились сюда ночью и принесли в переднике голову злодея, подобно Юдифи из святых апокрифов^[79], которые, как я с радостью узнал, ныне опять читают в церквях.

– Много ли дворян прибывает ко двору? – спросила графиня.

– Да, сударыня, – отвечал сэр Джеффри, – и, как говорит пословица, когда рудокопы начинают разрабатывать новую жилу, они трудятся в надежде на милость Божию и на то, что могут там найти.

– Хорошо ли принимают там старых кавалеров? – продолжала расспрашивать графиня.

– По правде говоря, сударыня, в лучах королевской милости расцветают все надежды, но до сих пор лишь немногие цветы принесли плоды.

– Надеюсь, кузен, у вас не было причин сетовать на неблагодарность? Немногие достойны благосклонности короля более, чем вы, – заметила графиня.

Сэру Джеффри, как человеку благоразумному, не очень хотелось признаваться в том, что он обманулся в своих надеждах, но врожденное простодушие не позволило ему совершенно скрыть свое разочарование.

– Кто? Я, ваша светлость? – воскликнул он. – Увы! Чего может ожидать от короля бедный деревенский рыцарь, кроме удовольствия снова видеть его на троне в Уайтхолле^[80]. Когда я представлялся его величеству, он принял меня очень милостиво, упомянул о сражении при Вустере и о моем коне Черном Гастингсе; правда, он забыл его имя, да, кажется, и мое также, но принц Руперт шепнул ему на ухо. Кроме того, я встретил там старых друзей – его светлость герцога Ормонда, сэра Мармадюка Лэнгдейла^[81], сэра Филиппа Масгрейва^[82] и других, и мы по старинному обычаю раза два вместе пировали.

– Я полагала, что столько ран, столько подвигов, столько убытков заслуживают большей награды, чем несколько любезных слов, – сказала графиня.

– Да, сударыня, кое-кто из моих друзей тоже так считал, – отвечал Певерил. – Одним казалось, что потеря нескольких сотен акров плодородной земли стоит, по крайней мере, какого-нибудь почетного звания; другие полагали, что происхождение от Вильгельма Завоевателя (прошу прощения, что так хвалюсь перед вами) дает право на более высокое звание или титул, нежели те, какие были пожалованы лицам с менее блестящей родословной. Знаете, что сказал по этому поводу остряк герцог Бекингем (кстати, дед его был рыцарь из Лестера – намного беднее меня и едва ли такого же знатного рода)? Он сказал: «Если всех особ моего звания, заслуживших в последнее время милость короля, возвести в достоинство пэров, то палате лордов придется заседать на равнине Солсбери!»

– И эту плоскую шутку сочли за разумный довод? Впрочем, это вполне естественно там, где разумные доводы почитаются плоскими шутками, – промолвила графиня. – Но вот идет некто, с кем я желаю познакомиться.

Это был юный Джулиан; он вошел в залу, держа за руку свою сестренку, словно свидетельницу, которой надлежало подтвердить его хвастливый рассказ о том, как он, усевшись верхом на Черного Гастингса, сам доехал до конюшни, причем Сондерс, хоть и шел впереди, ни разу не взялся за поводья, а Брюэр, шагавший рядом, только слегка его придерживал. Сэр

Джеффри взял сына на руки и горячо его расцеловал, а когда он поставил Джулиана на землю, графиня подозвала мальчика к себе, поцеловала в лоб и окинула пристальным взглядом.

– Он настоящий Певерил, – сказала она, – хотя, как тому и следует быть, у него есть некоторые черты рода Стэнли. Кузен, вы должны исполнить мою просьбу: через некоторое время, когда я буду в безопасности и дела мои уладятся, пришлите мне маленького Джулиана, чтобы он воспитывался в доме Дерби как мой паж и товарищ юного графа. Надеюсь, что мальчики станут друзьями, подобно их отцам, и что Провидение ниспошлет им более счастливые дни!⁸

– От всей души благодарю вас за это предложение, ваша светлость, – сказал рыцарь. – Слишком много благородных домов ныне пришло в упадок, а еще большее число их пренебрегает обучением и воспитанием благородных юношей, и я часто опасался, что мне придется держать Джулиана при себе, а ведь сам я по недостатку воспитания вряд ли смог бы многому его обучить, и ему суждено будет остаться простым дербиширским рыцарем, не знающим толку ни в чем, кроме соколиной охоты. Но в вашем доме, миледи, и при молодом графе он получит такое воспитание, о каком я не смел и мечтать.

– Между ними не будет никакого различия, кузен, – сказала графиня. – Я буду заботиться о сыне Маргарет Стэнли так же, как и о своем, коль скоро вы искренне желаете вернуть мальчика моим попечениям. Вы побледнели, Маргарет, и в глазах ваших заблестели слезы? – продолжала она. – Это ребячество, дитя мое. Вы не могли бы пожелать своему сыну лучшей участи, ибо дом моего отца, герцога де ла Тремуиль, был самой знаменитой рыцарской школой во Франции, и я поддержала эту славу и не допустила никакого послабления благородных правил, предписывающих молодым дворянам дорожить честью своего рода. Вы не можете предоставить Джулиану таких преимуществ, если будете воспитывать его у себя дома.

– Я понимаю, сколь высокую честь вы мне оказываете, ваша светлость, – отозвалась леди Певерил, – и должна принять предложение, которое делает нам честь и которое уже одобрил сэр Джеффри, но Джулиан – мой единственный сын и...

– Единственный сын, но не единственное дитя, – возразила графиня. – Слишком много будет чести нашим повелителям-мужчинам, если вы обратите всю свою любовь на Джулиана и не оставите ничего этой прелестной малютке.

С этими словами она поставила на пол Джулиана и, взяв на колени Алису Бриджнорт, принялась ее ласкать. Несмотря на мужественный характер графини, в голосе и выражении лица ее было столько доброты, что девочка тотчас с улыбкой ответила на ласку. Ошибка гостьи чрезвычайно смутила леди Певерил. Зная порывистый и горячий нрав своего мужа, его преданность памяти графа Дерби и уважение к вдове покойного, она испугалась необдуманных поступков, которые он мог совершить, узнав о поведении Бриджнорта, и очень хотела рассказать ему об этом наедине, заранее приготовив его к такому известию, но заблуждение графини ускорило ход событий.

– К сожалению, эта прелестная малютка не наша, сударыня, – сказал сэр Джеффри. – Она – дочь нашего ближайшего соседа, хорошего человека и, смею сказать, доброго соседа, хотя в последнее время его совратил с пути истинного и заставил нарушить присягу один подлый пресвитерианин, который величает себя пастором и которого я намерен безотлагательно согнать с его насеста, будь он трижды проклят! Хватит с меня его кукареканья! У нас найдется чем выколотить пыль из женевских плащей^[83], вот что я скажу этим негодяям с их постными рожами! Да, но эта девочка – дочь Бриджнорта, нашего соседа Бриджнорта из Моултрэсси-Холла.

---

⁸ Даже спустя много лет после периода, описанного в настоящей повести, знатные дамы брали себе в пажи юношей благородного происхождения, которые получали воспитание в семействе своей госпожи. Анна, герцогиня Боклю и Монмут, которая во многих отношениях могла претендовать на почести, оказываемые особам королевской крови, была, насколько мне известно, последней знатной дамой, придерживавшейся этого старинного обычая. Один из генералов, отличившихся в войне с Америкой, воспитывался в ее доме в качестве пажа. В настоящее время молодые люди, которых мы изредка встречаем исполняющими эту должность, как мне кажется, представляют собою просто лакеев. (Примеч. авт.)

– Бриджнорта? Я полагала, что знаю все благородные фамилии в Дербишире, но Бриджнорта я что-то не припомню, – задумчиво произнесла графиня. – Впрочем, кажется, один из них был в комитете по секвестрации. Надеюсь, это не тот?

– Да, это именно тот, о котором вы говорите, миледи, – не без смущения отвечал Певерил, – и вы можете представить себе, как неприятно мне было принимать услуги от человека подобного сорта, но если бы я от них отказался, у Маргарет вряд ли осталась бы крыша над головой.

При этих словах графиня тихонько сняла девочку с колен и поставила ее на ковер, хотя Алиса явно этого не желала, – обстоятельство, к которому властительница Дерби и Мэна, без сомнения, отнеслась бы более благосклонно, если бы девочка происходила из верного королю знатного рода.

– Я вас не осуждаю, – сказала она, – никому не ведомо, до чего может довести нас соблазн. И все же я полагала, что Певерил Пик скорее согласится жить в глубочайшей пропасти унижения, нежели почитать себя обязанным цареубийце.

– Да что вы, миледи, – возразил рыцарь, – мой сосед, разумеется, человек скверный, но все же лучше, чем вы думаете; он всего лишь пресвитерианин – это я должен признать, – но отнюдь не индипендент^[84].

– Это почти такие же чудовища – они трубили в рог, ловили и связывали жертву, которую индипенденты умерщвляли. Из этих двух сект я предпочитаю индипендентов. Они, по крайней мере, дерзкие, бесстыдные, жестокие злодеи, похожие, скорее, на тигров, нежели на крокодилов. Не сомневаюсь, что почтенный джентльмен, который нынче поутру...

Тут она остановилась, увидев, что леди Певерил смущена и раздосадована.

– Я – несчастнейшая из смертных, – сказала она. – Я огорчила вас, Маргарет, хотя и не знаю чем. Я не люблю тайн, да их и не должно быть между нами.

– Никакой тайны здесь нет, сударыня, – нетерпеливо отозвалась леди Певерил, – я всего лишь ждала случая уведомить мужа о случившемся. Сэр Джефри, мистер Бриджнорт, к несчастью, находился здесь, когда мы встретились с леди Дерби, и почел своим долгом сказать о том, что...

– Сказать о чем? – нахмурившись, спросил рыцарь. – Вы, сударыня, всегда были слишком расположены терпеть наглые притязания подобных людей.

– Я хочу только сказать, что тот человек, о котором рассказывала леди Дерби... что он был братом его покойной жены, и потому он угрожал... но я не думаю, чтобы он в самом деле... – пролепетала леди Певерил.

– Угрожал? Угрожал графине Дерби в моем доме? Вдове моего друга, благородной Шарлотте из Лейтем-хауса? Клянусь Всевышним, лопухий мерзавец за это поплатится! Но почему мои слуги не вышвырнули его в окно?

– Увы! Сэр Джефри, вы забываете, в каком мы у него долгу, – сказала леди Певерил.

– В долгу! – еще более негодуя, вскричал рыцарь, ибо в простодушии своем он полагал, что жена его намекает на денежный долг. – Если я и должен ему какую-то ничтожную сумму, то разве этот заем не обеспечен? И разве это дает ему право распоряжаться и разыгрывать мирового судью в замке Мартиндейл? Где он? Куда вы его девали? Я хочу... я непременно должен с ним говорить.

– Успокойтесь, сэр Джефри, – вмешалась графиня, которая теперь угадала причину опасений своей родственницы, – уверяю вас, что вам вовсе не нужно защищать меня от этого неучтивого мошенника, как назвал бы его автор «Смерти Артура»^[85]. Клянусь вам, что кузина сторицей отплатила за мою обиду, и я так рада, что своим избавлением обязана единственно ее мужеству, что приказываю и повелеваю вам, как истинному рыцарю, не присваивать себе чужие лавры.

Леди Певерил, которая знала горячий и необузданный нрав мужа, заметив, что гнев его усиливается, рассказала о происшедшем и очень просто и ясно объяснила причину вмешательства майора Бриджнорта.

– Весьма сожалею, – сказал рыцарь. – Я полагал, что он благоразумнее, и надеялся, что нынешняя счастливая перемена пойдет ему на пользу. Но вам следовало тотчас же сказать мне об этом. Честь не позволяет мне держать его пленником в замке, словно я боюсь, что он может нанести какую-нибудь обиду графине, пока она находится под крышей моего дома или даже за двадцать миль отсюда.

С этими словами он поклонился графине и пошел прямо в золотую комнату, оставив леди Певерил в сильной тревоге за исход неприятной встречи между ее вспыльчивым супругом и упрямым Бриджнортом. Однако опасения ее были напрасны, ибо встрече этой не суждено было состояться.

Когда сэр Джеффри, отпустив Уитекера и его часовых, вошел в золотую комнату, где думал найти своего пленника, тот уже исчез, прибегнув к способу, который нетрудно было разгадать. В спешке леди Певерил и Уитекер, которые одни только знали про передвижную панель, совершенно о ней забыли. Вполне возможно, что Бриджнорт заметил случайно оставшуюся щелку, обнаружил панель и, отодвинув ее, вошел в потайную комнату, находившуюся за нею, а оттуда через коридор, проделанный в толще стены, пробрался к подземному выходу из замка, – они нередко встречаются в старинных зданиях, владельцы коих так часто испытывали превратности судьбы, что обыкновенно устраивали какое-нибудь скрытое убежище и потайной выход из своей крепости. Было ясно, что Бриджнорт нашел этот потайной выход и воспользовался им, ибо секретные двери, ведущие к подземному ходу и к передвижной панели, были открыты.

Сэр Джеффри вернулся к дамам в некотором замешательстве. Пока Бриджнорт оставался в замке, он ничего не боялся, ибо знал, что превосходит майора физической силой и той отвагой, которая побуждает человека без колебаний бросаться навстречу опасности, непосредственно угрожающей его жизни. Но издали сила и могущество Бриджнорта по-прежнему казались сэру Джеффри огромными, и, несмотря на недавние перемены, он так привык думать о соседе либо как о влиятельном друге, либо как об опасном враге, что теперь беспокоился за графиню гораздо сильнее, чем желал бы в том признаться даже самому себе. Графиня заметила его огорчение и тревогу и спросила, не грозит ли ему присутствие ее в замке какими-нибудь неприятностями или опасностью.

– Я был бы рад любой неприятности, а еще более – опасности, вызванной такой причиной, – отвечал сэр Джеффри. – Я хотел просить вас, миледи, на несколько дней почтить своим присутствием замок Мартиндейл; ваш визит хранился бы в тайне до тех пор, пока вас не перестали бы разыскивать. Если бы я встретился с этим Бриджнортом, я, наверное, убедил бы его вести себя благопристойно, но теперь он на свободе и постарается держаться от меня подальше; но хуже всего то, что он раскрыл тайну комнаты священника.

Тут рыцарь умолк и, казалось, чрезвычайно смутился.

– Стало быть, вы не можете ни спрятать, ни защитить меня? – спросила графиня.

– Покорнейше прошу прощения, миледи, – возразил рыцарь, – но я еще не все сказал. Дело в том, что у этого человека множество друзей среди здешних пресвитериан, которых гораздо больше, чем я бы того хотел; и если он встретится с курьером, который везет предписание Тайного совета взять вас под арест, то, вероятно, будет поддерживать его силами отряда, достаточного для исполнения приказа. Нам же вряд ли удастся быстро собрать столько друзей, сколько нужно, чтобы оказать им сопротивление.

– К тому же я вовсе не желаю, чтобы мои друзья брались за оружие с целью защитить меня от королевского предписания, сэр Джеффри, – заметила графиня.

– Что ж, если его величеству угодно выдавать ордера на арест лучших своих друзей, он должен ожидать сопротивления. Однако мне думается, что в этих прискорбных обстоятель-

ствах вашей светлости лучше всего – хоть это предложение едва ли сообразно с правилами гостеприимства, – если вы не слишком устали, тотчас же сесть на коня. Я буду сопровождать вас с несколькими смельчаками, и мы благополучно доставим вашу светлость в Вейл-Ройял, хотя бы шерифу вздумалось преградить нам путь целым *posse comitatus*⁹.

Графиня Дерби охотно приняла это предложение. Ночью она хорошо отдохнула в потайной комнате, куда Элмир проводила ее накануне, и была готова продолжать свое путешествие или бегство, ибо, по ее замечанию, и сама не знала, какое слово здесь уместнее.

Леди Певерил заплакала при мысли, что друг и покровительница ее молодости вынуждена бежать из ее дома в ту самую минуту, когда над нею сгущаются грозные тучи бедствия, но иного, более безопасного выхода она не видела. Несмотря на горячую привязанность к леди Дерби, она примирилась с поспешным отъездом гостьи, ибо знала, что присутствие графини в замке в такое время и при таких обстоятельствах могло навлечь на бесстрашного и пылкого сэра Джеффри серьезные неприятности и даже опасность.

Покуда леди Певерил хлопотала о том, чтобы снабдить гостью по возможности всем необходимым для дальнейшего путешествия, супруг ее, чей дух в ожидании решительных действий неизменно воспламенялся, приказал Уитекеру собрать несколько вооруженных с головы до ног удалцов.

– У нас есть два лакея, затем Ланс Утрем и Сондерс, еще один конюх, Роджер Рейн с сыном (только скажи Роджеру, чтобы он не вздумал снова напиться), ты сам, молодой Дик из Дейла со своим слугой да еще три или четыре арендатора – словом, вполне достаточно людей, чтобы потягаться с любым отрядом, какой им удастся набрать. Все эти ребята бьются как львы и не задают вопросов – они всегда лучше работали руками, чем языком, да и рты у них приспособлены не для разговоров, а для выпивки.

Уитекер, проникшись важностью происходящего, спросил, уведомить ли ему также сэра Джаспера Крэнборна.

– Упаси тебя бог сказать ему хоть слово, – отвечал рыцарь. – Насколько я понимаю, дело может кончиться так называемым лишением покровительства законов, а я не хочу подвергать опасности ничьи владения, кроме своих собственных. Сэр Джаспер и так уже давно не знает покоя. Пусть он хоть на старости лет поживет в мире.

---

⁹ Отрядом граждан (*лат.*).

Глава VII

Фенг. На помощь! На помощь!

Хозяйка. Люди добрые, дайте сюда пару помощей!

«Генрих IV», ч. II^{10[86]}

Люди Певерила так привыкли к команде «Седлать коней!», что все всадники мгновенно выстроились в боевой порядок и с достоинством, приличествующим опасности, отправились провожать графиню Дерби по пустынной холмистой части Дербишира, которая граничит с соседним графством Чешир. Кавалькада продвигалась вперед со всевозможными предосторожностями – привычка, приобретенная во время гражданских войн. Один надежный, вооруженный до зубов всадник ехал в двухстах ярдах впереди; за ним следовали двое других с карабинами на изготовку. Примерно в сотне ярдов от авангарда двигались главные силы – три ряда крепких, испытанных всадников во главе с сэром Джеффри, они охраняли графиню Дерби, ехавшую на лошади леди Певерил (ее собственная была измучена скачкой из Лондона в замок Мартиндейл) в сопровождении верного конюшего и служанки. Арьергард составляли Уитекер и Ланс Утрем – облеченные особым доверием слуги, которым было поручено прикрывать отступление. Как говорится в испанской пословице, они ехали, «закинув бороду за плечо», то есть время от времени оглядывались по сторонам, чтобы сразу же обнаружить преследователей. Однако, несмотря на опытность в военном деле, Певерил и его соратники были не слишком искушены в дипломатических тонкостях. Рыцарь без всякой к тому надобности подробно посвятил Уитекера в цель их похода, а тот, в свою очередь, был равным образом откровенен со своим товарищем, лесничим Лансом.

– Чудно мне что-то, мистер Уитекер, – проговорил последний, узнав, в чем дело. – Вы человек ученый, так растолкуйте же мне: почему мы лет двадцать только и делали, что мечтали о возвращении короля, молились за короля, сражались за короля и умирали за короля, а теперь, чуть только он воротился, тут же напяливаем на себя доспехи, чтобы помешать исполнению его приказа?

– Эх ты, дурень, – отвечал Уитекер, – видать, ты вовсе не понял, в чем тут суть. Ведь мы же все время, с самого начала, сражались за короля против его воли, потому что, помнится, все прокламации и прочие бумаги этих злодеев всегда были писаны от имени короля и парламента.

– Да неужто? – удивился Ланс. – Ну, коль они снова взялись за старое и начинают от имени короля рассылать предписания на арест его вернейших подданных, то дай бог здоровья нашему доблестному рыцарю, который готов сразу же сбить с них спесь. А если Бриджнорт вздумает за нами погнаться, я буду рад ему всыпать.

– А за что? Он, правда, мерзкий круглоголовый и пуританин, но сосед он хороший. Что он тебе сделал? – спросил Уитекер.

– Да ничего, только незаконно охотился в поместье, – отвечал лесничий.

– Еще чего придумаешь? Шутник ты, Ланс. Бриджнорт не охотится ни с собаками, ни с соколами; такие подвиги не по нем.

– Да, как же! Вы еще не знаете, за какой он дичью гоняется, этот самый Бриджнорт, со своей постной рожей, от которой испуг берет младенцев и киснет молоко у кормилиц.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что он бегает за девицами? Да ведь он чуть не помешался с горя после смерти жены. Ты же знаешь, что наша госпожа для того и взяла к себе девочку, чтобы Бриджнорт не задушил ее, когда вспомнит про ее мать и разум у него вдруг помутится.

---

¹⁰ Перевод Е. Бируковой.

По правде говоря, есть много бедных кавалерских детей, которые больше заслуживают забот миледи – не в обиду ей будь сказано... Но продолжай, что за историю имел ты в виду?

– Дело вот в чем, – промолвил Ланс. – Вы, мистер Уитекер, быть может, заметили, что некая мисс Дебора оказывала некоторую благосклонность некоему молодому человеку в некотором доме.

– Уж не тебе ли, Ланс Утрем? Ты самый большой хвастун...

– Хвастун? – удивился Ланс. – Да ведь только вчера вечером она при всех вешалась мне на шею.

– Жаль, что она не петля и не задушила тебя за твою дерзость и похвальбу, – заметил управляющий.

– Нет, вы сперва послушайте. На другое утро, то есть нынче утром, я собрался в парк подстрелить оленя, рассудив, что после вчерашней пирушки не мешало бы иметь на кухне кусок оленины. Проходя под окнами детской, я поглядел наверх, чтобы узнать, чем занята госпожа гувернантка. Только она меня заметила, как сразу же кинулась надевать шаль и капор. Тотчас вслед за этим отворилась дверь кладовой, и я увидел, как она вышла в сад, перелезла через пролом и спустилась в парк, и тут я подумал: «Ну, мисс Дебора, если вам так не терпится плясать под мою дудку, то уж я заставлю вас за мной побегать!» И тогда я повернул к Айви-Тод-Дингду, где густой кустарник и болото, и пошел кружить по дну ущелья Хэксли, а сам все время думаю, что она идет за мной, да смеюсь про себя, что завел ее в такую даль.

– За это тебя следовало бы утопить в луже, как глупого щенка; но только я не пойму, что общего между Бриджнортом и этой сказкой о Джеке с фонарем.

– В том-то и дело, что из-за него, то есть из-за Бриджнорта, она за мной вовсе и не шла. Я плелся еле-еле, потом остановился, потихоньку повернул назад, никак не мог взять в толк, куда она девалась, и, наконец, решил, что вел себя в этом деле как настоящий осел.

– Не согласен, – перебил его Уитекер. – Ни один осел никогда не поступил бы так, как ты... Ну да ладно, продолжай.

– Я повернул обратно к замку и зашагал так быстро, как будто у меня пошла кровь из носу; и вдруг у зарослей терновника, не дальше, чем на выстрел из лука от подземного хода, увидел, как мисс Дебора беседует с неприятелем.

– С каким неприятелем? – спросил дворецкий.

– С каким? С каким же еще, кроме как с Бриджнортом? Они прятались в чаще. Ну, постойте, думаю я, мне не впервой вспугнуть оленя, и если я не смогу вспугнуть вас, то, значит, мои стрелы годятся лишь на то, чтобы замешивать пудинг. И вот я обошел вокруг зарослей, чтобы застать их врасплох, и пусть мне никогда не натягивать тетивы, если я не видел, как он давал ей золото и жал руку!

– А больше между ними ничего не было? – спросил дворецкий.

– Честно говоря, ничего, но и этого было довольно, чтобы я сразу протрезвился, – отвечал Ланс. – Я-то думал, что самая хорошенькая девушка в замке пляшет под мою дудку, а тут вдруг выходит, что она обвела меня вокруг пальца и торгуется по углам со старым богачом-пуританином!

– Уж поверь мне, Ланс, что тут все не так, как тебе мнится, – сказал Уитекер. – Бриджнорту не до любовных приключений, а у тебя только они одни на уме. Впрочем, нашему рыцарю не мешало бы узнать, что сосед тайно встретился с Деборой и дал ей золотой – ведь еще ни один пуританин не давал никому золота, кроме как в награду за всякие черные дела или для того, чтобы подбить на них кого-нибудь.

– Нет уж, не такой я подлец, чтобы доносить на девушку хозяину. Она вправе делать что ей вздумается, как сказала та старуха, которая целовалась со своей коровой; только я не очень-то одобряю ее выбор, вот и все. Ему наверняка под пятьдесят, а постная рожа под нахлобучен-

ной шляпой да мешок тощих, сухих костей, завернутый в черный плащ, по мне, не очень-то соблазнительны.

– Еще раз говорю тебе, что ты ошибаешься, – возразил Уитекер. – Между ними нет и не может быть никаких любовных пашней, а скорее всего, тут какие-то козни, и, может быть, даже и против самой благородной графини Дерби. Говорю тебе, что хозяин должен об этом знать, и я сей же час все ему расскажу.

С этими словами дворецкий, несмотря на старания Ланса защитить Дебору, подъехал к главным силам маленького отряда и сообщил рыцарю и графине Дерби о рассказе лесничего, а также о своих подозрениях насчет того, что майор Бриджнорт хочет завести в замке Мартиндейл шпионов – то ли намереваясь исполнить свою угрозу и отомстить графине Дерби, виновнице смерти его шурина, то ли с другой, неизвестной, но зловещей целью.

Рассказ Уитекера привел сэра Джеффри в страшную ярость. Разделяя предубеждения своей партии, он был уверен, что противная сторона хочет восполнить недостаток силы хитростью и интригами, и сразу решил, что сосед его, чье благоразумие всегда внушало ему почтение, а порою даже страх, зачем-то вступил в тайную сделку с одним из его домочадцев. Если это злой умысел против его благородной гостии, значит, тут кроется гнусная измена; если же прав Ланс, то все равно преступная связь с женщиной, приближенной леди Певерил, уже сама по себе – верх наглости и неприличия со стороны такого человека, как Бриджнорт, – и естественно, что сэр Джеффри воспылал против него гневом.

Едва Уитекер успел вернуться на свое место в арьергарде, как он уже опять поскакал во весь опор к главным силам отряда с неприятным известием, что за ними гонится не меньше десятка всадников.

– Скачите в ущелье Хартли, и там с Божьей помощью мы перехватим этих мошенников, – сказал рыцарь. – Прощайте, графиня Дерби! Для разговоров нет времени. Поезжайте вперед с Уитекером и еще одним надежным человеком, а я уж постараюсь, чтобы никто не наступал вам на пятки.

– Я останусь с вами и встречу их лицом к лицу, – отвечала графиня. – Ведь вам давно известно, что меня не пугает зрелище боя.

– Вы должны ехать вперед, сударыня, – повторил рыцарь, – ради молодого графа и других родственников моего благородного друга. Это дело недостойно вашего внимания; схватка с этими негодяями – просто детская игра.

Графиня с большой неохотой согласилась бежать от преследователей. В это время отряд очутился на дне крутого каменистого ущелья Хартли, где дорога, или, вернее, тропинка, до сих пор проходившая по довольно открытой местности, вдруг суживалась, стесненная густыми зарослями кустарника с одной стороны и обрывистым берегом горной речки с другой.

Графиня Дерби дружески простилась с сэром Джеффри и, попросив передать поклон своему будущему папу и его матери, вместе со своим провожатым галопом поскакала по ущелью и вскоре скрылась из виду. Тотчас вслед за этим преследователи поравнялись с Певерилом, который разместил свой отряд таким образом, чтобы с трех сторон совершенно отрезать им дорогу.

Как и ожидал сэр Джеффри, неприятельский отряд возглавлял майор Бриджнорт. Рядом с ним ехал человек в черной одежде с серебряной бляхой в виде борзой собаки на рукаве; позади следовало человек десять жителей деревни Мартиндейл-Моултрэсси; двое или трое из них были констеблями, а прочих сэр Джеффри знал как сторонников свергнутого правительства.

Когда всадники приблизились, сэр Джеффри велел им остановиться, но они продолжали скакать вперед, и тогда рыцарь приказал своим людям взять на изготовку пистолеты и карабины. Заняв эту позицию, он громовым голосом повторил:

– Стой, или мы будем стрелять!

Неприятели остановились, и майор Бриджнорт выехал вперед, как бы желая вступить в переговоры.

– Что это значит, сосед? – промолвил сэр Джеффри, притворяясь, будто только сейчас узнал Бриджнорта. – Куда вы скачете в такую рань? Разве вы не боитесь загнать своего коня или притупить шпоры?

– Сэр Джеффри, – отвечал майор, – мне не до шуток. Я исполняю приказ короля.

– Уверены ли вы, что это не приказ старого Нола? Ведь прежде вы предпочитали его приказы, – с улыбкой промолвил рыцарь, вызвав громкий хохот своего отряда.

– Покажите ему предписание, – обратился Бриджнорт к упомянутому выше человеку в черном, который был королевским курьером. Затем, взяв у этого должностного лица бумагу, он подал ее сэру Джеффри. – Надеюсь, вы хоть этому документу окажете уважение.

– Ровно столько, сколько оказали бы вы месяц тому назад, – отвечал рыцарь, разрывая предписание в клочки. – На что это вы так уставились? Вы воображаете, что вам дано исключительное право устраивать мятежи, а что мы, в свою очередь, не можем показать пример неповиновения?

– С дороги, сэр Джеффри Певерил! – воскликнул Бриджнорт. – Иначе вы заставите меня пустить в ход средства, коих я хотел бы избежать. В этом деле я отмщаю за кровь одного из святых мучеников и буду продолжать погоню, пока Небо не лишит меня сил.

– Берегитесь, – отвечал сэр Джеффри, – это моя земля, и последние двадцать лет мне достаточно докучали святые, как вы изволите себя величать. Говорю вам, мистер Бриджнорт, что я не позволю безнаказанно покушаться на безопасность моего дома, преследовать моих друзей на моей земле или, как вы уже пытались, подкупать моих слуг. Я вас уважаю за добрые дела, которых не забуду и не стану отрицать, и вам трудно будет заставить меня поднять на вас саблю или навести пистолет, но если вы осмелитесь сделать хоть одно враждебное движение или продвинуться хоть на шаг, я тотчас же пресеку эту попытку. Что же до этих мерзавцев, которые явились в мои владения досаждать благородной даме, то если вы не прикажете им отступить, я отправлю кой-кого из них к дьяволу раньше, чем наступит его срок.

– Посторонитесь, если жизнь вам дорога, – сказал майор Бриджнорт, положив правую руку на чехол своего пистолета.

Сэр Джеффри тотчас поравнялся с ним, схватил его за шиворот и, пришпорив Черного Гастингса, в то же время натянул поводья так, что конь сделал прыжок и всею своей тяжестью обрушился на лошадь противника. Будь на месте Бриджнорта расторопный воин, он мог бы всадить неприятелю пулю в лоб. Но Бриджнорт, хоть и служил некоторое время в армии парламента, отличался скорее гражданской, нежели воинской, доблестью и уступал своему противнику не только в силе и искусстве верховой езды, но главным образом в решимости и отваге, которые заставили сэра Джеффри не раздумывая ринуться в бой. Поэтому немудрено, что в схватке, столь малосообразной с их старинным знакомством и близким соседством, Бриджнорт был сброшен со своего коня. Сэр Джеффри тотчас же спешился, и его отряд кинулся на всадников Бриджнорта, которые ринулись на помощь своему начальнику. Засверкали сабли, защелкали курки пистолетов, но сэр Джеффри громовым голосом приказал обоим отрядам остановиться и опустить оружие.

Курьер воспользовался предложением и тут же нашел повод не упорствовать долее в исполнении своего опасного долга.

– Предписание уничтожено, – объявил он. – Виновники будут отвечать перед Тайным советом, я же, со своей стороны, не могу следовать дальше без этой бумаги.

– Славно сказано! Сразу видно миролюбивого человека! – воскликнул сэр Джеффри. – Его надо угостить в замке, да и кляча его совсем выбилась из сил. Вставайте, сосед Бриджнорт, надеюсь, вы не ушиблись в этой дурацкой потасовке? Я бы ни за что не поднял на вас руку, если б вы не схватились за пистолет.

С этими словами он помог майору подняться. Курьер тем временем отъехал в сторону вместе с констеблем и его помощником, которые втайне подозревали, что, хоть Певерил и нарушил закон, судьи будут снисходительны к его проступку, и потому ради собственной пользы и безопасности им лучше не вступать с ним в пререкания. Однако прочие спутники Бриджнорта, его друзья и единомышленники, несмотря на ослабление своих рядов, не трогались с места и, судя по их виду, твердо решили во что бы то ни стало поддерживать своего начальника.

Между тем Бриджнорт вовсе не намеревался продолжать спор. Он довольно грубо оттолкнул сэра Джеффри, но не обнажил свою шпагу. Напротив, он с мрачным и угрюмым видом вскочил в седло и, дав знак своим спутникам, двинулся в обратный путь. Сэр Джеффри несколько минут смотрел ему вслед, а потом сказал:

– Не будь он пресвитерианином, он был бы честным человеком. Но в них нет добродушия, они никогда вам не простят, ежели вы сбросили их на землю; они злопамятны, а это мне противно не меньше, чем черный плащ и женевская ермолка, из-под которой торчит пара длинных ушей, словно две трубы по бокам соломенной крыши. Вдобавок они еще хитры как черти, и потому, Ланс Утрем, возьми с собой двоих всадников и поезжай за ними вслед, чтобы им не вздумалось обойти нас с фланга и снова погнаться за графиней.

– Я скорей позволю им затравить собаками ручную белую лань миледи, – отвечал Ланс совершенно в духе своего ремесла. Исполняя приказ хозяина, он отправился вслед за майором Бриджнортом, держась в некотором отдалении от последнего и наблюдая за его передвижениями с высоких холмов, господствующих над местностью. Вскоре обнаружилось, что майор не замышляет никаких маневров, а держит путь прямо к дому. Убедившись в этом, сэр Джеффри отпустил большую часть своего отряда и, оставив при себе лишь слуг, поспешил вдогонку за графиней.

Остается лишь добавить, что он исполнил свое намерение и проводил графиню Дерби до Вейл-Ройяла, не встретив больше никаких препятствий. Владелец этого поместья охотно взялся довести благородную даму до Ливерпуля, откуда она благополучно отплыла на корабле в наследственные владения своего сына, где, без сомнения, могла жить в безопасности, пока не прекратится дело по обвинению ее в том, что, казнив Кристиана, она нарушила королевский закон об амнистии.

Довольно долгое время добиться этого никак не удавалось. Кларендон^[87], стоявший тогда во главе правительства Карла, почитал ее опрометчивый поступок (хоть и внушенный чувствами, которые человеческое сердце может до некоторой степени извинить) предумышленным нарушением восстановленного в Англии мира и спокойствия, ибо он возбудил сомнения и страхи людей, которые должны были опасаться последствий того, что в наше время называется реакцией. Но, с другой стороны, важные заслуги знаменитого рода Дерби, достоинства самой графини, память о ее доблестном супруге, а также весьма своеобразные обстоятельства, выведшие этот случай за пределы обычного судопроизводства, – все это говорило в ее пользу. Кончилось тем, что в наказание за смерть Кристиана был определен большой штраф, исчислявшийся, как мы полагаем, несколькими тысячами фунтов, – сумма, которую с большим трудом взыскали с разоренных поместий молодого графа Дерби.

Глава VIII

Мой край родной, прости!
Байрон^{11[88]}

После отъезда сэра Джеффри и графини Дерби из замка Мартиндейл леди Певерил провела несколько часов в сильной тревоге, особенно когда она узнала, что майор Бриджнорт, за передвижениями коего она велела тайно наблюдать, с вооруженным отрядом всадников отправился на запад вслед за рыцарем.

Наконец Уитекер, вернувшийся с поклоном от сэра Джеффри и рассказом о его схватке с майором Бриджнортом, уверил ее в безопасности мужа и графини.

Леди Певерил с содроганием подумала, как близко было возобновление междоусобий; благодаря Богу за спасение мужа, она невольно беспокоилась о последствиях его ссоры с майором Бриджнортом. Теперь их семейство лишилось старинного друга, доказавшего им свое расположение в несчастье, когда дружба подвергается самому тяжелому испытанию, и ей пришлось в голову, что, раздраженный всем происшедшим, Бриджнорт может превратиться в докучливого и даже опасного врага. До сих пор он не особенно злоупотреблял своими правами кредитора, но теперь, вздумай он выказать суровость, сэра Джеффри могли ожидать значительные неприятности, ибо закон был на стороне майора, – это леди Певерил, как рачительная хозяйка, знавшая дела своего мужа гораздо лучше его самого, слишком хорошо понимала. Правда, она утешала себя мыслью, что все еще имеет на Бриджнорта большое влияние благодаря его любви к дочери и твердой убежденности, что только ее заботы могут сохранить здоровье маленькой Алисы. Но все надежды на примирение, которые это обстоятельство внушало леди Певерил, были разбиты происшествием, случившимся на другой день поутру.

Упомянутая нами выше гувернантка Дебора, по обыкновению, повела детей на утреннюю прогулку в парк вместе с Рейчел, девушкой, которая иногда помогала ей присматривать за ними, но против обыкновения, в урочный час она не вернулась. Когда подошло время завтрака, Элзмир с весьма чопорным видом явилась доложить хозяйке, что Дебора не сочла нужным воротиться из парка, хотя уже пора завтракать.

– Значит, она сейчас придет, – спокойно отвечала леди Певерил.

Элзмир иронически ухмыльнулась, а затем, продолжая свою чинную речь, сообщила, что Дебора отослала Рейчел домой с маленьким мистером Джулианом, сама же изволила объявить, что отправляется с мисс Бриджнорт в рошу Моултрэсси (эта роша ныне отделяла земли майора от владений сэра Джеффри).

– Уж не сошла ли она с ума? Как она смеет своевольничать и не возвращаться домой вовремя? – сердито спросила леди Певерил.

– Быть может, сошла с ума, а быть может, наоборот, набралась ума кой у кого, да только сдается мне, что вашей милости не худо бы за этим присмотреть, – с таинственным видом проговорила Элзмир.

– За чем присмотреть? – с досадой сказала леди Певерил. – Ты нынче говоришь что-то уж очень загадочно. Если ты узнала о ней что-нибудь дурное, то прошу тебя сказать это мне.

– Дурное? – вскричала Элзмир. – Я не унижусь до того, чтобы говорить дурное про других слуг или служанок; я только прошу вашу милость открыть глаза и посмотреть, что творится вокруг вас, вот и все.

– Ты просишь меня открыть глаза, Элзмир, но кажется, ты хочешь заставить меня смотреть сквозь твои очки, – отвечала леди Певерил. – Я тебе приказываю – а ты знаешь: я люблю,

---

¹¹ Перевод В. Фишера.

чтоб меня слушались, – приказываю сказать мне все, что ты знаешь или подозреваешь насчет Деборы Деббич.

– Сквозь мои очки! – вскричала возмущенная Эбигейл^[89]. – Прошу прощения, ваша милость, но только я никогда не ношу очков, не считая тех, что достались мне от моей бедной матушки, да и те надеваю, только когда требуется затейливо вышить чепчик вашей милости. Никто еще не видывал, чтоб хоть одна женщина старше шестнадцати лет вышивала без очков. А что до подозрений, то я ничего не подозреваю, потому как ваша милость не велели мне указывать Деборе Деббич, и, стало быть, мне от того ни холодно, ни жарко. Только, – тут она сжала губы и принялась цедить слова так, что до леди Певерил не доносилось почти ни звука, а у слов, прежде чем они срывались с уст Элмир, обрубались оба конца, – только вот что я вам скажу, миледи: если барышня Дебора будет так часто ходить по утрам в рошу Моултрэсси, то немудрено, если она в один прекрасный день не найдет дороги назад.

– Еще раз спрашиваю тебя, Элмир, что все это значит? Ты всегда была разумной женщиной, так скажи мне прямо – в чем дело?

– Я хочу только сказать, миледи, – продолжала Эбигейл, – что с тех пор, как Бриджнорт воротился из Честерфилда и посетил ваш замок, Дебора изволила каждое утро водить детей в рошу Моултрэсси, и как-то уж так выходило, что она частенько встречала майора (как его величают), когда он там прогуливался – ведь нынче он может прогуливаться как все прочие, и ручаюсь вам, что от этих встреч Дебора не осталась в убытке, потому как она купила себе новый капор, что вполне сгодился бы и вашей милости, но вот было ли у ней на уме что-нибудь, кроме золотой монеты, которую он ей дал, о том, разумеется, судить только вам, миледи.

Леди Певерил тотчас истолковала поведение гувернантки в более выгодную сторону и невольно рассмеялась, видя, что Бриджнорта с его строгими правилами, важностью и замкнутостью подозревают в любовных интригах, и сразу же заключила, что Дебора решила обратить себе на пользу отцовские чувства майора, устраивая ему свидания с дочерью в течение короткого времени между его первой встречей с маленькой Алисой и последними происшествиями. Однако, спустя час после завтрака, она немного удивилась, узнав, что Дебора с девочкой еще не вернулись, а в замок приехал верхом единственный слуга майора Бриджнорта в дорожном костюме и, передав письма, адресованные ей и экономке Элмир, ускакал, не дожидаясь ответа.

В этом не было бы ничего странного, если бы речь шла о ком-нибудь другом, а не о майоре Бриджнорте: он всегда поступал так спокойно и уравновешенно и действовать необдуманно или по первому побуждению было настолько не в его характере, что малейшая поспешность с его стороны вызывала удивление и любопытство.

Леди Певерил торопливо вскрыла письмо и прочла следующее:

*«Достопочтенной и высокочтимой леди Певерил
в собственные руки.*

Милостивая государыня!

С вашего позволения, я пишу более для того, чтобы оправдаться перед вами, нежели для того, чтобы обвинить вас или других, ибо понимаю, что вследствие природных наших слабостей нам приличнее признаваться в своем собственном несовершенстве, чем упрекать в нем ближних. Я также не намерен говорить о прошлом, особенно о том, что касается вашей милости, ибо знаю, что, если я был вам полезен в то время, когда наш Израиль можно было назвать торжествующим, вы воздали мне сторицею, возвратив в мои объятия дитя, вызволенное, так сказать, из-под черного крыла смерти. Посему я от всего сердца прощаю вашей милости недружелюбные и насильственные меры, принятые вами против меня при нашей последней встрече (поелику женщина, бывшая причиною

спора, принадлежит к вашей родне), и умоляю вас подобным же образом простить меня за то, что я переманиваю из числа вашей прислуги молодую особу по имени Дебора Деббич, чьи понятия о воспитании, внушенные вашей милостью, кажутся мне необходимыми для сохранения здоровья моей возлюбленной дочери. Я намеревался прежде, с вашего милостивого соизволения, оставить Алису в замке Мартиндейл под вашим благосклонным надзором до тех пор, покуда она не научится отличать добро от зла в такой степени, что возникнет надобность наставить ее на путь истинной веры. Ибо я не сообщу ничего нового, если скажу (вовсе не желая при этом упрекать, а скорее испытывая сожаление), что вы, особа столь превосходных нравственных качеств, дарованных вам от природы, до сих пор не узрели истинного света, озаряющего наш путь, а, напротив, привыкли блуждать во мраке среди могил. В бессонные ночные часы я молился о том, чтобы вы отвергли учение, уводящее с верного пути; но, к прискорбию своему, должен сказать, что поелику наш светильник вот-вот уберут, земля наша, по всей вероятности, погрузится во тьму еще более глубокую, чем прежде; и возвращение короля, которого я вместе со многими другими ожидал как проявления божественной благодати, по-видимому, оказывается не чем иным, как торжеством князя тьмы, каковой приступает к возрождению базара суеты житейской^[90] с помощью епископов, настоятелей и иже с ними, изгоняя мирных проповедников слова Божия, подвизавшихся во спасение множества изголодавшихся душ. Итак, узнав достоверно, что велено сызнова поставить над нами этих брехливых псов, последователей Лода и Уильямса, изгнанных прежним парламентом^[91], и что следует ожидать Акта о единообразии^[92] или, скорее, о безобразии церковной службы, я решился бежать от этой грядущей кары божией в поисках уголка, где мне можно будет жить в мире и пользоваться свободой совести. Ибо кто захочет оставаться в святилище после того, как разрушили ограду его алтаря, а в нем водворились филины и бесы пустыни?^[93] Я упрекаю себя в том, что простосердечно и слишком легко согласился отправиться на торжество, где мое стремление к согласию и желание выказать уважение вашей милости сделались для меня западнею. Но я верю, что нынешнее мое намерение покинуть родину и дом моих отцов, а также место, где погребены детища моей любви, послужит для меня искуплением. Я также должен помнить, что чести моей (в светском смысле этого слова) был нанесен здесь урон, а мои полезные начинания были пресечены супругом вашим, сэром Джеффри Певерилом, и что я не имел возможности получить от него удовлетворение, – все равно как если бы родной брат поднял руку на мое доброе имя и на мою жизнь. Все сие – тяжкое испытание для потомков Адамовых, и посему, желая избежать новых распрей, а возможно даже и кровопролития, я предпочитаю на время покинуть эту страну. Дела, которые мне нужно решить с сэром Джеффри, я поручаю почтенному и добронравному мистеру Иоакиму, по прозвищу Победоносный, стряпчему из Честера, который уладит их, не притесняя сэра Джеффри, по всей справедливости и в законном порядке, ибо если у меня, как я надеюсь, достанет сил не поддаваться искушению превратить смертоубийственное оружие в орудие своей мести, то я, уж во всяком случае, не прибегну для этого к презренному маммоне. Искренне желая, чтобы Всевышний не оставил вас Своими щедротами, а наипаче не отказал

бы вам в истинном познании путей своих, остаюсь, сударыня, ваш преданный слуга

Ралф Бриджнорт.

Писано в Моултрэсси-Холле, 1660 года, июля десятого дня».

Прочитав это длинное и необыкновенное послание, в котором сосед ее, как она рассудила, обнаружил гораздо больше религиозного фанатизма, чем можно было от него ожидать, леди Певерил подняла глаза и увидела Элзмир, на чьей физиономии боролись досада и напускное презрение; до сих пор экономка крепилась, молча наблюдая за выражением лица своей госпожи, а теперь без обиняков обратилась к ней за подтверждением своих подозрений.

– Сдается мне, сударыня, – сказала она, – что этот безумный фанатик хочет жениться на Деборе. Толкуют, будто он собирается отсюда уехать. По правде говоря, давно пора; ведь не считая того, что вся округа поднимет его на смех, я не удивлюсь, если Ланс Утрем, лесничий, наставит ему рога; это как раз по его части.

– Я пока не вижу причин для злорадства, Элзмир, – отвечала леди Певерил. – В письме нет и слова о женитьбе; однако похоже на то, что майор Бриджнорт, собираясь оставить наши края, пригласил к себе на службу Дебору чтобы присматривать за его дочерью, и я очень рада за девочку.

– А я рада за себя, да и за весь дом тоже, – сказала Элзмир. – Ваша милость полагает, что он на ней не женится? Право, я никогда не думала, что он может оказаться таким болваном; но тогда она, верно, пошла по совсем дурному пути: она пишет, что заняла более высокое положение, а в нынешние времена этого навряд ли добьешься честной службой. Потом она пишет, чтоб я отослала ей ее вещи, как будто я ведаю гардеробом ее милости, и еще поручает мистера Джулиана моим летам и опытности, – подумать только, как будто это ее дело – поручать мне наше сокровище! Да и как она смеет говорить о моих летах... Ужо я отошлю к ней ее лохмотья, чтоб духом ее здесь не пахло!

– Сделайте это учтиво, – сказала леди Певерил, – и пусть Уитекер пошлет ей ее жалованье и, сверх того, еще золотой: она хоть и легкомысленна, но всегда была добра к детям.

– А кое-кто слишком добр к своим слугам, ваша милость, и может избаловать самую лучшую служанку.

– Прежде всего я избаловала тебя, Элзмир, – сказала леди Певерил. – Напиши Деборе, чтоб она поцеловала за меня маленькую Алису и передала майору Бриджнорту, что я желаю ему счастья в этой жизни и блаженства в будущей. – И, не вступая в дальнейшие пререкания, она отпустила экономку.

Когда Элзмир ушла, леди Певерил с чувством сострадания принялась размышлять над письмом майора Бриджнорта, человека, без сомнения, чрезвычайно достойного, но одинокого, подавленного бременем следовавших одна за другою семейных невзгод, а также мрачной и суровой, хотя и искренней набожности. Ее весьма тревожила также мысль о судьбе маленькой Алисы, которой, очевидно, предстояло теперь воспитываться под присмотром такого отца. И все же леди Певерил радовалась отъезду Бриджнорта, ибо, оставаясь в Моултрэсси-Холле, он непременно столкнулся бы с сэром Джеффри, что могло бы вызвать последствия еще более пагубные, чем в последний раз.

Размышляя обо всем этом, леди Певерил поделилась с доктором Даммерером недоумением и досадой по поводу того, что ее старания восстановить мир и согласие между враждебными партиями, как нарочно, всякий раз производили действие, совершенно противоположное желаемому.

– Если б не мое злополучное приглашение, – сокрушалась она, – Бриджнорт не явился бы в замок наутро после праздника, не встретил бы графиню и не навлек на себя гнев моего мужа. И если бы не возвращение короля – событие, которого мы так нетерпеливо ожидали,

ибо оно должно было положить конец всем нашим бедствиям, – ни благородная графиня, ни мы сами не вступили бы на путь новых тревог и опасностей.

– Милостивая государыня, – возразил доктор Даммерер, – когда бы дела мира сего были направляемы исключительно человеческою мудростью или всегда совершались согласно человеческим расчетам, события не зависели бы от времени и обстоятельств, коим подвластны все смертные, ибо тогда в одном случае мы, действуя рассудительно и умело, наверняка достигали бы своих целей, в другом же поступали бы в соответствии с безошибочным предвидением. Но до тех пор, пока человек обретаётся в нашей юдоли слезной, он, так сказать, подобен неискреннему игроку в мяч, который надеется попасть в цель, направляя мяч прямо на нее и не ведая о том, что одна сторона сфероида тяжелее другой, каковое обстоятельство, по всей вероятности, заставит мяч уклониться от прямого пути, а игрока – остаться в проигрыше.

Произнеся эту поучительную сентенцию, доктор взял свою лопатообразную шляпу и отправился на лужайку доигрывать с Уитекером партию в мяч, которая, надо полагать, и внушила ему это весьма замечательное и наглядное уподобление неверности человеческих судеб прихотливым случайностям игры.

Два дня спустя приехал сэр Джефри. Он оставался в Вейл-Ройяле, пока не узнал, что графиня благополучно отплыла на остров Мэн, после чего поспешил домой, к своей Маргарет. По дороге кто-то из спутников рассказал ему о празднике, устроенном ею для соседей по его распоряжению, и сэр Джефри, всегда одобрявший действия своей супруги, невольно вознегодовал, узнав, с какой любезностью она принимала пресвитериан.

– Я б еще принял Бриджнорта, ибо он всегда – до своей последней выходки – вел себя как добрый сосед; я примирился бы с его присутствием, если бы он, как следует верноподданному, выпил за здоровье короля, – сказал рыцарь, – но чтобы этот гнусавый мерзавец Солсгрейс со всей его нищей лопухой паствой устраивал свои тайные моления в доме моего отца, допустить, чтоб они там своевольничали, – нет, я не потерпел бы этого даже во времена их владычества! Даже в дни бедствий они могли проникнуть в замок Мартиндейл только тою дорогой, которую проложила им пушка старого Нола; но чтоб они явились сюда со своими псалмами теперь, после возвращения доброго короля Карла... нет, Маргарет, клянусь честью, ты узнаешь, что я об этом думаю!

Однако, несмотря на все эти гневные посулы, негодование совершенно угасло в груди честного рыцаря, когда он увидел, как его прекрасная супруга обрадовалась его благополучному возвращению. Обнимая и целуя жену, он простил ей все прегрешения, даже не успев их высказать.

– Ты сыграла со мной злую шутку, Мэг, – сказал он, с улыбкой качая головой, – и тебе известно, о чем я говорю; но, зная твою приверженность истинной церкви, я уверен, что ты, как настоящая женщина, просто вообразила, будто нужно поддерживать добрые отношения с этими круглоголовыми мошенниками. Но больше ты так не поступай. Я готов скорее допустить, чтоб замок Мартиндейл снова изрешетили их пушки, чем дружески принять кого-либо из этих мерзавцев, – разумеется, я всегда рад сделать исключение для Ралфа Бриджнорта, если только он возьмется за ум.

Леди Певерил пришлось рассказать мужу о бегстве гувернантки с Алисой и вручить ему письмо Бриджнорта.

– Вот поистине конец, достойный диссидента^[94], женитьба на своей или чужой служанке, – сказал рыцарь. – Впрочем, Дебора недурна собою и, кажется, ей нет еще и тридцати.

– Ай-ай-ай, вы так же злы, как Элзмир, – заметила леди Певерил, – но я думаю, что в нем говорит лишь любовь к дочери.

– Полно! – вскричал рыцарь. – Женщины только и думают, что о детях, но мужчины, дорогая моя, частенько ласкают ребенка, чтобы поцеловать его нянюшку, и я не вижу ничего удивительного или дурного в том, что Бриджнорт женится на этой девице. Отец ее – зажиточ-

ный йомен^[95], их род владеет своей фермой со времен битвы при Босуорте^[96], – полагаю, что такая родословная ничуть не хуже, чем у правнука честерфилдского пивовара. Однако посмотрим, что говорит он сам, – я сразу почую, если в письме есть какие-нибудь туманные намеки на любовь и всякие нежные чувства, хоть это могло укрыться от твоего невинного взгляда, Маргарет.

Рыцарь тут же взялся за письмо, но был весьма удивлен странным слогом, которым оно было написано.

– Никак не пойму, что он там толкует про светильники и про разрушение ограды; разве что он хочет поставить на место большие серебряные подсвечники, которые мой дед заказал для церкви Мартиндейл-Моултрэсси, – эти подлые богохульники, его лопухие дружки, украли их и переплавили. А про разрушения я знаю только то, что они разрушили ограду алтаря (за это многим из них теперь досталось-таки на орехи), да еще содрали медные украшения с гробниц моих предков, и все только из мести. А впрочем, главное ясно: бедняга Бриджнорт собирается отсюда уехать. Очень жаль, хоть я никогда не видался с ним чаще одного раза в день и никогда не сказал больше двух слов зараз. Однако я вижу, в чем тут дело: эта небольшая встряска пришлась ему не по вкусу, а ведь я всего лишь ссадил его с седла, легонечко, так же, как, например, посадил бы в седло тебя, Мэг, и я старался, чтобы ему не было больно, и вовсе не думал, что он такой щекотливый насчет чести и обидится на такие пустяки. Но теперь мне ясно, что его задело; и, ручаясь тебе, я сделаю так, что он останется в Моултрэсси-Холле и возвратит тебе подружку Джулиана. По правде говоря, мне самому грустно, что придется расстаться с девочкой и что теперь, когда погода будет нехороша для охоты, я должен буду проезжать мимо Моултрэсси-Холла, не сказав Бриджнорту ни слова в окошко.

– Я была бы очень рада, если бы вы, сэр Джеффри, примирились с этим достойным человеком, ибо я все же почитаю его таковым, – сказала леди Певерил.

– Если б не его диссидентские бредни, то лучшего соседа и не сыскать, – согласился сэр Джеффри.

– Но я не вижу возможности достигнуть столь желанной цели, – продолжала леди Певерил.

– Просто ты не имеешь никакого понятия об этих делах. Я знаю, на какую ногу он хромает, и ты увидишь, что он будет ходить прямее прежнего.

Благодаря искренней любви и здравому смыслу леди Певерил не меньше всякой другой жительницы графства Дерби пользовалась правом на полную доверенность своего мужа, но, по правде говоря, на этот раз желание проникнуть в замыслы сэра Джеффри было так велико, что даже перешло границы, которые обыкновенно ставило ее любопытству чувство супружеского долга и взаимной привязанности. Она никак не могла взять в толк, почему способ примирения с соседом, который избрал сэр Джеффри (кстати, не слишком тонкий знаток человеческой природы), нужно непременно утаить от нее, и в глубине души беспокоилась, не усугубит ли он их разрыв. Но сэр Джеффри не стал больше слушать вопросов. Длительное командование полком развило в нем вкус к неограниченной власти и в собственном доме, и на все подходы к нему с разных сторон, которые изыскивала его хитроумная супруга, он отвечал только:

– Терпение, милая Маргарет, терпение. Это дело не по твоей части. Когда придет время, ты все узнаешь. Ступай присмотри за Джулианом. Ведь мальчишка-то все ревет и ревет из-за этой маленькой круглоголовой – и как это только он не устанет? Впрочем, дня через два или три Алиса воротится к нам, и снова все пойдет как по маслу.

Не успел добрый рыцарь окончить свою речь, как во дворе послышался рожок почтаря, и принесли большой пакет, адресованный достопочтенному сэру Джеффри Певерилу, мировому судье и прочая, ибо как только власть короля достаточно утвердилась, рыцарь снова сделался должностным лицом. Торопливо распечатав пакет, сэр Джеффри нашел в нем распоряжение, о

котором сам хлопотал, а именно приказ возратить доктору Даммереру приход, из коего тот был изгнан во время мятежа¹².

Едва ли какое-либо иное сообщение могло бы доставить больше удовольствия сэру Джеффри. Он способен был простить любого храброго и дюжего сектанта или раскольника, который доказывал превосходство своего вероисповедания на поле битвы, молотя по шлему и латам самого рыцаря и других кавалеров. Но жажда мести не позволяла ему забыть, как Хью Питерс торжественно входил в его замок через пролом в стене, и, не различая толком всякого рода секты и их вождей, он считал всех, кто поднимался на кафедру без предписания англиканской церкви^[97] (быть может, втайне он делал исключение еще и для римской), возмутителями общественного спокойствия, обольстителями, отвращающими паству от законных ее пастырей, зачинщиками минувшей гражданской войны и вообще людьми, всегда готовыми разжечь новые распри.

С другой стороны, радуясь возможности досадить ненавистному Солсгрейсу, сэр Джеффри предвкушал также удовольствие восстановить в законных правах доктора Даммерера, своего старого друга и товарища по бранным подвигам и забавам, и снова водворить его в уютном и удобном домике приходского священника. Он с торжествующим видом уведомил жену о содержании пакета, и тогда она поняла таинственное место в письме майора Бриджнорта об убранном светильнике и о сгущении мрака в стране. Она объяснила это сэру Джеффри и постаралась внушить ему, что теперь для примирения с соседом достаточно лишь выполнить полученное предписание спокойно, деликатно и без торопливости, всячески щадя чувства Солсгрейса и его паствы. Это, по словам леди Певерил, не нанесет никакого ущерба доктору Даммереру, а, напротив, может даже привлечь к его учению многих прихожан, которые в случае поспешного изгнания любимого проповедника могли бы навсегда отпасть от истинной веры.

Совет этот был равно мудрым и терпимым, и в другое время у сэра Джеффри достало бы благоразумия ему последовать. Но кто может действовать спокойно и хладнокровно в минуту торжества? Отрешение преподобного Солсгрейса совершено было столь скоропалительно, что весьма походило на гонение, хотя суть дела заключалась всего лишь в том, что его предшественник был восстановлен в своих законных правах. Сам Солсгрейс, казалось, изо всех сил старался выставить напоказ свои страдания. Он держался до последней минуты и в то самое воскресенье, когда получил предупреждение об отставке, сделал попытку, как всегда, взойти на кафедру в сопровождении стряпчего майора Бриджнорта, по прозвищу Победоносный, и еще нескольких ревностных последователей.

В ту самую минуту, когда они входили в церковные ворота, через другие ворота на церковный двор торжественно вступила процессия, состоявшая из Певерила Пика, сэра Джаспера Крэнборна и других знатных кавалеров, во главе которых шествовал в полном облачении доктор Даммерер.

Чтобы предотвратить стычку в церкви, причетникам велено было воспрепятствовать дальнейшему продвижению пресвитерианского пастора, в чем они и преуспели, не нанеся ущерба никому, кроме пресвитерианского стряпчего из Честерфилда, которому проломил голову пьяница Роджер Рейн, содержатель таверны «Герб Певерилов».

Не смирясь духом, хотя и вынужденный уступить превосходящей силе, отважный Солсгрейс удалился в свой дом, который под каким-то «законным» предлогом, измышленным мистером Победоносным (в тот день прозвище это оказалось весьма неподходящим), решил самолично оборонять. Он запер на засов ворота, закрыл ставнями окна и, по слухам (впро-

¹² Изгнание пресвитерианских священнослужителей произошло в День святого Варфоломея, который с тех пор называется Черным Варфоломеем. В этот день в Англии сместили и лишили права выступать с речами две тысячи пресвитерианских пасторов. Правда, священники имели возможность отречься от своих принципов или принять некоторые статьи Акта о единообразии. К своей великой чести, Кэлеми, Бэкстер и Рейнолдс сложили с себя епископский сан, а многие другие пресвитерианские проповедники отказались от приходов и иных привилегий, предпочитая обречь себя на лишения. (Примеч. авт.)

чем, ложным), приготовил огнестрельное оружие, дабы оказать сопротивление причетникам. За сим последовал страшный шум и крик, узнав о коих, на поле битвы прибыл сам сэр Джеффри с несколькими вооруженными спутниками; он взломал ворота и двери и, добравшись до кабинета пресвитерианского пастора, обнаружил там гарнизон, состоящий всего лишь из него самого и стряпчего; последние покинули дом, ропща на учиненное над ними насилие.

К этому времени в деревне уже зашевелилась чернь, и сэр Джеффри, побуждаемый как благоразумием, так и добротой, почел своим долгом ради безопасности обоих пленников (ибо их можно было так назвать) проводить их, несмотря на шум и волнение, до аллеи, ведущей в Моултрэсси-Холл, куда они пожелали отправиться.

Между тем отсутствие сэра Джеффри вызвало некоторые беспорядки, которые достойный баронет, будь он на месте, без сомнения, сумел бы предотвратить. Ревностные причетники и их подручные изорвали и разбросали некоторые принадлежащие пастору книги как подстрекающие к мятежу и измене. Немалая толика пасторского эля была выпита за здоровье короля и Певерила Пика. Наконец, ребяташки, имевшие зуб на бывшего пастора за то, что он деспотически запрещал им играть в кегли, в мяч и прочие игры, и, кроме того, помнившие его немилосердно длинные проповеди, напялили его женеvский плащ и шарф, а также шляпу с остроконечной тульей на чучело, торжественно пронесли оное по деревне, после чего сожгли на том самом месте, где прежде возвышался величественный майский шест^[98], который Солсгрейс срубил своей собственной преподобной десницей.

Сэр Джеффри, чрезвычайно всем этим раздосадованный, послал к его преподобию Солсгрейсу с предложением возместить ему убытки, на что кальвинистский священнослужитель ответил:

– Я не приму от тебя ничего – даже нитки от башмачного шнурка, и да падет на твою голову стыд дел твоих!

Все осуждали сэра Джеффри за неприличную строгость и поспешность его действий, и молва, по обыкновению, разукрасила действительные события множеством фантастических измышлений.

Ходили слухи, будто отчаянный кавалер Певерил Пик с отрядом вооруженных людей напал на собрание пресвитериан, занятых мирным богослужением; что многих он убил, а еще большее число тяжело ранил, после чего загнал пастора в его дом, который потом сжег дотла. Некоторые даже утверждали, что священник погиб в огне; согласно же более утешительным слухам, он соорудил перед окном из своего плаща, шляпы и шарфа подобие человеческой фигуры, чтобы все подумали, будто он все еще не может выбраться из горящего дома, сам же выскочил в заднюю дверь и спасся бегством. И хотя мало кто верил, что наш благородный кавалер способен на столь неслыханные жестокости, все же возведенная на него клевета имела весьма серьезные последствия, в чем читатель и убедится из дальнейших глав нашего повествования.

Глава IX

Боссус. Это вызов, сэр, не так ли?

Дворянин. Просто приглашение помериться силами.

«Король и не король»^[99]

Насильственно изгнанный из своего прихода, преподобный Солсгрейс пробыл еще дня два в Моултрэсси-Холле, и его мрачность, естественная в том положении, в каком он оказался, заставила хозяина этого дома погрузиться в еще более глубокое уныние. По утрам отрешенный от должности священник посещал некоторых соседей, которым нравилась его служба в те дни, когда он процветал, и чья благодарность теперь давала ему утешение и поддержку. Он не требовал соболезнований, хотя лишился удобств и достатка и был низведен до положения простолюдина после того, как имел все основания полагать, что не будет уж более подвержен подобным превратностям судьбы. Благочестие его преподобия Солсгрейса было искренним, и, несмотря на неприязнь к другим сектам, порожденную полемическими схватками и взлелеянную гражданской войной, он отличался высоким чувством долга, которое часто облагораживает пылкую веру, и так мало дорожил своей жизнью, что готов был пожертвовать ею в доказательство справедливости своего учения. Однако ему вскоре предстояло оставить округ, которую он почитал вертоградом, вверенным ему Всевышним; он должен был передать свою паству волкам, расстаться со своими единоверцами, подвергнуть новообращенных опасности снова впасть в ложное учение, покинуть колеблющихся, коих его неусыпные заботы могли бы направить на путь истинный. Все эти уже сами по себе достаточные причины скорби, без сомнения, усугублялись естественными чувствами, которые при разлуке с местами, бывшими излюбленным приютом их одиноких раздумий или дружеских бесед, испытывают все люди, а в особенности те, кто по личным склонностям или в силу обстоятельств ограничил свою жизнь и деятельность узкими рамками.

Правда, кое-кто лелеял план, согласно которому его преподобие Солсгрейс должен был возглавить инакомыслящих из числа своих теперешних прихожан, причем его последователи охотно согласились бы положить ему приличное содержание. Однако, хотя Акт о всеобщем единообразии еще не был принят, его ожидали в ближайшем будущем, и все пресвитериане были уверены, что Певерил Пик станет приводить его в исполнение строже, чем кто бы то ни было. Сам Солсгрейс не только опасался за собственную жизнь, – ибо, быть может несколько преувеличивая значение, которое в действительности приписывалось ему и его проповедям, он почитал доброго рыцаря своим смертельным и злейшим врагом, – но и полагал, что отъездом из Дербишира принесет пользу своей церкви.

– Быть может, пастырям менее известным, хотя и более достойным сего имени, дозволено будет собирать свою рассеявшуюся паству в пещерах или в пустынях, и для них остатки винограда Ефрема будут полезнее всего урожая Авиезера^[100], – говорил он. – Но если б я, который столько раз поднимал знамя против сильных мира сего; если бы я, кто, подобно неусыпному стражу на башне, денно и ночью обличал папизм, прелатов и тирана Певерила Пика; если бы я остался здесь, я навлек бы на вас кровавый меч мщения, каковой поразит пастыря и рассеет его овец. Кровопийцы уже учинили надо мною насилие даже на той земле, которую они же сами называют освященной, и вы собственными глазами видели, как проломили голову праведнику, защищавшему меня. И посему я надену свои сандалии, препояшу чресла и отправлюсь в далекую страну, где сообразно велениям долга стану либо действовать, либо страдать, возглашая истину с кафедры или с костра.

Таковы были чувства, которые его преподобие Солсгрейс высказал своим сокрушенным друзьям и которые он более пространно изложил в беседе с майором Бриджнортом, не упустив

случая дружески упрекнуть последнего за поспешность, с какою тот протянул руку помощи жене Амаликовой. При этом он напомнил майору, что тот на время стал ее слугою и рабом, подобно Самсону, обманутому Далилой, и мог бы остаться в доме Дагона^[101] еще долее, если бы Всевышний не указал ему путь из западни.

А в наказание за то, что майор отправился на пир в капище Ваала^[102], он, Солсгрейс, поборник истины, был повержен во прах и покрыт позором от врагов на глазах у толпы.

Заметив, однако, что майор Бриджнорт (который, как и всякий другой, не любил выслушивать напоминания о своих неудачах, особенно если в них обвиняли его самого) несколько обижен, почтенный проповедник осудил самого себя за греховную снисходительность в этом деле; ибо изгнание из своего прихода, истребление своих драгоценнейших богословских книг, потерю своей шляпы, плаща и шарфа, а также двух бочонков лучшего дербиширского эля он почитал справедливым возмездием за злосчастный обед в замке Мартиндейл (ибо согласиться на него, как он сказал, значило взывать о мире, когда нет мира, и жить в шатрах нечестивых^[103]).

Душа майора Бриджнорта была преисполнена благочестия, которому его последние злоключения придали еще больше глубины и мрачности; и потому неудивительно, что, без конца слушая эти доводы из уст весьма им уважаемого священника, ставшего теперь мучеником их общей веры, он начал сам порицать свои поступки и подозревать, что благодарность к леди Певерил и ее доказательства в пользу взаимной терпимости склонили его на дела, противные его религиозным и политическим мнениям.

Однажды утром майор Бриджнорт, утомленный хлопотами об устройстве своих дел, отдыхал в кожаном кресле у окна, что, естественно, напомнило ему прошедшее, а также чувства, с которыми он ожидал ежедневного визита сэра Джеффри, приносившего ему вести о здоровье его дочери.

– Разумеется, не было никакого греха в моей тогдашней доброте к тому человеку, – как бы подумав вслух, произнес он.

Солсгрейс, находившийся тут же, догадался, какие мысли бродят в голове его друга, ибо знал все перипетии его жизни, и проговорил:

– Мы не усматриваем из Писания, что, когда Господь повелел вранам питать Илию, скрывавшегося у потока Хорафа^[104], пророк ласкал нечистых птиц, которых чудо, вопреки их хищной природе, заставило ему служить.

– Быть может, это и так, – возразил Бриджнорт, – но шум их крыльев, наверное, был приятен слуху голодного пророка, как моему слуху приятен был топот копыт лошади сэра Джеффри. Враны, без сомнения, впоследствии вернулись к своей природе; то же случилось и с ним. Однако постойте! – вскричал он, вздрогнув. – Я опять слышу топот копыт его коня.

Услышав конский топот, так редко раздававшийся во дворе этого молчаливого жилища, Бриджнорт и Солсгрейс очень удивились и даже приготовились было услышать какие-нибудь новые вести о притеснениях со стороны правительства, но в эту минуту старый слуга майора (простою обращения почти не уступавший своему хозяину) без всяких церемоний ввел в комнату высокого пожилого джентльмена, чей жилет, плащ, длинные волосы и шляпа с опущенными полями и свисающими перьями обличали в нем кавалера. Он несколько принужденно, но учтиво поклонился обоим джентльменам, объявил себя сэром Джаспером Крэнборном, имеющим к мистеру Ралфу Бриджнорту из Моултрэсси-Холла поручение от своего почтенного друга сэра Джеффри Певерила Пика, и добавил, что желает знать, угодно ли мистеру Бриджнорту выслушать его здесь или в каком-либо другом месте.

– Все, что сэр Джеффри Певерил имеет мне сообщить, можно сказать тотчас и в присутствии моего друга, от которого я ничего не скрываю, – отвечал майор Бриджнорт.

– Присутствие любого иного друга было бы нелишне, а, напротив, весьма желательно, – после минутного колебания сказал сэр Джаспер, глядя на его преподобие Солсгрейса, – но этот джентльмен, сдается мне, принадлежит к духовному званию.

– Я не имею и не желаю иметь никаких тайн, в которые нельзя было бы посвятить духовную особу, – отвечал Бриджнорт.

– Как вам угодно, – возразил сэр Джаспер. – Насколько мне известно, вы весьма удачно избрали себе поверенного, ибо, с вашего позволения, священники ваши никогда не были против дел, о коих я намерен вступить с вами в переговоры.

– Продолжайте, сэр, – сказал майор Бриджнорт с важностью, – и, прошу вас, садитесь, если только вы не предпочитаете стоять.

– Прежде всего я должен выполнить порученное мне небольшое дело, – отвечал сэр Джаспер, приосанившись, – а уж по вашему ответу я увижу, следует или не следует мне сидеть в Моултрэсси-Холле. Мистер Бриджнорт! Сэр Джеффри Певерил тщательно взвесил несчастные обстоятельства, которые в настоящее время нарушили мир между вами. Он помнит много событий в прошлом – я точно повторяю его слова, – которые побуждают его сделать все, что позволит его честь, дабы устранить вашу взаимную неприязнь, и ради этой желанной цели он намерен оказать нам такое снисхождение, какого вы, верно, не ожидали, и потому вам должно быть очень приятно о нем узнать.

– Позвольте мне вам заметить, сэр Джаспер, что в этом нет ни малейшей надобности, – сказал Бриджнорт. – Я не жаловался на сэра Джеффри и не требовал от него никакого удовлетворения. Я намерен покинуть здешние места, и наши с ним дела могут не хуже нас самих уладить другие.

– Одним словом, – сказал священник, – почтенный майор Бриджнорт и так уже довольно имел дело с нечестивыми и впредь не желает ни под каким предлогом водить с ними компанию.

– Джентльмены, – с невозмутимой учтивостью поклонился им сэр Джаспер, – вы глубоко заблуждаетесь насчет смысла моего поручения, и я просил бы вас, прежде чем отвечать на мою речь, дослушать ее до конца. Надеюсь, мистер Бриджнорт, вы помните ваше письмо к леди Певерил, сокращенный список с которого находится здесь, у меня. В этом письме вы жаловались на насилие, учиненное над вами сэром Джеффри, и особенно на то, что он сшиб вас с лошади в ущелье Хартли или неподалеку оттуда. Сэр Джеффри весьма высокого мнения о вас и потому считает, что, если бы не большое различие между его и вашим происхождением и званием, он, конечно, как подобает джентльмену, потребовал бы суда чести, ибо это единственное достойное средство смыть нанесенное оскорбление. И посему он в этой краткой записке великодушно предлагает вам то, чего вы из скромности (ибо ваше смирение он ничему другому приписать не может) не стали от него требовать. Я также привез сведения о длине его шпаги, и, когда вы примете вызов, который я вам теперь вручаю, я готов условиться с вами насчет времени, места и прочих подробностей вашей встречи.

– Что до меня, – торжественно произнес Солсгрейс, – то если злой дух склонит моего друга принять столь кроважное предложение, я первый предам его анафеме.

– Я обращаюсь не к вам, ваше преподобие, – отвечал посланец. – Вполне естественно, что вы более озабочены жизнью своего хозяина, нежели его честью. Я должен узнать от него самого, чему намерен отдать предпочтение он.

С этими словами он любезно поклонился и снова подал вызов майору Бриджнорту. Было совершенно очевидно, что в груди этого джентльмена борются веления мирской чести и религиозных правил; однако последние одержали верх. Он спокойно отстранил от себя бумагу, которую протягивал ему сэр Джаспер, и произнес следующую речь:

– Быть может, вам, сэр Джаспер, неизвестно, что с тех пор, как наше королевство озарилось светом христианства, многие почтенные мужи размышляли о том, можно ли как-либо оправдать пролитие крови ближнего. И хотя это правило, как мне кажется, трудно распространить на нас в годину нынешних испытаний, ибо подобное непротивление, сделавшись всеобщим, предало бы наши гражданские и духовные права на произвол любому дерзкому тирану, который вознамерился бы на них посягнуть, однако же я всегда был и теперь еще склонен огра-

ничить употребление смертоносного оружия лишь необходимой самообороной, независимо от того, идет ли речь о нашей личности или о защите нашего отечества от чужеземного нашествия, об охране нашей собственности, свободы наших законов и нашей совести от всякой незаконной власти. И поскольку я никогда не колебался обнажать свой меч по этим трем причинам, вы должны извинить меня за то, что я оставляю его в ножнах теперь, когда человек, нанеший мне жестокое оскорбление, вызывает меня на поединок либо из ложного понятия о чести, либо, что гораздо вероятнее, просто из самохвальства.

– Я терпеливо выслушал вас, мистер Бриджнорт, – сказал сэр Джаспер, – а теперь не обессудьте, если я буду просить вас хорошенько обдумать это дело. Клянусь небом, сэр, что честь ваша истекает кровью и что, удостоив предложить вам этот справедливый поединок и тем предоставив вам случай залечить ее раны, благородный рыцарь руководствовался глубоким сочувствием к вашему положению и искренним желанием избавить вас от бесчестия. Стоит лишь на несколько минут скрестить ваш клинок с его заслуженной шпагой, и вы либо останетесь жить, либо умрете, как подобает почтенному и благородному джентльмену. К тому же сэр Джефри, по своему высокому фехтовальному искусству и по доброте сердечной, быть может, удовольствуется лишь тем, что обезоружит вас, нанеся вам легкую рану, которая нисколько не повредит вашему здоровью, а, напротив, будет чрезвычайно полезна для вашего доброго имени.

– Сердце же нечестивых жестоко^[105], – многозначительно произнес его преподобие Солсгрейс в виде комментария к весьма патетической речи сэра Джаспера.

– Прошу ваше преподобие впредь не перебивать меня, – сказал сэр Джаспер, – тем более что, по моему мнению, дело это вовсе вас не касается, и прошу вас также позволить мне должным образом исполнить поручение моего достойного друга.

С этими словами он вынул из ножен свою шпагу, продел конец ее под шелковую нитку, которой было перевязано письмо, и еще раз буквально на острие меча любезно протянул его майору Бриджнорту, который снова отстранил от себя послание, хотя краска на лице его показывала, что он делает над собой большое усилие, после чего отступил и отвесил сэру Джасперу Крэнборну низкий поклон.

– Раз так, – заявил сэр Джаспер, – я должен собственноручно распечатать письмо сэра Джефри и прочесть его вам, чтобы до конца исполнить возложенное на меня поручение и доказать вам, мистер Бриджнорт, великодушные намерения сэра Джефри.

– Если содержание письма соответствует тому, что вы сказали, – отвечал майор Бриджнорт, – мне кажется, нет необходимости продолжать эту церемонию, ибо я уже изложил свое мнение.

– И все же, – возразил сэр Джаспер, ломая печать, – и все же я полагаю уместным прочитать вам письмо моего высокочтимого друга.

И он прочитал следующее:

*«Почтенному Ралфу Бриджнорту, эсквайру,
Моултрэсси-Холл, в собственные руки.
Через любезное посредство
высокочтимого сэра Джаспера Крэнборна,
рыцаря из Лонг Мэллингтона.*

Мистер Бриджнорт!

Из вашего письма к любезной супруге нашей, леди Маргарет Певерил, мы заключили, что вы истолковали известные происшествия, случившиеся недавно между нами, в том неблагоприятном смысле, что будто бы ими был некоторым образом нанесен ущерб вашей чести. И хотя вы не сочли приличным обратиться прямо ко мне с просьбой об удовлетворении, которого

один благородный джентльмен вправе требовать от другого, я склонен приписать сие одной лишь скромности, протекающей от неравенства наших званий, а не недостатку храбрости, которую вы до сих пор выказывали, сражаясь, увы, не за правое дело. И потому я намерен через друга моего, сэра Джаспера Крэнборна, назначить вам встречу, дабы совершить то, чего вы, без сомнения, желаете. Сэр Джаспер сообщит вам о длине моего оружия и уладит с вами вопрос о времени и условиях нашей встречи, окончательное решение которого – будь то ранний или поздний час, пешком или верхом, на рапирах или на шпагах – я полностью предоставляю вам, вкупе со всеми остальными преимуществами, принадлежащими лицу, получившему вызов. В случае, если вы не имеете оружия, равного моему, прошу вас незамедлительно уведомить меня о длине и ширине вашего. Не сомневаясь, что исход этой встречи непременно прекратит, так или иначе, всякое неудовольствие между двумя близкими соседями, остаюсь ваш покорнейший слуга
Джеффри Певерил Пик.

*Писано в моем скромном замке Мартиндейл,
... месяца.... дня 1660 года».*

– Засвидетельствуйте сэру Джеффри Певерилу мое почтение, – сказал майор Бриджнорт. – Быть может, его намерения на мой счет и справедливы, – по крайней мере, по его понятиям; но скажите ему, что наша ссора произошла из-за его преднамеренного нападения на меня, и хотя я желаю жить в мире со всеми, однако ж не столько дорожу его дружбой, чтобы нарушить законы Божьи и рисковать быть убитым или стать убийцей с целью приобрести ее вновь. Что же до вас, сэр, то я полагаю, что ваши лета и прежние невзгоды могли бы научить вас, сколь безрассудно брать на себя подобные поручения.

– Я исполню вашу просьбу, мистер Ралф Бриджнорт, – отвечал сэр Джаспер, – после чего постараюсь забыть ваше имя, которое честному человеку неприлично не только что произносить, но даже и помнить. Я выслушал ваш неучтивый совет, так не угодно ли вам, в свою очередь, принять мой, а именно: коль скоро ваша вера не позволяет вам дать удовлетворение джентльмену, вам следовало бы поостеречься говорить ему дерзости.

При этих словах посланник сэра Джеффри окинул презрительным и высокомерным взором сначала майора, затем священника, надел шляпу, вложил в ножны шпагу и вышел из комнаты. Через несколько минут топот копыт его коня затих вдаль.

Когда наступила тишина, Бриджнорт отнял руку, которую приложил ко лбу после его отъезда, и по щеке его скатилась слеза гнева и стыда.

– Он везет этот ответ в замок Мартиндейл, – проговорил он. – Отныне люди будут считать меня человеком побитым и обесчещенным, которого каждый может оскорблять и унижать сколько его душе угодно. Хорошо, что я покидаю дом моего отца.

Его преподобие Солсгрейс подошел к своему другу и с состраданием пожал ему руку.

– Благородный брат мой, – сказал он с несвойственной ему добротой, – хотя я человек мирный, я могу судить, чего стоила эта жертва твоему мужественному сердцу. Но Богу не угодно неполное повиновение. Решившись принести в жертву свои мирские привязанности, мы не должны, подобно Анании и Сапфоре, тайно лелеять какое-нибудь милое нам пристрастие^[106], какой-нибудь любимый грех. Зачем оправдывать себя тем, что мы утаили всего лишь самую малость, если проклятая вещь, хоть и в самомалейшем остатке, по-прежнему спрятана в шатре нашем? Разве ты очистишь себя в своих молитвах, если скажешь: я убил этого человека не ради корысти, подобно разбойнику; не ради власти, подобно тирану; не ради мщения, подобно дикарю, блуждающему во мраке, а затем, что повелительный голос мирской чести сказал мне: «Ступай, убей или пади мертвым – разве не я послал тебя?» Подумай хорошенько, достойный друг мой, как мог бы ты оправдаться подобным образом в своих молитвах, и если

богохульство такой отговорки заставит тебя содрогнуться, возблаговари в молитвах своих Все-вышнего, который дал тебе силу преодолеть столь великое искушение.

– Преподобный друг мой, – отвечал Бриджнорт, – я чувствую, что вы говорите правду. Заповедь, повелевающая племени Адамову терпеливо сносить стыд, горше и тяжелее той, которая предписывает ему храбро сражаться за истину. Но я счастлив, что мне в этой земной юдоли хотя бы некоторое время будет сопутствовать человек, чье рвение и дружба столь твердо поддерживают меня, когда я изнемогаю в дороге.

Пока обитатели Моултрэсси-Холла беседовали таким образом о цели визита сэра Джаспера Крэнборна, этот достойный рыцарь чрезвычайно удивил сэра Джеффри рассказом о приеме его посольства.

– Я почитал его человеком другого разбора, – сказал сэр Джеффри, – и даже готов был бы в этом присягнуть, если бы кто-нибудь спросил мое мнение. Но из свиного уха не сошьешь шелкового кошелька. Вызвав его на поединок, я имел глупость забыть о том, что пресвитерианину никак нельзя сражаться без позволения его пастора. Теперь-то я намотаю это себе на ус. Прочтите им двухчасовую проповедь да позвольте прореветь псалом под музыку, которая хуже воя побитой собаки, и мошенники начнут отвешивать удары направо и налево, как молотильщики на току; но как только речь зайдет о спокойной, хладнокровной схватке врукопашную, как подобает джентльменам и добрым соседям, – нет, на это у них чести неостанет. Впрочем, довольно о нашем лопухом ублюдке соседе. Сэр Джаспер, вы отобедаете с нами и узнаете, какова поварня леди Маргарет, а после обеда я выпущу длиннокрылого сокола. Его привезла из Лондона графиня; она хоть и спешила, но всю дорогу держала его на руке и на время оставила его у меня.

Сэр Джаспер согласился, и вскоре леди Маргарет убедилась, что гнев ее мужа постепенно затихает. Она внимала его ворчанию с тем же чувством, с каким мы, прислушиваясь к последним раскатам грома и глядя на исчезающую за холмом черную тучу, убеждаемся, что опасность грозы миновала. Правда, про себя она невольно подивилась странному способу примирения с соседом, который выбрал ее супруг, преисполненный доброжелательством к майору Бриджнорту и заранее уверенный в успехе, и благодарила Бога, что дело кончилось без кровопролития. Но эти размышления она скрыла в глубине своего сердца, зная, что Певерил Пик никогда не допускал сомнений в его мудрости и не позволял никому противиться его воле.

Повествование наше до сих пор продвигалось вперед очень медленно; но после описанных нами событий в замке Мартиндейл случилось так мало примечательного, что мы лишь бегло упомянем о происшествиях нескольких лет.

Глава X

Клеопатра

*Дай выпить мандрагоры мне...
Хочу проспать тяжёлый срок разлуки...*

«Антоний и Клеопатра»^{13[107]}

После того времени, на котором мы подробно остановились, миновало, как уже упоминалось в конце предыдущей главы, около пяти лет, но о событиях, происшедших за этот срок, можно рассказать всего лишь в нескольких словах. Рыцарь и его супруга по-прежнему жили в своем замке; леди Маргарет терпеливо и разумно старалась исправить ущерб, нанесенный их имени гражданскими войнами, и лишь изредка сердилась, когда ее хозяйственные расчеты расстраивались щедрым гостеприимством сэра Джеффри, который был склонен к этому виду расточительства в силу своей чисто английской сердечности, а также вследствие желания поддерживать честь предков – согласно преданию, их кухня, кладовые и погреб, их жирная говядина и превосходный эль славились ничуть не меньше, чем обширность их владений и число вассалов.

Но как бы то ни было, достойная чета жила в согласии и довольстве. Сэр Джеффри уплатил уже все свои долги, и единственным его кредитором оставался майор Бриджнорт. Леди Маргарет неустанно хлопотала о том, чтобы погасить и это обязательство, но, хотя стряпчему из Честерфилда, по прозвищу Победоносный, исправно вносили проценты, он мог в самое неподходящее время потребовать уплаты основного долга, который был весьма велик. Сам стряпчий ходил с суровым, важным и таинственным видом и, вероятно, все время вспоминал, как ему проломили голову во дворе церкви Мартиндейл-Моултрэсси.

Порою леди Маргарет приходилось самой улаживать с ним дела, и когда он для этого приезжал в замок, его манера и выражение лица казались ей злобными и нелюбезными. Между тем он был не только справедлив, но и великодушен, ибо всякий раз соглашался отсрочить уплату, когда того требовали обстоятельства должника. Леди Певерил полагала, что в этих случаях стряпчий руководствовался строгими приказами своего отсутствующего доверителя, о благополучии которого она невольно тревожилась.

Вскоре после неудачной и странной попытки сэра Джеффри примириться с майором Бриджнортом, вызвав его на поединок, сей последний вверил Моултрэсси-Холл попечениям старой домоправительницы и отбыл неизвестно куда, сопровождаемый своею дочерью Алисой и Деборой Деббич, по всей законной форме вступившей в должность гувернантки, а также его преподобием Солсгрейсом. Ходили слухи, что майор Бриджнорт уехал в отдаленную часть Англии лишь на короткое время, чтобы жениться на Деборе, а затем, дождавшись, когда насмешникам надоест смеяться, водворить ее в качестве хозяйки в Моултрэсси-Холле. Но вскоре эта молва утихла, и все стали говорить, что он уехал за границу для укрепления здоровья маленькой Алисы. Однако когда соседи вспомнили, какую ненависть и отвращение питали к папизму майор и его преподобие Ниимайя Солсгрейс, все единодушно согласились, что они могли ступить на католическую землю лишь в надежде обратить в свою веру самого Папу Римского. Поэтому большинство утвердилось в мнении, что они уехали в Новую Англию^[108] – тогдашнее убежище многих из тех, кого заставило покинуть Британию слишком живое участие в событиях недавнего прошлого или желание пользоваться неограниченной свободой совести.

---

¹³ Перевод А. Соколовского.

Леди Певерил смутно подозревала, что Бриджнорт скрывается гораздо ближе. Образцовый порядок, который поддерживался в Моултрэсси-Холле, казалось – отнюдь не к умалению заслуг домоправительницы госпожи Диккенс и другой челяди, – свидетельствовал о том, что хозяйский глаз близок и что всегда можно ожидать ревизии. Правда, ни слуги, ни стряпчий не отвечали на вопросы касательно местопребывания майора, но их таинственное молчание говорило больше, чем слова.

Спустя пять лет после отъезда Бриджнорта произошел странный случай. Сэр Джеффри уехал на скачки в Честерфилд, а леди Певерил, любившая гулять по окрестностям одна или в сопровождении Элзмир и своего маленького сына, однажды вечером отправилась в одинокую хижину навестить женщину, заболевшую горячкой, судя по некоторым признакам – заразной. Леди Певерил никогда не позволяла соображениям подобного рода препятствовать «богоугодным благотворительным делам», но не хотела подвергать сына и экономку опасности, которой сама не боялась, надеясь, что знает средство ее избежать.

Леди Певерил вышла из замка поздно вечером; хижина оказалась дальше, чем она думала, а кроме того, что-то задержало ее у больной. Когда она собралась идти обратно по пустынным холмам и полянам, отделявшим хижину от замка, наступила ясная лунная ночь. Это не смущало леди Певерил, ибо местность была спокойной и безлюдной, дорога почти все время шла по ее владениям и к тому же ее провожал сын больной, мальчик лет пятнадцати. До замка было больше двух миль, но путь можно было значительно сократить, если идти по аллее через владения Моултрэсси. Выходя из дому, леди Певерил не пошла по этой дороге – не из-за нелепых слухов, утверждавших, будто там водятся привидения, а потому, что муж ее сердился, когда жители замка гуляли по местам, где можно было встретиться с обитателями Моултрэсси. Достоянная леди, очевидно в благодарность за полную свободу, предоставленную ей в более важных семейных делах, взяла себе за правило никогда не противиться причудам и предрассудкам своего мужа – уступка, совершить которую мы искренне советуем всем нашим знакомым дамам, ибо просто удивительно, сколь неограниченную власть мужчины с радостью предоставляют прекрасному полу в обмен на разрешение спокойно и мирно предаваться своим излюбленным занятиям.

Аллея Добби¹⁴ находилась в запретных пределах Моултрэсси-Холла, но леди Маргарет решила на этот раз пойти по ней, чтобы сократить дорогу домой. Однако когда крестьянский мальчик, который провожал ее, весело насвистывая, с садовым ножом в руках и в шапке набекрень, увидел, что она повернула к перелазу, где начиналась аллея Добби, он задрожал от страха и жалобно пролепетал:

– Не ходите туда, миледи, прошу вас, не ходите.

Заметив, что у мальчика стучат зубы, а сам он весь дрожит, леди Певерил вспомнила легенду о первом владельце имения Моултрэсси – пивоваре из Честерфилда, который умер от скуки, порожденной полнейшей праздностью (говорили даже, будто он сам лишил себя жизни), а ныне бродит по этой уединенной аллее со своим любимым безголовым псом. Надеяться на защиту провожатого, охваченного суеверным страхом, было совершенно безнадежно, и леди Певерил, не видя ни малейшей опасности, сочла жестоким тащить за собой пугливого мальчишку. Поэтому она дала ему серебряную монету и отпустила домой. Второе благодеяние, по видимому, было даже приятнее первого, ибо не успела она положить кошелек обратно в карман, как услышала громкий стук деревянных башмаков своего храброго провожатого, убежавшего в ту сторону, откуда они только что пришли.

Посмеявшись про себя над его пустыми страхами, леди Певерил перебралась через перелаз, и вскоре густые ветви высоких вязов, сплетавшихся сводом над старинной аллеей, совершенно закрыли от нее яркий свет луны. Картина располагала к мыслям серьезным и возвы-

¹⁴ Добби – старинное английское наименование лешего. (Примеч. авт.)

шенным, а слабый луч, мерцавший вдали в одном из окон Моултрэсси-Холла, придавал этим мыслям к тому же и оттенок глубокой меланхолии. Леди Певерил подумала о печальной судьбе семьи майора, о покойной миссис Бриджнорт, которая часто гуляла с нею по этой аллее и, будучи женщиной скромной и непритязательной, всегда изъявляла ей почтение и благодарность. Она вспомнила о разбитых надеждах миссис Бриджнорт, о ее безвременной кончине, об отчаянии ее мужа, добровольно обрекшего себя на изгнание, о неопределенной участи ее дочери-сиротки, к которой сама она, несмотря на долгую разлуку, все еще питала материнскую привязанность.

Погруженная в эти печальные размышления, она дошла до середины аллеи, как вдруг в неверном свете луны, пробивавшемся сквозь темный свод ветвей, перед нею возникли смутные очертания человеческой фигуры. Леди Певерил остановилась, но тотчас пошла дальше; из груди ее, быть может, вырвался испуганный вздох – дань суеверию тогдашних времен, но она тут же отбросила мысль о сверхъестественных явлениях, причин же бояться людей у нее не было. В худшем случае она могла встретить какого-нибудь браконьера, который сам постарался бы скрыться от ее взора. Итак, леди Певерил продолжала спокойно идти вперед и вскоре с удовольствием заметила, что человек, как она и ожидала, уступил ей дорогу и скрылся среди деревьев по левую сторону аллеи. Проходя мимо места, где недавно стоял этот ночной путник, леди Певерил подумала, что он должен быть где-то поблизости, и, несмотря на всю свою решительность, прибавила шагу, но так неосторожно, что наткнулась на сук, сломанный бурей и валявшийся поперек аллеи, громко вскрикнула и упала. Она еще больше испугалась, когда чья-то сильная рука помогла ей встать и знакомый, хотя и полузабытый, голос спросил:

– Это вы, леди Певерил?

– Да, – отвечала она, подавляя изумление и страх, – и, если слух меня не обманывает, я говорю с мистером Бриджнортом?

– Таково было мое имя, покуда угнетение не отняло его у меня.

Бриджнорт минуты две молча шел с нею рядом. Желая избавиться от охватившего ее замешательства и вместе с тем узнать о судьбе Алисы, леди Певерил спросила, как здоровье ее крестницы.

– О крестнице, сударыня, мне не известно ничего, ибо это – одно из тех слов, которые были введены для осквернения и извращения законов Божиих, – отвечал майор. – Что же касается малютки, которая своим спасением от болезни и смерти обязана вам, миледи, то она благополучно здравствует, как уведомили меня лица, чьим попечением она вверена, ибо сам я несколько времени ее не видел. Память о вашей доброте и испуг, вызванный вашим падением, побудили меня предстать перед вами в эту минуту и столь неожиданным образом, хотя во всех прочих отношениях это никак не совместимо с моею собственной безопасностью.

– С вашей безопасностью, майор Бриджнорт? Разве вам что-либо угрожает? – воскликнула леди Певерил.

– Стало быть, вам еще предстоит многое узнать, – отвечал майор Бриджнорт. – Завтра вы услышите, почему я не смею открыто появляться в моих собственных владениях и почему было бы неразумно открывать нынешнее место моего пребывания обитателям замка Мартиндейл.

– Мистер Бриджнорт, – проговорила леди Певерил, – в прежние времена вы были благомысленны и осторожны; надеюсь, вы не сделали никаких поспешных заключений, не позволили вовлечь себя в какие-либо дерзкие предприятия; надеюсь...

– Простите, что я перебиваю вас, сударыня, – сказал Бриджнорт. – Да, я поистине изменился, что и говорить; даже сердце в груди моей уже не то. В те времена, о которых миледи считает уместным упомянуть, я был мирской человек, и все мои помыслы, все мои поступки, кроме внешнего соблюдения обрядов, были обращены к миру сему; я мало заботился об обязанностях христианина, чье самоотречение должно простираться настолько далеко, чтобы, отдавая все, он считал, что этого так же мало, как если б он не отдал ничего. И посему все

помышления мои были о мирском – о прибавлении поля к полю и богатства к богатству; о том, чтобы поладить с обеими враждующими сторонами и приобрести друга здесь, не теряя друга там. Но Господь покарал меня за отступничество, тем более непростительное, что я злоупотреблял именем веры как корыстолюбец, ослепленный служением мирской власти. Но я благодарю того, кто наконец вывел меня из земли египетской^[109].

Пылкая вера нередко встречается и в наши дни, но человека, столь неожиданно и открыто признающегося в ней, мы, вероятно, сочли бы лицемером или безумцем. Впрочем, откровенно объяснять свои поступки мнениями, подобными тем, что высказал Бриджнорт, было совершенно в духе того времени. Мудрый Вейн^[110], смелый и ловкий Гаррисон ничуть не скрывали, что их действия внушены таким именно образом мыслей. Вот почему речи майора Бриджнорта скорее опечалили, нежели удивили леди Певерил, и она вполне резонно заключила, что общество, в котором он с некоторых пор вращался, и обстоятельства его жизни раздули искру безумной экзальтации, не угасавшую в его сердце и всегда готовую вспыхнуть ярким пламенем. Последнее было тем более вероятно, что на майора, от природы подверженного меланхолии, судьба обрушила немало ударов, а ведь чем более терпеливо люди переносят эти удары, тем сильнее разгорается их религиозный пыл.

– Надеюсь, ваш образ мыслей не навлек на вас ни подозрений, ни опасностей, – осторожно заметила леди Певерил.

– Подозрений, сударыня? – воскликнул майор. – Я называю вас сударыней, ибо сила привычки заставляет меня употребить один из тех пустых титулов, коими мы, скудельные сосуды, имеем обыкновение в гордыне своей величать друг друга. Я не только нахожусь под подозрением, нет, опасность, угрожающая мне, так велика, что если бы супруг ваш сейчас встретил меня здесь – меня, природного англичанина, стоящего на своей собственной земле, он, без сомнения, постарался бы принести меня в жертву римскому Молоху^[111], который ныне рыщет повсюду в поисках жертв среди людей божиих.

– Ваши выражения удивляют меня, майор Бриджнорт, – сказала леди Певерил и, желая избавиться от его общества, быстро пошла вперед. Но майор тоже прибавил шаг и упорно следовал за нею.

– Ужели вам не известно, что Сатана сошел на землю, пылая злобою, ибо кратко будет его царствование? – сказал он. – Наследник английской короны – известный папист^[112]; и кто, кроме низкопоклонников и льстецов, осмелится утверждать, что человек, носящий ее ныне, с равной готовностью не склонился бы пред Римом, если б не боялся некоторых благородных мужей из палаты общин? Вы этому не верите; и все же во время своих уединенных ночных прогулок, размышляя о вашей доброте к живым и к мертвым, я возносил мольбы о том, чтобы мне дано было средство предостеречь вас, и вот – о чудо! – Господь внял моим молитвам.

– Майор Бриджнорт, – сказала леди Певерил, – вы всегда отличались умеренностью, во всяком случае, сравнительной умеренностью, и любили свою веру, не питая ненависти к чужой.

– Нет нужды вспоминать, каким я был, отравленный ядом горечи и опутанный греховными узами беззакония, – возразил он. – Я был тогда подобен Галлиону^[113], который не заботился о вере. Я был привязан к земным благам, я дорожил мирскою славой и честью, помыслы мои устремлены были к земле, а если я порою и возносил их к Небу, то это были холодные, пустые фарисейские умствования; я не принес на алтарь ничего, кроме соломы и плевел. Господь, наказуя, взыскал меня Своею милостью: я был лишен всего, чем дорожил на земле; моя мирская честь была у меня отнята; подобно изгнаннику, покинул я дом отцов своих, одинокий и несчастный, осмеянный, поруганный и обесчещенный. Но неисповедимы пути Всевышнего. Сими средствами Господь поставил меня поборником истины, готовым презреть свое земное существование ради торжества справедливости. Но не об этом хотел я говорить с вами. Вы спасли земную жизнь моему дитяти, так позвольте же мне спасти вас для вечного блаженства.

Леди Певерил молчала. Они приближались к месту, где аллея выходила на дорогу, или, вернее, на тропинку, которая вилась по неогороженному общинному лугу; по ней леди Певерил должна была идти до поворота к Мартиндейлскому парку. Теперь она думала только о том, как бы поскорее добраться до освещенного луной поля, и, желая избежать задержки, не стала отвечать Бриджнорту. Однако, когда они дошли до перекрестка, майор взял ее за руку и попросил – или, скорее, велел – остановиться. Леди Певерил повиновалась. Он указал на огромный старый дуб, который рос на вершине холма в том месте, где кончалась аллея и начиналось открытое поле. За аллеей ярко светила луна, и в потоке лучей, лившихся на могучее дерево, она ясно увидела, что одна сторона его разбита молнией.

– Помните ли, когда мы в последний раз смотрели с вами на это дерево? – спросил майор. – Я привез вашему мужу из Лондона охранную грамоту комитета^[114], и, подъехав к этому самому месту, где мы сейчас стоим, я встретил вас и мою покойную Алису, а возле вас играли двое... двое моих любимых деток. Я соскочил с лошади. Для нее я был супругом, для них – отцом, для вас – желанным и уважаемым благодетелем. Что я теперь? – Он закрыл лицо рукой и в отчаянии застонал.

При виде такого горя из уст леди Певерил невольно вырвались слова утешения.

– Мистер Бриджнорт, – сказала она, – исповедуя и свято чтя свою веру, я не порицаю чужой и радуюсь, что вы нашли в вашей вере облегчение своих земных горестей. Но разве все христианские религии не учат нас скорбию смягчать сердца наши?

– Да, женщина, подобно тому, как молния, разбившая ствол сего дуба, смягчила его древесину, – сурово возразил ей Бриджнорт. – Нет, опаленное огнем дерево сподручнее для работы; иссохшее и ожесточенное сердце лучше всего выполнит долг, возлагаемый на него нынешним несчастным веком. Ни Бог, ни люди не могут долее терпеть необузданное распутство развратников, глумление нечестивцев, презрение к божественным законам, нарушение прав человеческих. Время требует поборников справедливости и мстителей, и в них не будет недостатка.

– Я не отрицаю существования зла, – нехотя проговорила леди Певерил и снова пошла вперед. – Я также знаю – слава богу, по слухам, а не по наблюдениям – о безудержном распутстве нашего века. Но будем надеяться, что его можно искоренить без тех насильственных мер, на которые вы намекаете. Ведь они привели бы к бедствиям второй гражданской войны, а я надеюсь, что вы не помышляете о таких ужасных средствах.

– Они ужасны, но зато верны, – отвечал Бриджнорт. – Кровь пасхального агнца^[115] обратила в бегство карающего ангела; жертвы, принесенные на гумне Орны, остановили чуму^[116]. Огонь и меч – средства жестокие, но они очищают от скверны.

– Ах, майор Бриджнорт! – воскликнула леди Певерил. – Ужели вы, столь мудрый и умеренный в молодости, могли в преклонных годах усвоить образ мыслей и язык тех, кто, как вы сами убедились, привел себя и отечество наше на край гибели?

– Я не знаю, чем я был тогда, а вы не знаете, что я теперь, – начал было майор, но в эту минуту они вышли на ярко освещенное место, и он внезапно умолк, словно, почувствовав на себе взгляд собеседницы, решил смягчить свой голос и свои выражения.

Теперь, когда леди Певерил смогла ясно разглядеть майора, она убедилась, что он вооружен коротким мечом, а за поясом у него заткнуты пистолеты и кинжал – предосторожность, весьма неожиданная для человека, который прежде очень редко – и то лишь в торжественных случаях – носил легкую шпагу, хотя это и было принято среди джентльменов его круга. Кроме того, выражение лица его, казалось, было исполнено решимости, более суровой, чем обыкновенно; впрочем, оно всегда отличалось скорее мрачностью, нежели любезностью, и леди Певерил, не в силах подавить свои чувства, невольно проговорила:

– Да, майор Бриджнорт, вы и в самом деле переменились.

– Вы видите лишь внешнюю оболочку человека, – возразил он, – внутренняя же перемена еще глубже. Но не о себе хотел я говорить с вами. Я уже сказал, что, коль скоро вы спасли дочь мою от мрака могилы, я хотел бы охранить вашего сына от мрака еще более непроницаемого, который, боюсь, облеет все пути отца его.

– Я не могу слушать таких слов о сэре Джеффри, – отвечала леди Певерил, – и должна теперь проститься с вами; а когда мы снова встретимся при более благоприятном случае, я выслушаю ваши советы насчет Джулиана, хотя, быть может, и не последую им.

– Возможно, что этот случай никогда не наступит, – сказал Бриджнорт. – Время истекает, вечность приближается. Выслушайте меня! Говорят, вы намерены послать юного Джулиана на этот кровавый остров и поручить его воспитание вашей родственнице, жестокосердной убийце человека, более достойного жить в памяти людей, нежели любой из ее прославленных предков. Таковы слухи. Справедливы ли они?

– Я не осуждаю вас за неприязнь к моей кузине Дерби, мистер Бриджнорт, – проговорила леди Певерил. – Равным образом я не оправдываю ее опрометчивых поступков. Несмотря на это, мы думаем, что в ее доме Джулиан сможет совместно с молодым графом Дерби приобрести образование и манеры, приличествующие его положению.

– Вместе с Проклятием неба и благословением Папы Римского, – сказал Бриджнорт. – Неужто вы, сударыня, столь прозорливая в делах житейских, неужто вы так слепы, что не видите, с какой чудовищною быстротой Рим вновь утверждает власть свою в нашей стране, некогда ценнейшей жемчужине в его незаконной тиаре? Стариков совращают золотом, молодых – наслаждениями, слабых духом – лестью, трусов – страхом, а храбрых – честолюбием. Тысячи приманок на любой вкус, и в каждой приманке скрыт все тот же смертоносный крючок.

– Я знаю, что моя кузина – католичка¹⁵, – отвечала леди Певерил, – но сын ее, согласно воле своего покойного отца, воспитан в правилах англиканской церкви.

– Можно ли ожидать, что женщина, которая не боится проливать кровь праведников ни на поле битвы, ни на эшафоте, станет блюсти святость своего обещания, если ее вера предписывает ей его нарушить? А если она даже сдержит свое слово, разве сыну вашему будет лучше оттого, что он погрязнет в болоте вместе со своим отцом? Разве ваши епископальные догматы не тот же папизм? Вся разница лишь в том, что вы поставили на место Папы земного тирана и заменили искаженной обедней на английском языке мессу, которую предшественники ваши читали по-латыни. Но зачем я говорю об этих предметах с женщиной, которая, имея глаза и уши, не может увидеть, услышать и уразуметь того, что одно лишь достойно быть увиденным, услышанным и понятым? Как жаль, что существо столь прекрасное и доброе обречено на слепоту, глухоту и неведение, как и все преходящее на земле!

– Мы не согласимся с вами в этом предмете, – сказала леди Певерил, которая по-прежнему стремилась закончить эту странную беседу, впрочем, едва ли понимая, что именно внушает ей опасения. – Итак, прощайте.

– Оставайтесь на минуту, – отвечал он, снова взяв ее за руку. – Я остановил бы вас, если бы увидел, что вы устремляетесь к краю пропасти, так позвольте же мне отвлечь от вас опасность еще более грозную. Как мне подействовать на ваш неверующий ум? Должен ли я говорить вам, что долг крови, пролитой кровавым родом Дерби, еще не оплачен? Ужели вы пошлете своего сына к тем, с кого он будет взыскан?

– Вы напрасно пугаете меня, мистер Бриджнорт, – возразила леди Певерил. – Как можно еще наказать графиню, если вина за поступок, который я уже назвала опрометчивым, давно искуплена?

---

¹⁵ Мне уже приходилось говорить, что это – отклонение от истины: Шарлотта, графиня Дерби, была гугеноткой. (Примеч. авт.)

– Вы ошибаетесь, – сурово отвечал он. – Неужто вы думаете, что ничтожной суммой денег, растраченных беспутным Карлом, можно расплатиться за смерть такого человека, как Кристиан, человека, равно любезного и земле и Небу? Нет, не такую ценой искупается кровь праведников! Каждый час промедления умножает проценты страшного долга, который однажды будет взыскан с этой кровожадной женщины.

В это время на дороге, где происходил этот необычайный разговор, слышался далекий топот копыт. Бриджнорт с минуту прислушивался, после чего сказал:

– Забудьте, что вы меня видели, не называйте моего имени даже самому близкому и любимому человеку; запечатлейте мои советы в сердце, воспользуйтесь ими, и благо будет вам.

С этими словами он повернулся, пролез через отверстие в изгороди и скрылся в своем собственном лесу.

Топот коней, галопом скакавших по дороге, теперь раздавался совсем близко, и леди Певерил увидела нескольких всадников, чьи силуэты смутно вырисовывались на пригорке, перед которым она стояла. Всадники также ее заметили, и двое из них поскакали вперед с криком: «Стойте! Кто идет?» Тот, кто был впереди, однако же сразу воскликнул: «Клянусь богом, да ведь это ее милость!» – и в ту же минуту леди Певерил узнала в нем одного из своих слуг. В следующую минуту к ней подъехал сэр Джефри со словами:

– Это ты, Маргарет? Почему ты в такой поздний час бродишь так далеко от дома?

Леди Певерил сказала, что ходила навестить больную, но не сочла нужным упомянуть о встрече с майором Бриджнортом, быть может, опасаясь, что муж ее будет недоволен этим происшествием.

– Благотворительность – дело доброе и похвальное, – промолвил сэр Джефри, – но должен сказать, что тебе не пристало, словно знахарке, бежать к любой старухе, у которой начались колики; а особенно ночью, когда в округе так неспокойно.

– Очень жаль, – отвечала леди Певерил, – но для меня это новость.

– Новость? – повторил сэр Джефри. – Дело в том, что круглоголовые вступили в новый заговор – почище, чем заговор Веннера^{16[117]}, и как бы ты думала, кто в нем замешан? Наш сосед Бриджнорт! Его везде ищут, и даю тебе слово, что, если его поймают, он расплатится и за старое.

– В таком случае, я надеюсь, что его не найдут, – заметила леди Певерил.

– Вот как? – удивился сэр Джефри. – Ну а я надеюсь, что найдут непременно, а уж если нет, то не по моей вине, потому что я сейчас еду в Моултрэсси и, как велит мне долг, учиню там строгий обыск. Я не допущу, чтобы изменники и мятежники выкопали себе нору так близко от замка Мартиндейл, и пусть они это запомнят. А вам, сударыня, придется на этот раз обойтись без дамского седла. Сейчас же садитесь на лошадь позади Сондерса, который, как бывало прежде, благополучно доставит вас домой.

Леди Певерил молча повиновалась; по правде говоря, она была так смущена услышанной новостью, что боялась, как бы голос не выдал ее волнения.

Приехав с конюхом в замок, леди Певерил в сильном беспокойстве ожидала возвращения своего супруга. Наконец он воротился – к величайшему ее удовольствию, без пленников. Теперь он никуда не спешил и смог подробнее рассказать ей, что в Честерфилд прибыл от двора курьер с известием о восстании, замышляемом старыми приверженцами республики, особенно военными, и что Бриджнорт – один из главных заговорщиков – будто бы скрывается в Дербишире.

Скоро слухи о заговоре замерли, как и другие слухи тех времен. Предписания об аресте заговорщиков были отменены, но о майоре Бриджнорте больше ничего не было слышно, хотя

---

¹⁶ Знаменитое восстание анабаптистов и приверженцев Пятой империи в Лондоне в 1661 г. (Примеч. авт.)

он, подобно многим, также находившимся под подозрением, мог, по всей вероятности, спокойно выйти из своего убежища.

Около этого же времени леди Певерил, горько плача, рассталась со своим сыном Джулианом, которого, как давно уже было задумано, послали на остров Мэн, дабы он получил там образование вместе с молодым графом Дерби. Правда, у леди Певерил порою мелькало воспоминание о предостережениях Бриджнорта, но его вытесняли мысли о преимуществах, которые покровительство графини Дерби сулило юноше.

План этот оказался во всех отношениях удачным, и, когда Джулиан навещал отчий дом, леди Певерил с радостью замечала, что с каждым годом внешность и манеры его совершенствуются, что он страстно желает приобрести основательные познания и постепенно становится храбрым и обходительным юношей. Вместе с молодым графом Джулиан некоторое время путешествовал по Европе. Это было тем более необходимо, что после бегства на остров Мэн в 1660 году графиня ни разу не посетила Лондон и не была при дворе Карла, предпочитая гордое одиночество в своих владениях.

Последнее обстоятельство в какой-то мере ограничило образование обоих юношей, в остальном настолько блестящее, какое только могли дать им лучшие наставники; однако, хотя молодой граф был гораздо легкомысленнее и ветренее Джулиана, оба в равной мере воспользовались предоставленными им возможностями. Леди Дерби строго запретила сыну, только что вернувшемуся из Европы, являться ко двору Карла. Однако, уже достигнув совершеннолетия, он не счел нужным ей в этом повиноваться и провел некоторое время в Лондоне, насладившись удовольствиями тамошнего веселого двора со всем пылом молодого человека, воспитанного в относительном уединении.

Чтобы умиловить графиню, разгневанную нарушением своего запрета (ибо он по-прежнему питал к ней глубочайшее уважение, в котором был воспитан), лорд Дерби согласился продолжительное время провести с матерью на ее любимом острове, почти совершенно предоставив ей управление оным.

Пока друг его оставался в Лондоне, Джулиан Певерил большей частью жил в замке Мартиндейл, а в ту пору, к коей, спустя много лет, так сказать, *per saltum*¹⁷, подошло наше повествование, оба они гостили в замке Рашин на древнем острове Мэн.

---

¹⁷ Скачком (*лат.*).

Глава XI

*И остров Мэн не вспоминают те,
Кто бороздит моря.*

Коллинз^[118]

В середине семнадцатого века остров Мэн был далеко не таким, каким мы знаем его теперь. Достоинства этого убежища от житейских бурь еще не были открыты, а местное население состояло из людей довольно заурядных. На острове не встречалось ни щеголей, сброшенных фортуной со своих одноколок, ни ловких мошенников и обманутых ими простаков, ни разочарованных спекуляторов, ни разорившихся рудоискателей – словом, никого, с кем стоило бы поговорить. Все общество исчерпывалось аборигенами и несколькими заезжими купцами, торговавшими контрабандой.

Развлечения были редки и однообразны, и молодому графу вскоре наскучили его владения. Сами островитяне тоже стали слишком мудрыми для счастья и утратили вкус к безобидным и несколько ребяческим играм, которыми забавлялись их простодушные предки.

В день первого мая теперь уж больше не происходили шуточные состязания между уходящей королевой Зимой и наступающей Весною; слушатели не приветствовали ни приятную музыку свиты последней, ни режущие ухо звуки, которыми шумно требовала к себе внимания первая. На Рождество уже более не раздавался нестройный звон церковных колоколов. Никто не преследовал и не убивал королька – птицу, охота на которую составляла прежде любимую забаву в сочельник. Партийные раздоры лишили этих простодушных людей доброго нрава, оставив в неприкосновенности их невежество. Даже скачки, которыми обычно увлекаются люди всех званий и сословий, теперь больше не устраивались, ибо никто ими не интересовался.

Каждый из представителей дворянства, раздираемого неведомыми доселе распрями, почитал ниже своего достоинства наслаждаться теми увеселениями, коим предавались сторонники противоположной клики. Все с болью в сердце вспоминали о прошедших днях, когда повсюду царил мир, когда граф Дерби, ныне зверски умерщвленный, собственноручно вручал призы, а казненный мстительной рукою Кристиан на радость толпе подавал знак к открытию конных ристалищ.

* * *

Джулиан сидел в нише окна старинного замка и, скрестив руки и погружившись в глубокое раздумье, созерцал бескрайний простор океана, катившего свои волны к подножию утеса, на котором возвышалось это древнее строение. Граф, охваченный неодолимою скукой, то заглядывал в Гомера, то принимался насвистывать, качаться на стуле или ходить из угла в угол, пока наконец внимание этого молодого человека не привлекло безмятежное спокойствие его товарища.

– Повелитель мужей? – промолвил он, повторяя излюбленный эпитет, которым Гомер характеризует Агамемнона^[119]. – Надеюсь, что у Агамемнона была должность более веселая, чем должность повелителя мужей на Мэне. Великий философ Джулиан, неужто тебя не пробудит даже плоская шутка, касающаяся моего собственного королевского достоинства?

– Желал бы я, чтобы вы более походили на короля острова Мэн, – отвечал Джулиан, пробудившись от своей задумчивости, – тогда вам не было бы так скучно в ваших владениях.

– Как! Свергнуть с трона эту августейшую Семирамиду^[120] – мою матушку, которая с таким удовольствием играет роль королевы, словно она настоящая государыня? Удивляюсь, как ты можешь давать мне подобные советы, – возразил молодой лорд.

– Вы отлично знаете, что ваша матушка была бы счастлива, если б вы хоть сколько-нибудь интересовались делами острова, дорогой мой Дерби.

– Да, разумеется, она позволила бы мне называться королем, но пожелала бы стать вице-королевой и властвовать надо мною. Заставив меня променять столь любезную мне праздность на королевские труды и заботы, она всего лишь приобрела бы еще одного подданного. Нет, Джулиан, она почитает властью право вершить дела этих несчастных островитян, а почитая это властью, находит в сем удовольствие. Я не стану вмешиваться, разве только ей снова вздумается созвать верховный суд. Мне нечем будет заплатить вторичный штраф брату моему – королю Карлу. Впрочем, я забыл, что это – ваше больное место.

– Во всяком случае, это больное место вашей матушки, и я не понимаю, для чего вы об этом говорите, – отвечал Джулиан.

– Что ж, я не питаю предубеждения к этому несчастному Кристиану и даже уважаю его память, хоть и не имею на то столько причин, сколько вы, – сказал граф Дерби. – Я помню, как его вели на казнь. Тогда меня в первый раз в жизни освободили от занятий, и я искренне желал бы, чтобы моя радость по этому поводу была связана с какой-либо другой причиной.

– А я предпочел бы, чтобы вы говорили о каком-нибудь другом предмете, милорд, – отозвался Джулиан.

– Вот так всегда, – отвечал граф. – Стоит мне упомянуть о предмете, который заставляет вас встряхнуться и согревает вашу кровь, холодную, как кровь водяного, – пользуясь сравнением, употребляемым жителями этого благословенного острова, – как вы заставляете меня переменить разговор. Так о чем же нам говорить? О Джулиан, если бы вы не уехали и не погребли себя заживо в замках и пещерах графства Дерби, у нас не было бы недостатка в восхитительных темах. Взять хотя бы театры – труппу короля и труппу герцога. Заведение Людовика^[121] по сравнению с ними просто ничто. Или Ринг в парке – он затмевает даже Корсо в Неаполе; или, наконец, красавицы, которые затмили весь свет!

– Я охотно послушаю ваши рассказы об этих предметах, милорд, – отозвался Джулиан. – Они для меня тем любопытнее, что я очень мало знаю о Лондоне.

– Хорошо, друг мой, но с чего мне начать? С остроумия Бекингема, Сэдли^[122] и Этериджа^[123], с любезности Гарри Джермина^[124], с обходительности герцога Монмута^[125] или с очарования Гамильтон^[126], герцогини Ричмонд^[127], с привлекательности Роксаланы^[128] или с находчивости госпожи Нелли?^[129]

– А что же вы скажете насчет обворожительной леди Синтии?^[130] – спросил Джулиан.

– Клянусь честью, следуя вашему мудрому примеру, я хотел оставить ее для себя, – отвечал граф, – но раз уж вы меня спросили, я должен признаться, что мне нечего о ней сказать; да только я вспоминаю ее во сто крат чаще, нежели всех прочих красавиц, которых я упомянул. А между тем она уступает в красоте самой невзрачной из этих придворных прелестниц, а в остроумии – самой тупой из них, или – что чрезвычайно важно – одета она так же не по моде, как любая скромница. Не знаю, чем она свела меня с ума, разве тем, что она капризнее всех женщин на свете.

– Мне кажется, это не слишком блестящая рекомендация, – заметил Джулиан.

– Не слишком блестящая? И после этого вы называете себя рыболовом? – отвечал граф. – Что, по-вашему, лучше – поймать жалкого сонного пескаря, которого вытаскивают на берег, просто натянув леску, подобно тому как здешние рыбаки тянут на бечеве свои лодки, или вытащить живого лосося, от которого трещит удилище, свистит леса, который потешит вас тысячью хитрых уловок, помучит надеждой и страхом и, задыхаясь, ляжет на берег лишь после того, как вы выказали невероятную ловкость, терпение и проворство? Впрочем, я вижу, что вы

намерены пойти удить рыбу на свой собственный лад. Расшитый камзол сменяется серой курткой – яркие цвета отпугивают рыбу в тихих водах острова Мэн, зато в Лондоне без блестящей приманки вы мало что выудите. Итак, вы отправляетесь? Что ж, желаю удачи. Я предпочитаю лодку – море и ветер надежнее того течения, в которое вы вошли.

– Вы научились так ловко шутить в Лондоне, милорд, – возразил Джулиан. – Но если леди Синтия разделяет мое мнение, вам придется раскаяться. До свидания; желаю вам приятно провести время.

На этом молодые люди расстались; граф отправился в свою увеселительную поездку, а Джулиан, как и предсказывал его друг, переоделся в костюм для рыбной ловли. Шляпа с перьями сменилась серой суконной шапкой, расшитый галунами плащ и камзол – простой курткой и панталонами того же цвета; с удочкой в руках и с плетеной корзинкой за плечами, молодой Певерил оседлал Фею, красивую мэнскую лошадку, и рысью поскакал к одной из живописных речек, которые, спускаясь с гор Кёрк-Мэрлаг, впадают в море.

Добравшись до места, где он намеревался заняться рыбной ловлей, Джулиан пустил лошадь пастись. Привыкнув как собака следовать за хозяином, Фея, наскучив щипать траву в долине, где вилась речка, порою с видом любительницы рыбной ловли приближалась к Джулиану и глазела на трепещущих форелей, которых тот вытаскивал на берег. Однако хозяин Феи в этот день выказал мало терпения, столь необходимого искусному рыболову, и пренебрег советом старика Исаака Уолтона^[131], который рекомендует забрасывать удочку в реку дюйм за дюймом.

Правда, Джулиан опытным глазом рыболова выбирал излюбленные форелью места, где вода, искрясь и пенясь, разбивалась о камни, или, вырвавшись из оута, спокойно текла под нависшим берегом, или же, миновав заводь, небольшими каскадами падала с уступов. Благодаря столь искусному выбору мест для ужения корзина рыболова скоро наполнилась и могла служить доказательством, что занятие это – не просто предлог; тогда Джулиан быстро пошел вверх по течению, то и дело закидывая удочку на случай, если кто-нибудь заметит его с близлежащих холмов.

Речка протекала по небольшой каменистой, но зеленой долине; местность эта была весьма уединенной, хотя слегка протоптанная тропинка говорила о том, что она не совсем необитаема. Продолжая идти по правому берегу речки, Джулиан скоро достиг заросшего густой травой заливного луга, который спускался к самой воде. Вдали на небольшом пригорке стоял старинный, весьма необыкновенного вида дом; со склонов террасами спускался сад, а рядом виднелось возделанное поле. Некогда здесь находилась датская или норвежская крепость, названная Черным Фортом по цвету огромной, поросшей вереском горы, – возвышаясь позади крепости, она ограничивала с одной стороны долину, и в ней скрывался источник, из которого вытекала речка. Но древние стены, сложенные сухой кладкой, давно развалились, и из камня был построен стоявший теперь на этом месте дом – видимо, порожденный фантазией какой-то духовной особы шестнадцатого века, о чем можно было судить по узким, облицованным камнем окошкам, едва пропускавшим свет, а также по нескольким поддерживающим фасад мощным столбам, или колоннам, в которых находились ниши для статуй. Статуи эти кто-то старательно уничтожил, и вместо них в нишах стояли горшки с цветами, колонны же были затейливо украшены различными выющимися растениями. Сад тоже содержался в образцовом порядке, и, хотя место было весьма уединенным, во всем замечалось попечение об удобстве и даже об изяществе, в то время совершенно не свойственных жилищам островитян.

Джулиан чрезвычайно осторожно приблизился к низкому готическому портику, защищавшему вход от ветров, которым дом был открыт вследствие своего расположения, и, подобно колоннам, также заросшему плющом и другими выющимися растениями. Он с большой опаской потянул заменявшее дверной молоток железное кольцо – когда за него дергали, оно заставляло дребезжать зазубренный железный брусок, на котором было подвешено.

Некоторое время никто не отвечал; дом казался совершенно необитаемым. Наконец Джулиан, потеряв терпение, попытался отворить дверь, что ему легко удалось, ибо она запиралась только одною щеколдой. Он прошел маленькую прихожую с низким сводчатым потолком, в конце которой была лестница, отворил дверь в летнюю залу, отделанную черным дубом; всю ее обстановку составляли столы и обитые кожей стулья из этого же дерева. Комната была мрачная – одно из упомянутых нами облицованных камнем решетчатых окошек, к тому же прикрытое длинными гирляндами плюща, пропускало лишь слабый свет.

Над каминной полкой, сделанной из того же черного дуба, которым были обшиты стены, висело единственное украшение залы – портрет офицера в военном уборе времен гражданской войны. Зеленый камзол, тогдашний национальный костюм жителей острова Мэн, выпущенный поверх лат узкий отложной воротник, оранжевый шарф, а главное, коротко стриженные волосы ясно показывали, к которой из великих партий этот офицер принадлежал. Правая рука его покоилась на эфесе сабли, а в левой была небольшая Библия с надписью «In hoc signo»¹⁸. Бледное продолговатое лицо с прекрасными, как у женщины, синими глазами нельзя было назвать неприятным; скорее это были черты, при взгляде на которые мы неизменно заключаем, что перед нами человек, много страдавший и исполненный глубокой грусти. Джулиан Певерил, без сомнения, хорошо знал этот портрет, ибо, окинув его долгим взглядом, он невольно пробормотал: «Чего бы не отдал я за то, чтоб этот человек либо никогда не родился на свет, либо жил и поныне!»

– Что это значит? – вскричала женщина, которая вошла в комнату, когда он произносил эти слова. – Вы здесь, мистер Певерил, несмотря на все мои предостережения? Вы здесь, в доме, где нет хозяев, и к тому же разговариваете сами с собой!

– Да, мисс Дебора, – отвечал Певерил, – как видите, я снова здесь, вопреки всем запретам и опасностям. Где Алиса?

– Там, где вы ее никогда не увидите, мистер Джулиан; уж будьте уверены, – отвечала Дебора, ибо это был не кто иной, как наша почтенная гувернантка. Опустившись в одно из больших кожаных кресел, она, словно знатная дама, принялась обмахиваться носовым платком и сетовать на жару.

Дебора (чье платье свидетельствовало о том, что положение ее значительно изменилось к лучшему, тогда как наружность хранила менее благоприятные следы пронесшихся над ее головою двадцати лет) по своему образу мыслей и манерам осталась почти такой же, как в те дни, когда она ссорилась с экономкой Элзмил в замке Мартиндейл, словом, столь же своенравной, упрямой и кокетливой, хотя и не злой женщиной. На вид ее можно было принять за даму из хорошего общества. Судя по строгому покрою одноцветного платья, она принадлежала к одной из сект, осуждающих чрезмерную пышность одежды; однако никакие правила, будь то даже в монастыре или в обществе квакеров, не могут помешать кокетству, если женщина хочет показать, что она еще сохранила некоторое право на внимание к своей особе. Весь костюм Деборы был рассчитан на то, чтобы возможно лучше оттенить миловидность женщины, лицо которой выражало непринужденность и доброту и которая утверждала, будто ей всего тридцать пять лет, хотя на самом деле была лет на двенадцать – пятнадцать старше.

Джулиан принужден был вытерпеть все ее утомительные и нелепые причуды, со скукой ожидая, пока она почистит свои перышки – откинет локоны на затылок, снова зачесет их на лоб, вдохнет из маленького флакончика нюхательную соль, закроет глаза, как умирающая курица, закатит их на лоб, словно утка во время грозы, и, наконец, истощив все свои *minaudies*¹⁹, удостоит начать беседу.

¹⁸ Под сим знаменем (*лат.*).

¹⁹ Ужимки (*фр.*).

– Эти прогулки сведут меня в могилу, – сказала она, – и все по вашей милости, мистер Джулиан: ведь если б миссис Кристиан узнала, что вы изволите посещать ее племянницу, ручаясь, что нам с мисс Алисой скоро пришлось бы искать себе другое жилище.

– Полно, мисс Дебора, развеселитесь, – отвечал Джулиан, – посудите сами: не вы ли причина нашей дружбы? Не вы ли в первый же день, когда я шел по этой долине со своей удочкой, сказали мне, что были моей няней, а Алиса – подругой моих детских игр? И разве не естественно, что я постарался как можно чаще видеть двух столь любезных мне особ?

– Все так, – подтвердила Дебора, – но я не просила, чтобы вы в нас влюблялись и делали предложение Алисе или мне.

– Должен отдать вам справедливость, Дебора, вы и вправду никогда об этом не просили, но что из того? Такие дела случаются сами собой. Я уверен, что вы пятьдесят раз слышали подобные предложения именно тогда, когда меньше всего их ожидали.

– Фи! Как вам не стыдно, мистер Джулиан, – сказала Дебора, – позвольте вам заметить, что я всегда вела себя так, что лучшие молодые люди не раз задумались бы, что и как сказать, прежде чем явиться ко мне с подобными предложениями.

– Разумеется, мисс Дебора, – продолжал Джулиан, – но ведь не все обладают вашим благородием. Притом Алиса Бриджнорт – ребенок, совершенный ребенок, а ведь известно, что маленьким девочкам делают предложение только в шутку. Полно, я знаю, что вы меня простите. Ведь добрее вас нет женщины в целом свете, и вы же сами тысячу раз говорили, что мы созданы друг для друга.

– Нет, мистер Певерил! Нет, нет и нет! – вскричала Дебора. – Быть может, я сказала, что хорошо бы соединить ваши имения, и, разумеется, коль скоро мои предки испокон веков были йоменами на земле Певерила Пика, мне вполне естественно желать, чтобы эти земли снова обнесли одною изгородью, и, конечно, это могло бы случиться, если б вы женились на Алисе Бриджнорт. Но ведь на свете есть еще рыцарь, ваш батюшка, и миледи, ваша матушка, а потом отец Алисы, помешанный на своей вере, да ее тетка, в вечном трауре по несчастном полковнике Кристиане, и, наконец, еще графиня Дерби, которая расплатится со всеми нами одной монетой, если нам вздумается поступать против ее воли. А кроме всего прочего, вы нарушили обещание, которое дали мисс Алисе, и теперь между нами все кончено, и я думаю, что так тому и следует быть. И мне наверняка давно уже пора было догадаться об этом самой, не дожидаясь напоминаний такого ребенка, как Алиса. Но я слишком добра...

Нет на земле льстеца, равного влюбленному, который хочет добиться своей цели.

– Вы – самое доброе и милое существо на свете, Дебора. Но вы еще не видели колечка, которое я привез вам из Парижа. Нет, я сам надену его на ваш пальчик – ведь я ваш воспитанник, которого вы так любили и о котором так заботились!

Изображая галантного кавалера, он не без труда надел золотое колечко на толстый палец Деборы Деббич. Дебора принадлежала к тому разряду людей, который часто встречается среди простолюдинов как высшего, так и низшего звания. Люди эти, которых нельзя в полном смысле слова назвать взяточниками и мздоимцами, однако же не совсем равнодушны к подачкам, вследствие чего их – хотя они, быть может, сами того не сознают – можно склонить к нарушению долга мелочными знаками внимания, небольшими подарками и пошлыми комплиментами. Дебора долго вертела кольцо на пальце и наконец прошептала:

– Право, мистер Певерил, вам ни в чем нельзя отказать, ведь молодые люди всегда так упрямы! И потому я вам скажу, что мисс Алиса только что воротилась из Кёрк Трох и вместе со мною вошла в дом.

– Почему же вы мне раньше об этом не сказали? – спросил Джулиан, вскакивая с места. – Где, где она?

– Лучше спросите, почему я говорю вам об этом теперь, мистер Джулиан, – отвечала Дебора, – ибо, уверяю вас, она мне это запретила, и я бы вам ничего не сказала, если б не ваш

жалостный вид; но только видеться с вами она не хочет, и меня утешает единственно то, что она сидит в своей спальне, за крепко запертой дубовой дверью. А чтоб я ее обманула – уверяю вас, что дерзкая шалунья иначе это не назовет, – так это никак невозможно.

– Не говорите таких слов, Дебора; пойдите, попробуйте, умолите ее меня выслушать, скажите ей, что у меня была тысяча причин послушаться ее приказа, скажите, что я надеюсь преодолеть все препятствия в замке Мартиндейл.

– Нет, говорю вам, что все будет напрасно, – отвечала гувернантка. – Когда я увидела в прихожей вашу шапку и удочку и сказала: «Он опять здесь», она тотчас взбежала по лестнице, словно молодая лань, и не успела я ее остановить, как уже повернулся ключ в замке и загремела задвижка. Удивляюсь, как вы ничего не слышали.

– Это потому, что я увалень и ротозей и не умею пользоваться теми драгоценными мгновениями, которые моя злосчастная судьба так редко мне дарит. Ну что ж, скажите ей – я ухожу... ухожу навсегда и отправляюсь в такие края, что она уже больше обо мне не услышит, что никто больше не услышит обо мне!

– О господи! – воскликнула Дебора. – Вы только послушайте его речи! Да что же станется с сэром Джеффри, и с вашей матушкой, и со мною, и с графиней, если вы уедете так далеко? И что станется с бедной Алисой? Ведь я готова присягнуть, что она любит вас больше, чем признается, и частенько сидит и смотрит на дорогу, по которой вы ходите на речку, и каждое утро спрашивает меня, хороша ли нынче погода для рыбной ловли. А пока вы ездили на континент, она, можно сказать, ни разу не улыбнулась, разве только, когда получила два прекрасных длинных письма про чужие страны.

– Дружба, мисс Дебора, всего лишь дружба – спокойное, холодное воспоминание о человеке, который с вашего любезного согласия изредка нарушал ваше одиночество рассказами о свете. Правда, однажды я подумал... Но теперь все кончено... Прощайте.

С этими словами Джулиан закрыл лицо одной рукою, протянув другую в знак прощания мисс Деббич, доброе сердце которой не могло вынести его горя.

– Зачем вы так торопитесь? – сказала она. – Я снова поднимусь наверх, расскажу ей про вас и приведу ее сюда, если это будет в моих силах.

Произнося эту речь, она вышла из комнаты и взбежала вверх по лестнице.

Между тем Джулиан Певерил в большом волнении шагал по зале, ожидая успеха посредничества Деборы, которая отсутствовала достаточно долго, чтобы мы успели воротиться назад и вкратце изложить обстоятельства, приведшие его к настоящему положению.

Глава XII

*Увы! Я никогда еще не слышал
И не читал – в истории ли, в сказке ль, –
Чтоб гладким был путь истинной любви.*

«Сон в летнюю ночь»²⁰[132]

Знаменитый отрывок, который мы предпослали этой главе, подобно большей части замечаний того же автора, основан на действительности. В то время, когда любовь зарождается впервые и когда она особенно сильна, редко можно ожидать счастливого ее исхода. Искусственное устройство общества ставит ранним женитьбам множество сложных препятствий, и эти преграды часто оказываются непреодолимыми. Поэтому мало найдется людей, которые бы втайне не вспоминали какую-нибудь пору своей юности, когда искреннее молодое чувство было отвергнуто, обмануто или подавлено неблагоприятными обстоятельствами. Эти маленькие интимные эпизоды прошлого оставляют в каждом сердце отпечаток романтики, не позволяя нам даже в годах зрелых и среди забот равнодушно внимать рассказу об истинной любви.

Джулиан Певерил обратил свои чувства на такой предмет, что не мог не столкнуться со множеством помех, обыкновенно возникающих перед молодыми влюбленными. Впрочем, это было вполне естественно. Дебора Деббич случайно встретила сына своей первой хозяйки, своего первого воспитанника, когда он ловил рыбу в упомянутой нами речке, которая протекала по долине, где она жила с Алисой Бриджнорт. Любопытная гувернантка скоро узнала, кто этот юноша, и, кроме того, что прониклась к нему тем живым интересом, который женщины ее звания обыкновенно испытывают к своим бывшим воспитанникам, еще и обрадовалась случаю поговорить о сэре Джеффри, его супруге, а порою и о лесничем Лансе Утреме.

Конечно, желание отвечать на ее расспросы едва ли заставило бы Джулиана еще раз посетить уединенную долину, но Дебора была не одна. С нею вместе жила прелестная девушка, выросшая в уединении, воспитанная в скромности и непритязательности, которым уединение благоприятствует, но любознательная и живая; улыбаясь от радости, она жадно слушала рассказы юного рыболова, принесенные им из замка или из города.

Джулиан лишь изредка навещался в Черный Форт – тут уж Дебора выказала достаточно благоразумия, а быть может, она просто боялась потерять место, в случае если тайна раскроется. Впрочем, она надеялась на сильную, глубоко укоренившуюся, доходившую чуть ли не до суеверия уверенность майора Бриджнорта, что здоровье его дочери зависит исключительно от попечений женщины, которая научилась у леди Певерил лечить больных, подверженных его семейному недугу. Эту уверенность гувернантка старательно поддерживала, пускаясь на все доступные ее простой душе хитрости, и в разговоре о здоровье своей воспитанницы всегда загадочно намекала на некие таинственные правила, необходимые для того, чтобы сохранить его в теперешнем благоприятном состоянии. Этой уловкой она добилась позволения жить вместе с Алисой в Черном Форте совершенно независимо – майор Бриджнорт сначала хотел, чтобы его дочь и гувернантка оставались под одною крышей с невесткой его покойной жены, вдовой несчастного полковника Кристиана. Но эта дама преждевременно состарилась от горя, и когда майор Бриджнорт ненадолго посетил остров, его легко было убедить, что дом ее в Кёрк Трох – слишком мрачное жилище для его дочери. Дебора, горевшая желанием жить независимо, постаралась утвердить своего хозяина в этом мнении, внушив ему тревогу за здоровье

---

²⁰ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Алисы. Дом в Кёрк Трох, говорила она, со всех сторон открыт шотландским ветрам, которые должны быть очень холодны, ибо дуют из тех краев, где даже в разгар лета не тает снег. Словом, она убедила майора и водворилась полною хозяйкой в Черном Форте, который, как и Кёрк Трох, некогда принадлежал Кристиану, а теперь – его вдове.

Правда, гувернантке было приказано время от времени наведываться со своей воспитанницей в Кёрк Трох и считать себя под надзором и опекой миссис Кристиан. Это подчиненное положение Дебора старалась ослабить тем, что позволяла себе все возможные вольности, без сомнения движимая тем же духом независимости, который в замке Мартиндейл побуждал ее отвергать советы почтенной Элзмир.

Именно эта благородная склонность противиться надзору заставила гувернантку потихоньку приобщить Алису искусствам, на которые суровый дух пуритан непременно наложил бы запрет. Она осмелилась учить свою воспитанницу музыке и даже танцам, и портрет сурового полковника Кристиана дрожал на стене, когда грациозная, как сальфида, Алиса и дородная Дебора проделывали французские *chaussees* и *borees*²¹ под звуки маленькой скрипочки, визжавшей под смычком месье де Пигаля – полуконтрабандиста-полутанцмейстера. Слух об этих богомерзких занятиях достиг ушей вдовы полковника, которая уведомила о них Бриджнорта, чей внезапный приезд на остров доказывал, сколь важной почитал он эту весть. Если бы Дебора выказала слабость, это был бы последний час ее правления. Но она отступила в свою крепость.

– Танцы, – пояснила она, – есть правильное, размеряемое музыкой упражнение, и разум подсказывает, что оно весьма полезно для особы деликатного сложения, тем более что ими можно заниматься, не выходя из дома и при любой погоде.

Увидев, что Бриджнорт слушает, мрачно нахмутив брови, Дебора, недурно игравшая на виоле, для доказательства своей теории начала наигрывать рондо Селенджера и велела Алисе станцевать старинный английский танец. Пока четырнадцатилетняя девочка, смущенно улыбаясь, грациозно двигалась под музыку, взор отца неотрывно следил за ее легкой поступью и с радостью замечал покрывший ее щеки румянец. Когда танец кончился, Бриджнорт прижал дочь к груди, любящей отцовской рукою пригладил растрепавшиеся локоны, улыбнулся, поцеловал ее и уехал, ни единым словом не обмолвившись о запрещении танцев. Он не рассказал миссис Кристиан о своем посещении Черного Форта, но та скоро узнала об этом – при первом же визите торжествующей Деборы.

– Прекрасно, – сказала строгая старая дама. – Мой брат Бриджнорт позволил тебе сделать из Алисы Иродиаду^[133] и обучить ее танцам. Теперь тебе остается только выбрать ей супруга. Я не стану больше вмешиваться в ваши дела.

Надо сказать, что в этом случае победа госпожи Деборы – или, вернее, госпожи Природы – имела последствия более важные, чем первая осмеливалась ожидать, ибо с этих пор миссис Кристиан, хоть и продолжала со всею учтивостью принимать визиты гувернантки и ее воспитанницы, была настолько обижена неудачным исходом своей жалобы на чудовищное преступление племянницы, которая танцевала под скрипочку, что совершенно отказалась от участия в ее делах и предоставила Деборе Деббич и Алисе полную свободу в занятиях и в хозяйстве, коими прежде живо интересовалась.

Этой независимостью они и пользовались в ту пору, когда Джулиан в первый раз посетил их жилище; и Дебора приглашала юношу особенно охотно, ибо считала его именно тем человеком, знакомства которого с Алисой миссис Кристиан менее всего могла бы желать, – в этом случае, как и во всех остальных, счастливый дух противоречия вытеснил у Деборы все соображения о приличиях. Впрочем, гувернантка приняла некоторые меры предосторожности. Она знала, что ей следует опасаться не только возможного пробуждения участия и любо-

²¹ Танцевальные па (*фр.*).

пытства миссис Кристиан, но также неожиданных визитов майора Бриджнорта, который раз в год непременно появлялся в Черном Форте, когда его меньше всего там ожидали, и проводил в доме несколько дней. Поэтому Дебора потребовала, чтобы Джулиан навещал их лишь изредка, чтобы в присутствии двух невежественных девушек и парня – жителей Мэна, – составлявших ее прислугу, он выдавал себя за ее родственника, а также, чтобы он всегда приходил в костюме для рыбной ловли из простого лаутана – местной шерстяной ткани цвета буйволовой кожи, которая не поддается крашению. Она надеялась, что благодаря этому его близкое знакомство с обитателями Черного Форта останется совершенно незамеченным и не внушит никому подозрений, тогда как ее воспитаннице и ей самой оно доставит большое удовольствие.

В начале их знакомства, пока Джулиан был всего лишь мальчиком, а Алиса девочкой года на два или на три его моложе, дело именно так и шло. Однако когда мальчик превратился в юношу, а девочка – в молодую девушку, даже Дебора поняла, что их постоянные встречи могут стать опасными. При первом же удобном случае она поведала Джулиану, кто такая мисс Бриджнорт и что послужило причиной раздора между их отцами. Джулиан с удивлением выслушал рассказ о семейной вражде, ибо он бывал в замке Мартиндейл редко и при нем об этой распри никогда не упоминали. Искра, зароненная в сердце юноши этой удивительной историей, воспламенила его воображение, и, вместо того чтобы последовать увещаниям Деборы и постепенно отдалиться от прекрасной обительницы Черного Форта, он объявил, что в своей случайной встрече с нею видит знак свыше, что Алиса и он назначены друг для друга, несмотря на все препятствия, которые могут поставить между ними страсти и предрассудки. Ведь они были друзьями детства, и Джулиан вспомнил, как совсем еще маленьким мальчиком плакал по своей подруге, которую ему суждено было встретить снова прелестной девушкой в чуждой им обоим стране.

Дебора очень смутилась оттого, что ее рассказы раздули пламя любви, которое они, по ее расчетам, должны были погасить. Она не могла противиться страстным объяснениям, хотя бы они относились не к ней, а к другой особе. Гувернантка начала жаловаться, удивляться, потом расплакалась и, наконец, объявила, что Джулиан может продолжать свои визиты в Черный Форт, но при условии, что будет говорить с Алисой только как друг – она ни за что на свете не позволит чего-либо иного. Однако Дебора была не настолько глупа, чтобы не иметь своего суждения насчет будущего этой юной пары, ибо Провидение, конечно, назначило им соединиться, равно как и имениям Мартиндейл и Моултрэсси.

Далее следовала длинная цепь размышлений. Мартиндейл нуждается лишь в небольшой починке, чтобы сравняться с замком Четсуорт. Моултрэсси-Холл пускай себе разрушается, или лучше, когда пробьет час сэра Джеффри (ведь добрый рыцарь изрядно-таки понюхал пороху и теперь, наверное, совсем одряхлел), туда сможет удалиться его вдова, леди Певерил, вместе с Элмиром, между тем как мисс Дебора Деббич (императрица кладовой и королева буфетной) станет полновластной управительницей в замке и, быть может, возложит супружеский венец на голову Ланса Утрема, если он не слишком состарился, не слишком разжирел и не слишком пристрастился к элю.

Под влиянием этих утешительных видений гувернантка смотрела сквозь пальцы на привязанность, которая также навевала приятные грезы – хоть и совершенно иного рода – ее воспитаннице и гостю.

Юный рыболов посещал Черный Форт все чаще и чаще, и смущенная Дебора, предвидя опасности, грозящие им в случае раскрытия тайны, а также боясь, что Джулиан объяснится с Алисой и тем сделает их отношения еще более щекотливыми, была, однако же, совершенно покорена воодушевлением молодого влюбленного и вынуждена предоставить события их естественному ходу.

Отъезд Джулиана на континент прервал встречи молодых людей в Черном Форте и, рассеяв страхи старшей его обительницы, заставил младшую погрузиться в горестное уныние,

которое во время ближайшего визита Бриджнорта на остров Мэн возобновило его опасения за здоровье дочери.

Дебора обещала ему, что на следующее утро девушка повеселеет. Так оно и случилось. У Деборы некоторое время хранилось письмо, которое Джулиан прислал своей юной подруге. Гувернантка боялась передать Алисе это любовное послание, но, подобно тому как это было в случае с танцами, сочла полезным употребить его вместо лекарства.

Это средство произвело желаемое действие, и на другой день поутру щеки молодой девушки порозовели, а отец ее так обрадовался, что перед отъездом вручил Деборе свой кошелек, умоляя ничего не жалеть для благополучия Алисы и своего собственного, добавив, что совершенно ей доверяет.

Эти знаки щедрости и доверия от человека столь сдержанного и осторожного, как майор Бриджнорт, пробудили надежды Деборы, и, набравшись храбрости, она не только передала юной леди второе письмо Джулиана, но после его возвращения смелее прежнего стала поощрять встречи влюбленных.

Наконец, несмотря на все предосторожности Джулиана, молодой граф заподозрил неладное в его чрезмерном увлечении рыбной ловлей, да и сам Певерил, теперь более искушенный в обычаях света, понял, что его постоянные встречи и прогулки с такой молодой и прелестной девушкой, как Алиса, могут не только раньше времени открыть его любовь, но и повредить доброму имени его возлюбленной.

Проникнувшись этим убеждением, он дольше обыкновенного не приходил в Черный Форт. Однако в следующий раз, когда он позволил себе удовольствие провести часок в доме, в котором с радостью остался бы навсегда, перемена в обращении Алисы и тон ее речи, который, казалось, укорял его за невнимание, поразили его в самое сердце и лишили власти над собой. Достаточно было всего лишь нескольких страстных выражений, чтобы открыть Алисе чувства юноши и объяснить ей истинную природу ее собственных. Она долго плакала, но в слезах ее была не только горечь. Молча выслушала она прерываемый частыми восклицаниями рассказ о причинах раздора между их семействами, – ведь до сих пор она знала только, что мистер Певерил принадлежал к свите знаменитой графини, повелительницы острова Мэн, и потому должен был с осторожностью навещать родственницу несчастного полковника Кристиана. Но когда Джулиан заключил свой рассказ горячими уверениями в вечной любви, она воскликнула:

– О мой бедный отец! Вот к чему привели все твои старания! Как смеет сын того, кто опозорил и изгнал тебя, говорить такие слова твоей дочери?

– Вы заблуждаетесь, Алиса, вы заблуждаетесь! – горячо возразил Джулиан. – Разве то, что я держу перед вами такие речи; что сын Певерила говорит подобным образом с дочерью Бриджнорта; что он на коленях молит простить обиды, нанесенные в дни нашего детства, – разве это не знак воли Божией, порешившей, что наша привязанность должна погасить вражду наших родителей? Разве иначе дети, разлучившиеся на холмах графства Дерби, встретились бы теперь в долинах острова Мэн?

Алиса – хотя такого рода сцена и, главное, ее собственные чувства были ей внове – была в высшей степени одарена тонкой чувствительностью, которая свойственна сердцу женщины и всегда подсказывает ей, что в подобных обстоятельствах может быть – пусть даже и в малейшей степени – неприличным.

– Встаньте, мистер Певерил, – сказала она, – не будьте столь несправедливы к себе и ко мне. Мы оба виноваты, но я совершила ошибку по незнанию. О боже! Бедный мой отец так нуждается в утешении. Неужто я должна прибавлять ему горя? Встаньте! – повторила она более твердым голосом. – Если вы еще останетесь в столь неуместной позе, я вынуждена буду уйти и вы меня никогда больше не увидите.

Повелительный голос Алисы усмирил пылкого влюбленного; он встал, уселся в некотором отдалении и хотел было заговорить снова.

– Джулиан, – промолвила она более мягко, – вы уже сказали достаточно, более чем достаточно. Ах, зачем вы помешали мне предаваться сладким грезам, в которых я могла бы слушать вас вечно! Но час пробуждения настал.

Певерил ждал дальнейших ее слов, как преступник ждет приговора. Он понимал, что ответ, произнесенный не без чувства, но с твердостью и решимостью, не следует прерывать.

– Да, мы были виноваты, – повторила Алиса, – очень виноваты, и если теперь мы разлучимся навеки, боль будет лишь справедливым наказанием за нашу вину. Лучше бы мы никогда не встречались, но раз уж мы встретились, мы должны как можно скорее расстаться. Продолжение наших встреч может лишь удвоить боль разлуки. Прощайте, Джулиан, и забудьте, что мы знали друг друга!

– Забыть! – воскликнул Джулиан. – Никогда, никогда! Вам легко так говорить и думать. Для меня это слово и эта мысль убийственны. Почему вы не верите, что наша дружба сможет примирить наших отцов? Ведь тому есть множество примеров. Вы – моя единственная подруга. Я – тот единственный человек, которого назначило вам Небо. Неужели нас должны разлучить ошибки, совершенные другими, когда мы были еще детьми?

– Слова ваши напрасны, Джулиан, – отвечала Алиса. – Мне жаль вас; быть может, мне жаль и себя; сказать по правде, мне следовало бы больше жалеть себя: новые страны и новые лица скоро заставят вас забыть обо мне, а я, в своем уединении, могу ли я забыть? Но не об этом сейчас речь – я готова покориться своему жребию, а он велит нам расстаться.

– Выслушайте меня, – сказал Певерил. – Наша беда не может, не должна быть непоправимой. Я поеду к отцу, я употреблю ходатайство матери, которой он ни в чем не откажет, и я добьюсь их согласия. Я их единственный сын, и они должны либо согласиться, либо потерять меня навсегда. Скажите, Алиса, если я привезу вам благословение моих родителей, неужели и тогда вы повторите так печально, и трогательно, и в то же время так решительно: «Джулиан, мы должны расстаться»?

Она молчала.

– Жестокая Алиса, неужто вы не удостоите меня ответом? – спросил юноша.

– Нет нужды отвечать тем, кто говорит во сне, – сказала Алиса. – Вы спрашиваете меня, как я поступлю, если свершится невозможное. Кто дал вам право делать такие предположения и задавать подобные вопросы?

– Надежда, Алиса, надежда, – отвечал Джулиан, – последняя опора несчастных; даже у вас не хватит жестокости лишить меня ее. Среди всех трудностей, сомнений и опасностей надежда будет бороться, даже если она не может победить. Скажите мне еще раз, если я приду к вам от имени моего отца, от имени матери, которой вы до некоторой степени обязаны своей жизнью, – каков будет ваш ответ?

– Я посоветую вам обратиться к моему отцу, – отвечала Алиса, покраснев и опустив глаза; но тотчас же, подняв их снова, она еще более печальным и твердым голосом повторила: – Да, Джулиан, я посоветую вам обратиться к моему отцу, и тогда вы убедитесь, что надежда, ваш кормчий, обманула вас и что вы избежали песчаной отмели лишь для того, чтобы разбиться о гранитные скалы.

– Я испытаю все возможное! – сказал Джулиан. – Мне кажется, я смогу убедить вашего отца, что в глазах света наш союз не может быть нежелательным. Мое семейство обладает состоянием, высоким званием и знатным происхождением – всем, чего каждый отец желает для своей дочери.

– Все это ни к чему не поведет, – возразила Алиса. – Мысли моего отца заняты предметами мира иного, и если он даже выслушает вас, то лишь для того, чтобы отвергнуть ваше предложение.

– Вы не знаете, Алиса, вы этого не знаете, – сказал Джулиан, – огонь плавит железо; неужто сердце вашего отца столь жестоко, а предубеждения столь сильны, что я не могу найти

какого-либо средства их смягчить? Не запрещайте мне, о, не запрещайте мне хотя бы попытаться!

– Я могу только советовать, – отвечала Алиса, – я ничего не могу вам запретить, ибо это предполагает право требовать повиновения. Но если вы благоразумны, послушайтесь меня: сейчас на этом самом месте мы должны расстаться навеки!

– Нет, клянусь небом! – вскричал Джулиан, чей решительный и смелый нрав ни в чем не позволял ему видеть препятствий. – Конечно, мы теперь расстанемся, но лишь для того, чтобы я мог возвратиться с благословением моих родителей. Они хотят, чтобы я женился, – в своих последних письмах они на этом настаивали; что ж, я готов. А такая невеста, какую я им представлю, еще ни разу не украшала их дом со времен Вильгельма Завоевателя. До свидания, Алиса! До скорого свидания!

– Прощайте, Джулиан! Прощайте навеки! – отвечала девушка.

* * *

Через неделю после этой беседы Джулиан приехал в замок Мартиндейл с намерением открыть свои планы родителям. Однако решить задачу, легкую издали, по ближайшем рассмотрении часто оказывается столь же трудным, сколь перейти вброд реку, которую издали можно было принять за ручеек. Случаев коснуться этого предмета было достаточно, ибо при первой же прогулке верхом отец заговорил о его женитьбе и великодушно позволил ему самому выбрать себе невесту; правда, под строжайшим условием, чтобы она принадлежала к верно-подданному и почтенному семейству.

– Если она богата – тем лучше, ну а если бедна – что ж, от нашего имения еще кое-что осталось, а нам с Маргарет не много надо, лишь бы вы, молодые люди, могли получить свою долю. Я нынче стал бережлив, Джулиан. Видишь, на какой жалкой гэллоуэйской лошаденке я теперь езжу, не то что мой старый Черный Гастингс, у которого был только один порок – он всякий раз сворачивал на дорогу к Моултрэсси-Холлу.

– Разве это такой уж страшный порок? – спросил Джулиан с притворным равнодушием, хотя сердце его, как ему казалось, трепетало чуть ли не в самом горле.

– Он напоминал мне об этом низком, бесчестном пресвитерианине Бриджнорте, – сказал сэр Джеффри, – а по мне, уж лучше думать о жабе; говорят, он сделался индипендентом, то есть совершенным мерзавцем. Знаешь, Джулиан, я прогнал пастуха за то, что он рвал орехи в его лесу, и готов повесить любую собаку, которая поймает там зайца. Но что это с тобою? Ты побледнел.

Джулиан нашел какую-то отговорку, но слова и голос сэра Джеффри слишком ясно дали ему понять, что его предубеждение против отца Алисы глубоко и неискоренимо, как это часто бывает с сельскими джентльменами, которые от нечего делать весьма склонны всячески раздувать и растравлять мелкие обиды, нанесенные им ближайшими соседями.

В тот же день он как бы нечаянно заговорил с матерью о Бриджнорте. Однако леди Певерил сразу же взмолилась, чтобы он никогда не упоминал этого имени, особенно при отце.

– Разве этот майор Бриджнорт, о котором я столько слышал, был таким уж дурным соседом? – спросил Джулиан.

– Я этого не говорю, – отвечала леди Певерил, – напротив, в прежние тяжелые времена он не раз делал нам одолжения, но он поссорился с твоим отцом, и малейший намек на него необычайно раздражает сэра Джеффри, а теперь, когда его здоровье несколько расстроилось, я порою начинаю даже тревожиться. Поэтому, дорогой Джулиан, ради бога, избегай разговоров о Моултрэсси и его обитателях.

Это серьезное предостережение совершенно убедило Джулиана, что раскрыть свое тайное намерение значило бы наверняка его погубить, и он в отчаянии вернулся на остров Мэн.

Несмотря на это, он осмелился воспользоваться случившимся для того, чтобы еще раз попросить свидания с Алисой и рассказать ей о своей беседе с родителями. Это удалось ему с большим трудом, и Алиса высказала большое неудовольствие, когда из пространных речей, произнесенных с чрезвычайно значительным и важным видом, она узнала только, что леди Певерил сохраняет хорошее мнение о майоре Бриджнорте – известие, которое Джулиан из всех сил старался истолковать как предзнаменование их будущего примирения.

– Я не думала, что вы станете так обманывать меня, мистер Певерил, – произнесла Алиса с видом оскорбленного достоинства, – но впредь я постараюсь оградить себя от подобных вторжений. Надеюсь больше не видеть вас в Черном Форте, а вас, уважаемая мисс Деббич, убедительно прошу не поощрять и не допускать визитов этого джентльмена; в противном случае я принуждена буду просить мою тетюшку и моего отца приискать мне другое жилище и, быть может, другую, более осмотрительную компаньонку.

Последний намек так напугал Дебору, что она вместе со своей воспитанницей принялась настоятельно требовать, чтобы Джулиан немедленно ушел, и он был вынужден повиноваться. Однако нелегко подавить решимость юного влюбленного, и Джулиан, после тщетных попыток забыть свою неблагодарную возлюбленную – попыток, от которых страсть его лишь разгорелась с новой силой, в конце концов явился в Черный Форт с визитом, начало которого мы описали в предыдущей главе.

Итак, мы оставили Певерила в тревоге и даже в страхе ожидающим свидания с Алисой; волнение его было так сильно, что, когда он ходил взад и вперед по комнате, ему казалось, будто печальные синие глаза с портрета Кристиана следуют за ним всюду, куда бы он ни пошел, своим неподвижным, холодным и зловещим взглядом предвещая горе и неудачу врагу всего семейства казненного.

Но вот наконец дверь отворилась, и эти видения рассеялись.

Глава XIII

*Из кремня у родителей сердца!
Их не смягчают слезы.*

Отвэй^[134]

Медленными и спокойными шагами вошла Алиса в гостиную, где нетерпеливый возлюбленный уже давно ее ожидал. Она была одета с особой аккуратностью, которая еще более оттеняла пуританскую простоту ее платья и показалась Джулиану дурным предзнаменованием; ибо хотя время, затраченное на туалет, во многих случаях доказывает, что женщина хочет предстать на свидании в наиболее выгодном свете, чрезмерная скромность одежды весьма тесно связана с чопорностью и предвзятым решением выказать поклоннику одну лишь холодную учтивость.

Темное платье с длинными рукавами, высокий воротник и плотно прилегающий вязаный чепец, тщательно закрывавший пышные темно-каштановые волосы, совершенно обезобразили бы девушку менее изящную, чем Алиса Бриджнорт, но тонкая и стройная фигура, хотя и лишенная еще той округлости линий, которая придает законченность и совершенство женской красоте, скрашивала этот непритязательный наряд, придавая ему даже некоторую изысканность. Ясное светлое личико с карими глазами и белой как мрамор кожей не отличалось такой же правильностью, как фигура, и могло бы легко подвергнуться критике. Но в веселости Алисы было столько живости и одухотворенности, а в задумчивости ее столько глубокого чувства, что когда девушка беседовала со своими немногочисленными знакомыми, ее манеры, выражение лица и речи так пленяли и трогали своим простодушием и чистотой, что самые блестящие красавицы в ее обществе могли бы проиграть. Поэтому нет ничего удивительного, что эти чары, а также тайна, окутывавшая его дружбу с Алисой, заставили пылкого Джулиана предпочесть затворницу Черного Форта всем прочим дамам, с которыми он познакомился в свете.

Когда Алиса вошла в комнату, сердце его сильно забилося, и он с глубоким смирением смотрел на нее, даже не пытаясь заговорить.

– Это насмешка, мистер Певерил, и насмешка жестокая, – сказала Алиса, стараясь говорить твердо, хотя голос ее слегка дрожал. – Вы являетесь в дом, где живут только две женщины, слишком скромные, чтобы приказать вам удалиться, слишком слабые, чтобы вас прогнать; являетесь, несмотря на мои убедительные просьбы – в ущерб вашему времени и, боюсь, моей репутации; вы злоупотребляете своим влиянием на простодушную особу, попечением которой я вверена, и, поступая таким образом, надеетесь загладить свою вину почтительными поклонами и принужденной любезностью! Ужели это благородно? Ужели это справедливо? Ужели, – добавила она, с минутой колебавшись, – ужели это хорошо?

Последние слова, произнесенные дрожащим голосом, в котором слышался нежный укор, поразили Джулиана в самое сердце.

– Если есть способ, которым я с опасностью для жизни мог бы доказать вам свое почтение, преданность и нежность, Алиса, – проговорил он, – опасность эта была бы для меня дороже всякого наслаждения.

– Вы часто говорили такие слова, – отвечала Алиса, – но я не должна и не хочу их слушать. Я ничего от вас не требую – у меня нет врагов, я не нуждаюсь в защите и, видит Бог, не хочу подвергать вас опасностям. Опасность может возникнуть лишь от ваших визитов в этот дом. Вам достаточно усмирить свой необузданный нрав, обратить свои мысли и внимание на

другой предмет, и мне больше нечего будет требовать и желать. Призовите на помощь рассудок, подумайте, какой вред вы причиняете самому себе, как несправедливо поступаете с нами, и позвольте мне еще раз попросить вас не приходить сюда до тех пор... до тех пор...

Она остановилась в нерешительности, и Джулиан с живостью прервал ее:

– До каких пор, Алиса? Осудите меня на любую разлуку, какой требует ваша суровость, но только не на вечную. Скажите мне: уйди на много лет, но воротись, когда эти годы пройдут, и, как бы медленно и тоскливо ни тянулись они, все же мысль, что когда-нибудь им наступит конец, поможет мне пережить это время. Умоляю вас, Алиса, назначьте этот срок, скажите, до каких пор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Роман «Певерил Пик» вышел из печати в январе 1823 года. События, о которых в нем идет речь, развертываются в Англии и отчасти на острове Мэн в эпоху реставрации Стюартов, начиная с момента вступления на престол Карла II весной 1660 года и кончая так называемым папистским (то есть католическим) заговором почти двадцать лет спустя. Именно этот заговор оказался главным эпизодом романа. В нем соединяются в конце концов все нити повествования; он втягивает в свой зловеющий круг всех действующих лиц, определяя в той или иной мере судьбу каждого из них.

2.

...Фальстаф мечтал быть выпотрошенным, что обещал ему после битвы при Шрусбери... принц Уэльский... – Слова из хроники «Генрих IV» (ч. I, акт V, сц. 4). При Шрусбери (1403 г.) происходило решающее сражение между мятежными силами, возглавленными графом Перси (Хотспером), и королевскими войсками, которыми командовал наследник престола принц Уэльский, будущий король Англии Генрих V (1413–1422).

3.

Уильям Кристиан (1608–1663) – политический деятель острова Мэн, принадлежавшего роду графов Дерби; в 1651 г. граф Дерби присоединился к высадившемуся в Англии сыну казненного короля Карла I (будущий король Карл II) и губернатором острова оставил Кристиана. После казни графа Дерби Кристиан сдал остров Мэн парламентским силам и продолжал управлять им до 1658 г. Во время реставрации Стюартов, в 1660 г., был в Лондоне арестован, но вскоре освобожден по Акту об амнистии и возвратился на остров Мэн, где и был казнен. Эта расправа вызвала гнев Карла II и его советников, рассматривавших действия властителей острова как нарушение королевских законов. Судьи острова были наказаны, графы Дерби впали в немилость, а семья Кристиана получила денежную компенсацию. История эта отражена в балладе острова Мэн, использованной Вальтером Скоттом в настоящем романе.

4.

«Desiderata Curiosa» – «Собрание нелепостей» – книга Фрэнсиса Пека (1692–1743).

5.

Демпстер (думпстер) – прежнее название офицера высшего суда в Шотландии, оглашавшего подсудимому приговор. На острове Мэн и поныне двое судей именуются демпстерами.

6.

Граф Дерби Джеймс Стэнли (1607–1651) – властитель острова Мэн; во время гражданских войн – ярый сторонник короля. После поражения Карла I граф Дерби удалился на остров Мэн и превратил его в убежище для роялистов. Когда Карл II высадился в Англии (1650), Дерби примкнул к нему и после поражения при Вустере был взят в плен и казнен (1651) в городе Боултон-ле-Муре (Ланкашир).

7.

Круглоголовые – прозвище, данное роялистами сторонникам парламента в годы гражданских войн в Англии за то, что они стригли волосы, в отличие от кавалеров, носивших парики.

8.

После реставрации монархии графиня, носившая титул вдовствующей королевы острова Мэн... – Реставрация – период правления вернувшихся в Англию после революции Стюартов (1660–1688); королевой острова Мэн графиня Дерби именовалась потому, что английский король Генрих IV, захватив остров Мэн у шотландцев (владевших им с XIII в.), в 1406 г. передал его роду Стэнли (графам Дерби).

9.

...графини Дерби, прославившейся в годы гражданских войн доблестной защитой Лейтемхауса... – Шарлотта де ла Тремуиль (1599–1664) в 1626 г. вышла замуж за Джеймса Стэнли, графа Дерби, и вместе с мужем участвовала в гражданских войнах на стороне короля; руководила обороной Лейтемхауса.

10.

Карл II Стюарт – английский король с 1660 по 1685 г.

11.

Кавалеры – так в годы революции в отличие от круглоголовых называли сторонников короля.

12.

Томас Блад (ок. 1618–1680) – полковник, в годы революции сражавшийся на стороне парламента. В период Реставрации принимал участие в ряде заговоров и мятежей. После неудавшейся попытки захватить Дублинский замок бежал в Голландию. То обстоятельство, что Томас Блад всегда счастливо избегал опасности, заставляло подозревать, что он вел двойную игру и был связан с правительством. В 1671 г. с двумя сообщниками пытался похитить из Тауэра королевские регалии (корону, державу, скипетр), был схвачен, но помилован королем. В 1680 г. умер во время следствия по обвинению в покушении на герцога Бекингема.

13.

Эдуард Кристиан – лицо, вымышленное автором, так как существовавший брат Уильяма Кристиана Эдуард умер в тюрьме в 1650 г.

14.

Бекингем – Джордж Вильерс, герцог Бекингем (1628–1687) – политический деятель, писатель и фаворит Карла II. Был вдохновителем придворной группировки, которая сменила министерство Кларендона и получила название «министерства Кабал», по начальным буквам фамилий входивших в нее лиц (Клиффорд, Арлингтон, Бекингем, Эшли (Ашли), Лаудердейл). Являлся автором ряда пьес, к персонажам которых не раз обращается в своих романах Вальтер Скотт.

15.

Шарлотта де ла Тремуиль – графиня Дерби.

16.

...словами Луцио: «Просто я болтал так, в шутку». – Цитата из пьесы Шекспира «Мера за меру» (акт V, сц. 1).

17.

...во время папистского заговора. – Так называемый папистский, или католический, заговор вызвал волнения в Англии в 1678–1679 гг. Ложные доносы провокаторов о том, что

католики якобы готовятся убить короля и начать гражданскую войну, легли в основу дела о заговоре, который, несмотря на противоречивость и фантастичность «свидетельств», был в политических целях использован оппозицией. Началось преследование католиков, многие были казнены или погибли от ярости фанатичной толпы. В 1678 г. парламент принял решение о мерах против католиков с целью удалить их из Лондона. Однако к лету 1679 г. обстановка изменилась, что показало оправдание Уэйкмена (врача королевы), обвиненного в посягательстве на жизнь Карла II.

18.

...Вергилия... обвинять его в клевете на Дидону. – Вергилий Марон Публий (70–19 до н. э.) – римский поэт; Дидона – мифическая основательница Карфагена, покончившая самоубийством, чтобы спасти страну от бедствий войны. Вергилий иначе объясняет причины гибели Дидоны. В своей поэме «Энеида» он рассказывает, что Дидона покончила с собой после того, как ее возлюбленный Эней покинул Карфаген.

19.

Миньона – героиня романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796).

20.

Батлер Сэмюел (1612–1680) – английский поэт периода реставрации Стюартов; наибольшей известностью пользовалась его антипуританская сатирическая поэма «Гудибрас», откуда и взят эпиграф.

21.

Вильгельм, завоеватель Англии (1027–1087) – герцог Нормандии (с 1035 г.). В 1066 г. высадился в Англии и 14 октября того же года разбил в битве при Гастингсе короля Гарольда, завоевал страну и стал королем Англии под именем Вильгельма I.

22.

Гвильельм Бастард – то есть Вильгельм Незаконнорожденный: по преданию, Вильгельм Завоеватель был побочным сыном нормандского герцога Роберта II.

23.

В бурные времена короля Иоанна... – то есть короля Англии Иоанна Безземельного (1199–1216), чья деспотическая политика вызвала сопротивление феодального дворянства, рыцарей, горожан, духовенства. В 1215 г. король вынужден был согласиться на так называемую «Великую хартию вольностей», ограничившую королевскую власть.

24.

Пресвитериане – приверженцы религиозно-политической партии, выражавшей в годы революции XVII в. интересы крупной английской буржуазии, признавали выборного церковного старейшину – пресвитера.

25.

Высокая церковь – одно из течений англиканской церкви, к которой принадлежали священники, отстаивавшие догматы, близкие католическим.

26.

Пойнтс Сайденгем (1607 – после 1663) – генерал, участник Тридцатилетней войны; в 1645 г. вернулся в Англию и стал на сторону пресвитериан. Участвовал в битве при Нейзби (14 июня 1645 г.). После провозглашения республики эмигрировал. В 1650 г. в Вест-Индии сражался против республики.

27.

Кромвель Оливер (1599–1658) – виднейший деятель английской буржуазной революции XVII в., с 1649 г. – руководитель республики, а с 1653 г. – лорд-протектор Англии, обладавший диктаторской властью.

28.

Уиганлейн – небольшой городок в Ланкашире, вблизи которого произошло сражение между роялистами и республиканцами (25 августа 1651 г.).

29.

Вустер – 3 сентября 1651 г. при Вустере Кромвель разбил войска роялистов, которыми командовал будущий король Англии Карл II.

30.

Иаков I Стюарт – король Англии с 1603 по 1625 г.

31.

Принц Руперт, герцог Баварский и Камберлендский (1619–1689) – племянник английского короля Карла I, командовавший во время гражданской войны королевской кавалерией. За грабеж и бесчинства своей конницы был прозван «принцем-разбойником».

32.

Комитет по секвестрации – комитет из членов палаты общин и палаты лордов, учрежденный после принятого в 1643 г. декрета о конфискации имущества врагов революции. Наблюдал за правильным выполнением этого декрета.

33.

...суд и расправа над королем... его потрясли... – Карл I был предан суду особого трибунала, приговорен к смерти и казнен 30 января 1649 г.

34.

...возведение на престол наследника королевской фамилии... – то есть Карла II, вернувшегося в Англию в 1660 г.

35.

Долгий парламент – парламент в период английской революции, просуществовавший с ноября 1640 г. до апреля 1653 г.

36.

...неудачное восстание Пенраддока и Гроувза... – Джон Пенраддок (1619–1655) – роялист, сражавшийся во время гражданской войны против парламента; в марте 1655 г. в Девоншире поднял восстание против республики, потерпел поражение и 16 мая был казнен вместе со своим сподвижником Хью Гроувзом.

37.

...последние годы господства Кромвеля и последовавшего затем междоусобицы... – Кромвель с 1653 г. стал лордом-протектором государства с диктаторской властью и правом назначать себе преемника. После смерти Кромвеля (1658 г.) и краткого правления его сына Ричарда Кромвеля в стране установилось господство нескольких враждовавших между собой генералов, которые начали переговоры с роялистами о восстановлении монархии, завершившиеся в 1660 г. возвращением Карла II Стюарта.

38.

Эксетер – город в Девоншире, во время гражданской войны (с 1642 г.) был на стороне парламента; в 1643 г. был взят роялистами, которые удерживали его до 13 апреля 1646 г.

39.

Монк выступил... против этого вонючего Охвостья. – Генерал Джордж Монк (1608–1670) активно содействовал восстановлению монархии Стюартов в 1660 г. Охвостьем называли членов Долгого парламента, оставшихся от пресвитериан после его чистки в 1648 г. и разогнанных Кромвелем в 1653 г. После его смерти вновь созвано в 1659 г. и разогнано Монком в 1660 г.

40.

Фэрфакс Томас (1612–1671) – деятель английской революции, умеренный пресвитерианин; с января 1645 г. главнокомандующий парламентской армией.

41.

...распри между приверженцами Вестминстер-холла и Уоллингфорд-хауса... – то есть между приверженцами парламента и короля. Вестминстер-холл – зал, в котором заседали парламент и высший суд, в том числе над королем Карлом I. Уоллингфорд-хаус – замок в Беркшире, одна из последних крепостей, удерживавшихся королем Карлом I во время гражданской войны.

42.

Эпиграф к этой главе принадлежит В. Скотту. В дальнейшем к эпиграфам, автором которых является Вальтер Скотт, примечаний не дается. Скотту также принадлежат все эпиграфы, подписанные «Старинная пьеса».

43.

Леди Баунтифул – героиня комедии ирландского драматурга Джорджа Фаркера (1678–1707) «Хитрость щеголя» (1707), женщина, чье имя вошло в поговорку как образец милосердия и щедрости.

44.

Цитата из трагедии Шекспира «Ричард III» (акт III, сц. 2).

45.

Бродячий актер из Уорикшира – то есть Шекспир, который родился в городе Стратфорде-на-Эйвоне (Уорикшир).

46.

Давид явил смирение в скорби. – Давид – древнеизраильский царь (XI – начало X в. до н. э.), герой многих легенд. Существует библейский рассказ о том, как Давид во время болезни

сына, надеясь умиловить Бога, молился и постился, но после смерти ребенка «умылся, и помазался, и переменял одежды свои, и... потребовал, чтобы ему дали хлеб, и он ел».

47.

...квакерской откровенностью... – Речь идет о секте, основанной в середине XVII в. Джорджем Фоксом (1624–1691). Членов этой секты прозвали квакерами – трясунками из-за телодвижений, которыми они сопровождали свои экстатические богослужения. Квакеры отрицали внешние формы религиозности, обряды, выступали против войны, военной службы.

48.

...лорда – хранителя печати Уайтлока, когда на обеде у оберкамергера Швеции он решительно отказался пить за здоровье королевы Христины... – Уайтлок (1605–1675) – один из лидеров индпендентов. Во время гражданской войны вел переговоры с королем Карлом I. При республике лорд – хранитель печати. В конце 1653 г. был послан в Швецию для переговоров с королевой Христиной Августой (1632–1654) о заключении торгового и политического договора, который был подписан в апреле 1654 г.

49.

...жены ханаанской... – Ханаан – древнейшее название Палестины.

50.

...торжество в капище нечестивых не чем иным, как весельем в доме Арсы. – Здесь несколько искажен библейский рассказ о заговоре, который составил некто Замврий против царя древней Иудеи Ила, правившего в городе Фирце (Тирза). Когда Ил пировал в доме Арсы и опьянел, Замврий убил его и захватил трон.

51.

...подобно губернатору Тилбери, смягчился... – Имеется в виду реплика в комедии Шеридана (1751–1816) «Критик, или Репетиция одной трагедии» губернатора крепости Тилбери, который, обращаясь к провинившейся дочери, говорит, что как отец он смягчился, как губернатор – нет (акт II, сц. 2).

52.

«По шатрам, о Израиль!» – цитата из Библии (3-я Книга Царств, XII, 16); призыв к неповиновению царю Давиду.

53.

Монтекки и Капулетти – в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» две знатные враждующие семьи.

54.

Джон Уайт (1590–1645) – пуританский деятель, член парламента, подвергавшийся до революции преследованию.

55.

Семей – враг израильского царя Давида; изображен в Библии упрямым и кровожадным.

56.

Франклин – то есть свободный владделец земли.

57.

...гирлянда из дубовых листьев и лилий; первые означали спасение короля в дупле Королевского Дуба, вторые – его счастливое восстановление на престоле. – Разбитый Кромвелем при Вустере, Карл II, до того как ему удалось бежать во Францию (15 октября 1651 г.), скитался по Шотландии. Однажды ему пришлось укрыться от преследователей в дупле большого дуба (близ Боскобея), который с тех пор назывался Королевским Дубом; лилии были в гербе Стюартов.

58.

...«жены Амаликовой»... – то есть принадлежавшей к племени амалекитян, враждовавших с древними евреями; их название в Библии стало синонимом зла.

59.

Фруассар Жан (1338–1410) – французский историк, автор «Хроники Франции, Англии, Шотландии и Испании с 1325 по 1400 г.».

60.

...«возвыситься духом»... – цитата из элегии Джона Мильтона «Лисидас» (1638).

61.

Стинго – сорт крепкого пива.

62.

Уильям С. Роуз (1775–1843) – английский поэт, друг Вальтера Скотта.

63.

...бои и турниры между гранадскими сарацинами и испанцами под командованием короля Фердинанда и королевы Изабеллы во время... осады, закончившейся ниспровержением последних остатков империи мавров в Испании. – В средневековой Европе сарацинами называли арабов, а затем вообще мусульман. Арагонский король Фердинанд Католик (1452–1516) и кастильская королева Изабелла (1474–1504) объединили (в 1479 г.) свои владения, превратив Испанию в одно из сильнейших государств тогдашней Европы. В 1481 г. была начата война против последнего владения мавров на Пиренейском полуострове – Гранадского эмирата, завершившаяся в 1492 г. взятием Гранады. Это был конец борьбы испанцев за освобождение от мавританского владычества (Реконкисты).

64.

...достойной самого Абенсерага из Гранады. – Абенсераг – представитель знатной мавританской семьи, известной своей враждой с родом Зегрисов.

65.

...командовал мясник Гаррисон. – Томас Гаррисон (1606–1660) – генерал парламентской армии, деятель английской революции, был сыном мясника из города Ньюкасла, принадлежал к левому крылу индипендентов, был членом суда над королем, позднее выступал против диктатуры Кромвеля. После реставрации Стюартов, как цареубийца, был исключен из списка лиц, подлежащих амнистии, и казнен 13 октября 1660 г.

66.

...не возлагайте надежд своих на властителей. – Несколько измененная цитата из 145-го псалма Давида.

67.

...Блейк и Лоусон со своими плавучими крепостями... – Блейк Роберт (1509–1657) – адмирал парламентского флота; Лоусон Джон (ум. в 1665 г.) – адмирал; во время революции сражался на стороне парламента; отнесся враждебно к диктатуре Кромвеля и позднее примкнул к Карлу II.

68.

Друиды – жрецы древних кельтов, населявших Британию до англосаксонского завоевания (V в.).

69.

Скальды – древние скандинавские певцы и слагатели песен о подвигах героев.

70.

...подобно грешной жене Ахава... – По библейской легенде, Ахав, под влиянием своей жены Иезавели, стал идолопоклонником и воздвиг языческие алтари. Иудейский царь Инуи приказал выбросить Иезавель из окна, и кони всадников растоптали ее.

71.

«Да прольется кровь того, кто пролил кровь ближнего» – цитата из Библии (Книга Бытия, 9).

72.

Акт об амнистии – 4 апреля 1660 г. Карл II перед своим возвращением опубликовал так называемую Бредскую декларацию, которая гарантировала амнистию участникам гражданской войны в Англии, свободу вероисповедания и т. д. После возвращения Стюартов эта декларация стала нарушаться.

73.

В эпитафии цитата из пьесы Джона Флетчера (1579–1625) «Капитан», написанной в 1613 г. в сотрудничестве с другими авторами.

74.

...старого Нола... – то есть Оливера Кромвеля.

75.

Тайный совет возник в конце XII – начале XIII в. и стал личным советом короля; занимался делами, которые решались без участия парламента, способствуя усилению абсолютистской власти. Особенно заметным его значение было при королеве Елизавете I. В 1649 г. он был упразднен. При реставрации Стюартов восстановлен, но с ограниченными полномочиями.

76.

Ормонд Джеймс Батлер, герцог (1610–1688) – роялист; после казни Карла I примкнул к его сыну Карлу II, во время реставрации был заметной фигурой при дворе.

77.

Канцлер – Энтони Эшли Купер, граф Шафтсбери (1621–1683), английский государственный деятель. При Карле II – канцлер казначейства (1661–1672), участник правящей камариллы, получившей название «министерство Кабал». Во время папистского заговора Шафтсбери был одним из вдохновителей нападков на католиков, являлся сторонником прав на престол незаконного сына Карла II, герцога Монмута, и противником брата короля, герцога Йоркского (будущего короля Иакова II), в 1682 г. вынужден был бежать в Голландию, где и умер.

78.

Гарри (Генри) Беннет, лорд Арлингтон (1618–1685) – политический деятель; во время революции сторонник короля; при реставрации Стюартов с 1661 г. занимал различные посты в министерствах и принадлежал к правящей группе «Кабал».

79.

...принесли в переднике голову злодея, подобно Юдифи из святых апокрифов... – Библейская героиня Юдифь отрубила голову вражескому полководцу Олоферну и тем самым спасла свой народ от гибели. Апокрифы – сочинения, изъятые церковью из обрядов богослужения (к апокрифам относится и Книга Юдифи).

80.

Уайтхолл – королевский дворец в Лондоне, построенный в 1619–1621 гг. архитектором Иниго Джонсом в стиле итальянского ренессанса на месте прежней резиденции архиепископа Йоркского.

81.

Сэр Мармадюк Лэнгдейл (1598?–1661) – военачальник, командовавший во время гражданской войны кавалерийским отрядом короля.

82.

Масгрейв Филипп (1607–1678) – роялист, в гражданской войне сражался на стороне короля. После казни Карла I эмигрировал. Летом 1650 г. сопровождал Карла II в Шотландию и вместе с Лэнгдейлом помогал графу Дерби оборонять остров Мэн от войск парламента. Вернулся в Англию при протекторате и участвовал в нескольких роялистских заговорах.

83.

...пыль из женевских плащей... – Женева, где в течение многих лет Жан Кальвин был фактическим диктатором, стала центром кальвинизма.

84.

...отнюдь не индипендент. – Индипенденты – политическая партия радикально настроенной английской буржуазии и нового дворянства, на которых опирался Кромвель в годы революции XVII в. Господство индипендентов установилось с возникновением республики в 1649 г.

85.

«Смерть Артура» – название романа Томаса Мэлори (ум. в 1470 г.), созданного на основе легенд так называемого Артуровского цикла. Издан типографом Кэкстоном в 1485 г.

86.

В эпитафии цитата из исторической хроники Шекспира «Генрих IV» (ч. II, акт II, сц. 1).

87.

Кларендон Эдуард (1609–1674) – реакционный политический деятель, а также историк; с 1660 по 1667 г. – первый министр Карла II. Автор враждебной революции «Истории мятежа и гражданских войн в Англии», которая вышла в 1702–1704 гг. после смерти Кларендона.

88.

В эпитафье цитата из поэмы Байрона «Чайльд Гарольд», песнь первая.

89.

Эбигейл – разбитная девушка-служанка (персонаж из пьесы Бомонта и Флетчера «Насмешливая леди»).

90.

...торжеством князя тьмы, каковой приступает к возрождению базара суеты житейской... – выражение из аллегорического произведения Джона Беньяна (1628–1688) «Путь паломника». Позднее взято Теккереем как название романа «Ярмарка Тщеславия».

91.

...последователей Лода и Уильямса, изгнанных прежним парламентом... – Лод Уильям (1573–1645) – архиепископ Кентерберийский с 1633 г., преследовавший пуритан, сторонник абсолютизма Стюартов. Одним из первых актов Долгого парламента явился арест Лода, который был казнен в январе 1645 г. Уильямс Джон (1582–1650) – архиепископ Йоркский с 1641 г. В декабре 1641 г. был арестован по обвинению в государственной измене и в мае 1642 г. освобожден с обязательством не выезжать в Йоркшир, где находился король. Уильямс все же присоединился к королю, но затем перешел на сторону парламента.

92.

Акт о единообразии. – Нарушая данные в Бредской декларации обязательства обеспечить свободу вероисповедания, правительство Карла II издало постановления, ограничивающие не только религиозную, но и политическую свободу лиц, не принадлежащих к государственной англиканской церкви. Важнейшим из этих постановлений был изданный в 1662 г. Акт о единообразии (или единовении), требовавший от священников признания основ англиканской церкви и заявления, что они не будут выступать против короля. После этого около 2 тыс. пресвитерианских священников покинули свои приходы.

93.

...филины и бесы пустыни. – Измененная цитата из Библии (Книга пророка Исайи).

94.

Диссиденты – буквально: несогласные, сторонники учений, отступавших от догматов господствовавшей в Англии англиканской церкви.

95.

Йомены – зажиточные крестьяне, составлявшие костяк парламентской армии.

96.

Битва при Босуорте произошла 22 августа 1485 г. между армиями, возглавляемыми, с одной стороны, Ричардом III, с другой – графом Генрихом Ричмондом (из рода Тюдоров); Ричард III

был убит, а победитель стал первым королем династии Тюдоров – Генрихом VII. Эта победа завершила феодальную войну Алой и Белой розы (1455–1485).

97.

...без предписания англиканской церкви... – Англиканская церковь возникла в результате Реформации, проведенной в Англии королем Генрихом VIII, когда церковь вышла из подчинения Папе и главой ее стал король.

98.

Майский шест. – В средневековой Англии и при Тюдорах в праздник весны (1 мая) устраивались веселые процессии с цветами и ветвями. Главным украшением праздника было дерево (обыкновенно береза), увешанное венками и лентами. В Лондоне и больших городах на площадях дерево устанавливалось на длительное время. В 1644 г. обряд был запрещен как идолопоклонничество, но снова восстановлен в 1661 г.

99.

В эпитафии цитата из пьесы «Король и не король», написанной в 1611 г. (напечатана в 1619 г.) Фрэнсисом Бомонтом (1584–1616) и Джоном Флетчером (1579–1625).

100.

...остатки винограда Ефрема будут полезнее всего урожая Авиезера... – По библейской легенде, военачальник израильтян Гедеон, возглавив племя Авиезера, разбил мадианитян. Преследовать побежденных врагов он поручил другому племени – ефремлянам, которые убили вождей мадианитян. Однако ефремляне были недовольны тем, что их призвали сражаться позднее, чем племя Авиезера. Гедеон на это ответил: «Не счастливее ли Ефрем, добывая виноград, нежели Авиезер, обирая?», то есть не больший ли успех был у преследовавших врага ефремлян, чем у тех, кто разбил его в сражении.

101.

Дагон – по Библии, главный бог филистимлян, противников древних евреев.

102.

Ваал – один из главных богов древней Финикии, Сирии и Палестины, которому приносились человеческие жертвы.

103.

...жить в шатрах нечестивых. – В 83-м псалме Давида: «...лучше быть у порога в доме Божьем, нежели жить в шатрах нечестивых».

104.

...когда Господь повелел вранам питать Илию, скрывавшегося у потока Хорафа... – Согласно библейской легенде, израильский пророк Илия предсказал засуху и голод, которые будут посланы в наказание за то, что Ахав под влиянием Иезавели стал служить языческим богам. От преследования Ахава Илия скрывался у потока Хорафа, где по велению Бога вороны носили ему по утрам и вечерам хлеб и мясо.

105.

Сердце же нечестивых жестоко... – цитата из Библии (Книга притчей Соломоновых, XII, 10).

106.

...подобно Анании и Сапфире, тайно лелеять какое-нибудь милое нам пристрастие... – По легенде, рассказанной в «Деянии апостолов», Анания и его жена Сапфира, продав свое имущество для помощи апостолам, утаили часть вырученных денег; их обличил апостол Петр, и обманщики были поражены внезапной смертью.

107.

В эпитафье цитата из «Антония и Клеопатры» Шекспира (акт I, сц. 5).

108.

Новая Англия – английская колония в Северной Америке (ныне штаты Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд, Мэн, Нью-Хэмпшир и Вермонт), в которой сильны были протестантские эмигранты; там быстро развивались капиталистические отношения.

109.

...вывел меня из земли египетской – то есть освободил из подневольного состояния – по аналогии с библейским сказанием об исходе евреев из Египта, где они находились в рабстве.

110.

Вейн Генри (1613–1662) – английский государственный деятель, участник революции, соратник Кромвеля; голосовал за казнь короля Карла I. Во время реставрации Стюартов был исключен из акта об амнистии и казнен.

111.

...в жертву римскому Молоху... – Молох – бог солнца древней Финикии, Карфагена и Иудеи, которому приносились человеческие жертвы; имя Молоха стало синонимом жестокости.

112.

Наследник английской короны – известный папист... – Брат короля Карла II герцог Йоркский (впоследствии король Иаков II) был католиком.

113.

Галлион Люций Анней (ум. в 65 г.) – римский проконсул в Ахайе (Греция), имя которого было у пуритан нарицательным для беспечного, равнодушного человека.

114.

...грамоту комитета... – то есть комитета по секвестрации.

115.

Пасхальный агнец – так Иоанн Креститель назвал в Евангелии Христа – «вот агнец мира, который берет на себя грех мира» (от Иоанна, I, 29).

116.

...жертвы, принесенные на гумне Орны, остановили чуму. – По библейской легенде, житель Иерусалима Орна Иевусянин во время чумы предложил царю Давиду свое гумно как место для жертвоприношения. Царь купил у Орны его владение, поставил там жертвенник и принес жертвы, после чего эпидемия прекратилась.

117.

Заговор Веннера. – Бочар Томас Веннер (ум. в 1661 г.) был одним из крайних сектантов и принадлежал к так называемым людям Пятой монархии (миллиариям), которые считали, что после монархий ассирийской, персидской, греческой и римской наступит пятое царство Христа и его святых на тысячу лет. Под религиозной оболочкой этих взглядов скрывались радикальные социальные идеи мелкобуржуазных масс. В 1661 г. Веннер и его единомышленники подняли восстание против Карла II, но были разбиты. Веннер и другие главаря заговора были казнены, а секта уничтожена.

118.

В эпиграфе цитата из английского поэта Уильяма Коллинза (1721–1759).

119.

...эпитет, которым Гомер характеризует Агамемнона. – В поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея» микенский царь Агамемнон, предводитель греков в Троянской войне, характеризуется как величавый, царственный муж, властитель мужей. В оригинале игра слов, так как «властитель мужей» и «властитель Мэна» по-английски звучат почти одинаково.

120.

Семирамида – легендарная царица Ассирии, историческим прототипом которой была ассирийская царица Шаммурамат (809–792 до н. э.). Образ Семирамиды стал синонимом могущественной властительницы.

121.

Заведение Людовика... – то есть созданный в 1680 г. Людовиком XIV театр, получивший название Французской комедии.

122.

Сэдли Чарлз (1637–1701) – поэт и острослов времен Реставрации; известен своей распутной и скандальной жизнью.

123.

Этеридж Джордж (1635?–1691) – драматург, автор комедий, шедших в театре герцога Бекингема; известен скандальными похождениями во время Реставрации.

124.

Гарри Джермин, граф Сент-Олбен (1600–1684) – политический деятель, приближенный королевы Генриетты Марии, супруги короля Карла I.

125.

Монмут Джеймс Скотт, герцог (1649–1685) – незаконный сын Карла II от Люси Уолтер.

126.

Гамильтон Элизабет, графиня де Граммон (1641–1708) – придворная дама при дворе Карла II, жена графа Филибера де Граммона, французского аристократа, жившего в Англии, славилась красотой (ее прозвали «прекрасная Гамильтон») и умом; оставила интересные мемуары.

127.

Герцогиня Ричмонд Фрэнсис Тереза Стюарт Леннокс (1647–1702) – фаворитка Карла II, была прозвана «прекрасная Стюарт».

128.

Роксалана – жена Александра Македонского в трагедии Натаниеля Ли (1653?–1692) «Царицы-соперницы, или Смерть Александра Великого».

129.

Нелл Гвин (1650–1687) – английская актриса, фаворитка Карла II.

130.

Леди Синтия – персонаж комедии Уильяма Конгрива (1670–1729) «Двоедушный» (1693).

131.

Исаак Уолтон (1593–1683) – автор книги «Искусный рыболов» (1653), написанной в форме беседы между рыбаком, охотником и птицеловом; в книге советы рыболову перемежаются стихами и песнями.

132.

В эпиграфе цитата из «Сна в летнюю ночь» Шекспира (акт I, сц. 1).

133.

Иродиада – внучка Ирода Великого; с именем Иродиады связана легенда о смерти Иоанна Крестителя. Восхищенный танцем Саломеи (дочери Иродиады), царь дал обещание исполнить любое ее желание. Саломея, по наущению матери, потребовала голову Иоанна Крестителя, который ранее обличил Иродиаду в измене мужу.

134.

Отвэй Томас (1652–1685) – английский драматург.